

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ЦЕНТР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ**

На правах рукописи

РАСУЛОВ САВРИДИН АХМАДОВИЧ

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ
ТЕКСТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЭТОВ-
СОВРЕМЕННОКОВ РУДАКИ**

**Специальность:
5.9.2 Литература народов мира
(персидско-таджикская литература)**

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Мухаммадиев Али**

Душанбе – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3-18
Глава I. Поэтическое наследие поэтов-современников Рудаки в словарях, антологиях, исторических сочинениях и других источниках	19-68
1.1. Поэзия поэтов-современников Рудаки в «Лугати фурс» Асадии Туси.....	28-39
1.2. Поэзия современников Рудаки в «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи Бухараи	39-47
1.3. Роль «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса в сохранении поэзии современников Рудаки	47-59
1.4. Поэзия современников Рудаки в «Тухфат-ул-ахбоб» Хафиза Убахи	59-68
Глава II. Обзор опубликованных текстов поэтического наследия современников Рудаки	69-126
2.1. Вклад Саида Нафиси в изучение поэтов-современников Рудаки	76-84
2.2. Первое издание сборника поэзии современников Рудаки	84-95
2.3. Публикация поэзии современников Рудаки в Иране и её особенности	95-107
2.4. Издания сборников «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007) в Таджикистане и сравнительный взгляд на них	107-126
Глава III. Сравнительное исследование опубликованных текстов поэтического наследия поэтов-современников Рудаки	127-165
3.1. Имена поэтов-современников Рудаки в опубликованных изданиях	127-133
3.2. Сравнительный анализ опубликованных сборников стихов современников Рудаки	133-165
Заключение	166-169
Список литературы	170-185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Персидско-таджикская поэзия, формируясь и развиваясь в тесной взаимосвязи с социально-политическими процессами, начиная с момента своего становления и вплоть до современности, последовательно и многогранно выполняла важную общественную функцию, служа духовным и культурным интересам народа. Анализ имеющихся научных исследований позволяет констатировать, что классическая персидско-таджикская литература сформировала свою прочную теоретико-художественную и идейно-эстетическую основу в конце IX - начале X веков нашей эры.

Вхождение «отца поэтов» Абуабдуллаха Рудаки и его поэтических современников в литературное пространство ранней персидско-таджикской словесности явилось мощным импульсом в развитии литературы и культуры эпохи Саманидов, плодотворные результаты которого получили дальнейшее развитие в последующие историко-литературные периоды. Именно в этот период были заложены идейно-художественные, жанрово-стилевые и языковые основы классической персидско-таджикской литературы. Однако от обширного поэтического наследия Рудаки и его современников до нашего времени дошла лишь крайне ограниченная часть, зафиксированная преимущественно в лексикографических источниках, антологиях, историко-литературных сочинениях и иных письменных памятниках. Иными словами, ни от одного поэта саманидской эпохи не сохранился целостный поэтический диван, а корпус дошедших текстов носит фрагментарный и разрозненный характер. Несмотря на указанное обстоятельство, современные исследователи предпринимают последовательные попытки на основе имеющихся и доступных источников осуществить научную реконструкцию и дать объективную оценку литературному процессу саманидского периода. Вместе с тем данная исследовательская работа сопряжена с рядом серьезных трудностей, важнейшей из которых является отсутствие надёжных рукописных списков и текстологически выверенных вариантов значительной

части поэтических произведений современников Рудаки. Вследствие этого в дошедших текстах наблюдается существенная вариативность в употреблении лексических единиц, словосочетаний, синтаксических конструкций, а в отдельных случаях - и целых стихотворных строк, что значительно осложняет текстологический анализ, сравнительно-историческое исследование и формирование однозначных научных выводов.

Несмотря на то что сбор, систематизация и подготовка к публикации произведений поэтов-современников Рудаки на основе разрозненных источников начали осуществляться ещё с 40-х годов прошлого века, до настоящего времени не была проведена полноценная научная и научно-критическая обработка этих текстов на базе всего комплекса доступных материалов, равно как и не осуществлено их систематическое текстологическое сопоставление. Указанное обстоятельство непосредственно свидетельствует об актуальности темы настоящего исследования.

Сравнительное изучение опубликованных текстов произведений поэтов-современников Рудаки позволяет, во-первых, реконструировать и упорядочить более полный и достоверный корпус их поэтического наследия, а во-вторых, создать необходимые предпосылки для подготовки научно-критического издания данных произведений. Более того, всестороннее исследование рассматриваемой проблемы способствует формированию более надёжной и репрезентативной источниковой базы, что в дальнейшем может быть использовано в последующих научно-исследовательских работах, посвящённых данной тематике.

Степень изученности научной темы. Текстологическое исследование литературного, научного и исторического наследия писателей и ученых прошлых эпох персоязычного народа является одной из ключевых и фундаментальных отраслей литературоведения. Оно предоставляет исследователю возможность при изучении и анализе произведений того или иного автора давать обоснованную и достоверную оценку их текстам.

Текстология изучает рукописные и устные тексты с точки зрения истории их создания, доработки, редакции, а также достоверности структуры и содержания. Сегодня она признана как самостоятельная научная дисциплина. Так, Д.С. Лихачёв, опираясь на накопленные исследования и опыт, отмечал, что «исследование текста - это фундамент деятельности ученого, на котором базируются все остальные исследования» [126, 26].

А. Афсахзод в контексте текстологии очень кратко и ёмко подытожил эту зрелую и интересную мысль следующим образом: «Объектом особым, основным и специфическим текстологии является существующий текст» [59, 6]. Если рассматривать степень изученности темы с этой точки зрения, то становится очевидно, что тексты поэтов-современников Рудаки, дошедшие до нашего времени, прошли через многочисленные взлёты и падения, а также через значительные утраты и трансформации.

К сожалению, от Рудаки и его современников до нашего времени не сохранился ни один полный диван, что лишает возможности всесторонне оценить их литературное наследие и полностью представить его на примере творчества поэтов эпохи Саманидов.

Правильно отмечается, что лексикографы, ученые-лингвисты средневекового периода и теоретики персидско-таджикской литературы при необходимости, в зависимости от требований своих трудов, использовали образцы стихотворений поэтов-современников Рудаки, тем самым облегчая решение собственных задач. Это прежде всего находит отражение в произведениях самого Абуабдуллы Рудаки, который признавал трёх своих выдающихся современников как мастеров слова. Речь идёт о Шахиде Балхи, Абульхасане Мухаммаде Муроди и Абуабдулле Мухаммаде ибн Мусе Фаролови. Рудаки не только поддерживал с ними личную близость, но и обладал полным знанием их поэтического наследия, сознательно и тщательно исследовал их созданные произведения и оценивал мастерство их стихосложения [24, 79; 25, 321]. В этих упоминаниях, безусловно, наряду с содержательной ценностью указанных поэтов отражается и строение их

стихотворений, поскольку композиция художественного произведения позволяет более ясно и наглядно выразить его содержание. После Рудаки внимание к наследию его эпохи проявил поэт-эпосовед Абулькасым Фирдоуси в «Шахнаме», который упомянул Рудаки и его значимость в области ораторского мастерства. Это также свидетельствует о том, что Фирдоуси при создании своего эпического произведения учитывал тексты стихотворений Рудаки и использовал их в своей работе [37, 69; 41, 469].

Среди произведений средневекового периода, относящихся к времени поэтов-современников Рудаки, в разделе, посвящённом использованию стихов Рудаки и его современников, можно особо отметить труд Асадии Туси «Лугати фурс» [34]. Этот поэт и учёный-лексикограф сумел в своём словаре посредством цитирования стихов поэтов эпохи Саманидов сохранить их имена и фрагменты произведений, передавая их последующим поколениям. О данном вопросе будет подробно говориться в первой главе диссертации, поскольку вклад Асадии Туси в сохранение и донесение до наших дней образцов поэзии современников «отца поэтов» чрезвычайно велик. Следует отметить, что Асадии Туси использовал, практически, образцы стихов всех поэтов-современников Рудаки [151, 58-63].

Ещё одной значимой культурной фигурой, внёсшей вклад в изучение поэзии и поэтов современников Рудаки, является поэт XI века Манучехр Домгони (ум. 1040-1041 гг.). В своём известном и широко цитируемом газели «Дар Лугати шамъу мадхи ҳаким Унсурӣ» он упоминает 40 поэтов X века, которые достигли высокого мастерства в своём творчестве [11, 248-252].

Следует отметить, что хотя Асадии Туси и Манучехр Домгони были среди первых, кто сохранял и пропагандировал литературу эпохи Саманидов, они не давали каких-либо сведений о текстах использованных стихотворений и их достоверности. Мы наблюдаем тот же подход и в более поздних работах до XX века. Составители тазкир, культурологи и другие доступные нам источники в основном ограничивались приведением образцов стихов современников Рудаки, иногда делая попытки кратко включить

биографические сведения о некоторых поэтах. Наиболее ярким примером является тазкира Мухаммада Авфи Бухараи «Лубоб-ул-албаб» [2]. В разделе «Зикр ул-уламаи оли Самон» этой тазкиры в очень краткой форме представлены сведения о жизни и образцы стихов 31 поэта.

В дальнейшем образцы стихов современников Рудаки встречаются в многочисленных антологиях, исторических трудах и ранних теоретических сочинениях, таких как «Ал-Муъджам» Шамси Кайси Рази [21], «Таржумон-ул-балоға» Родуйони [17], «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшоха Самарканди [28], «Бахористан» Абдурахмана Джамии [42, 129-133] и других. Давлатшох Самарканди, в отличие от Мухаммада Авфи Бухараи, не выделял поэтов X века или эпохи Саманидов в отдельный раздел, их имена приводились лишь в связи с географией происхождения некоторых из них. В свою очередь, Джамии в «Бахористане» упоминает Рудаки, Дакика и Имору Марвази, приводя краткие сведения и цитируя 11 стихов из произведений Рудаки, 4 стиха из Дакики и 5 стихов из Иморы.

Стихи поэтов-современников Рудаки встречаются в сравнительно небольшом числе энциклопедий, составленных в пределах Индийского субконтинента и Мавераннахра, наиболее значительными из которых являются «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса [12] и «Тухфат-ул-ахбоб» Хафизии Убаи [35; 36]. О данных двух позднейших энциклопедиях, которые были составлены на основе «Лугати фурс» Асадии Туси, идет речь в первой главе диссертации.

В многочисленных источниках, средневековых антологиях и других памятниках при необходимости использовались стихи поэтов-современников Рудаки, которые можно условно разделить на следующие группы:

- а) литературные, исторические труды и тазкиры, в которых частично использованы образцы стихов поэтов-современников Рудаки;
- б) исследования, непосредственно посвящённые жизни и творчеству поэтов-современников Рудаки;

в) взгляды востоковедов и литературоведов, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме;

г) статьи и диссертации, посвящённые изучению биографии и произведений поэтов-современников Рудаки, соотносящиеся с темой диссертации;

д) научные размышления, касающиеся оставшихся фрагментов стихов поэтов-современников Рудаки.

Следует подчеркнуть, что во многих источниках, памятниках и антологиях средневекового периода при необходимости использовались стихи поэтов-современников Рудаки. Количество таких источников велико, и в дальнейшем они будут использованы по мере необходимости.

Поэзия поэтов эпохи Саманидов, став традиционной частью литературоведения и способствовавшая развитию востоковедения, фиксировалась в трудах по истории персидско-таджикской литературы, охватывающих литературу X века, а также в сборниках стихов поэтов X века, которые были составлены в соответствии с доступными материалами и возможностями сохранения текстов. В этой области первым, кто собрал стихи поэтов-современников Рудаки в единый корпус, стал Саид Нафиси. В своём крупномасштабном труде «Муҳити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ» [175] он рассматривает поэтов-современников Рудаки и включает справочные сведения о 17 из них с образцами их стихотворений.

На основе труда Саид Нафиси, к 1100-летию со дня рождения Абуабдуллы Рудаки в 1958 году, наряду с многочисленными другими значимыми работами в этой области, особенно важным стало издание книги «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» [7, 6]. В предисловии к этому изданию, написанном академиком Абдулгани Мирзоевым, отмечается: «Собранные поэтические произведения в литературных источниках представлены с многочисленными различиями, поскольку это издание носит характер массового выпуска, поэтому в настоящее время воздержались от приведения упомянутых различий» [7, 6]. Эта оговорка свидетельствует о том, что тексты

стихотворений современников Рудаки в имеющихся источниках не являются едиными и согласованными, и существует необходимость их сопоставления, чтобы создать качественный критический текст. После этих двух изданий одной из наиболее ценных работ по стихам оставшихся современников Рудаки стало издание «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» [44], подготовленное Ахмадом Идорачи Гелони. Составитель включил справочные сведения и стихи 50 поэтов-современников Рудаки с подробной предисловием и обширными комментариями, что также будет подробно обсуждено в дальнейшем.

После появления исследовательских работ в конце XIX века и развития национального литературоведения иранских народностей, в частности таджиков, особое внимание наряду с другими науками было уделено литературе и культуре эпохи Саманидов. Более того, в связи с проведением юбилейных мероприятий - 1100-летия со дня рождения великого поэта Абуабдуллы Рудаки в 1958 году, 1100-летия первого крупного таджикского государства - Саманидов в 1999 году и 1150-летия со дня рождения Рудаки в 2008 году в Таджикистане - были написаны и изданы десятки научных статей, диссертаций и сборников стихов поэтов эпохи Саманидов на территории персоязычного мира, которые в основном имеют аналитический характер.

К числу работ, посвящённых жизни и наследию поэтов-современников Рудаки, можно отнести труд М. Муллоахмада и Н. Джонисори «Рудаки ва суханварони ҳамрӯзгори ӯ» [148], работы по подготовке текстов этих поэтов под руководством Худои Шарифова и Абдушукура Абдусаттора в книгах «Шоирони аҳди Сомониён» [45] и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» [8], работу А. Маликзода «Шаҳиди Балхӣ» [129], «Рудаки ва исмоилия» Каландарова Х.С., сборник статей «Рӯдакӣ: дирӯз ва имрӯз» [188] в редакции А. Раджабова и Р. Муқимова, а также многочисленные статьи, посвящённые поэтам эпохи Саманидов. Каждая из этих работ так или иначе связана с

темой нашей диссертации, однако они не преследовали цели, поставленной в нашем исследовании.

До настоящего времени работы по данной теме носили в основном пропагандистский и популяризаторский характер, посвящённый литературе эпохи Саманидов, и не затрагивали вопросы, непосредственно относящиеся к теме настоящего исследования - текстологии и сравнительного изучения сохранившихся стихотворений поэтов-современников Рудаки. Этот аспект оставался вне поля зрения исследователей.

В этом контексте труд А. Маликзода и Ш. Мухаммадиева «...Дарёи каронанопазир», охватывающий краткие сведения о жизни и сохранившиеся стихи поэтессы-современницы Рудаки Рабии Балхи, отличается тем, что в нём указываются источники дошедших до нас произведений и отмечаются различия приведённых стихов [9]. Кроме того, диссертация Ш. Холикзода «Абушакури Балхӣ ва осори ӯ» [206] и работа А. Маликзода «Шаҳиди Балхӣ - великий поэт эпохи Саманидов» [129] также могут служить материалом для нашей диссертации.

В целом, анализ доступной литературы показал, что большинство выполненных работ, связанных с данной темой, в основном посвящены обнаружению и публикации стихов поэтов эпохи Саманидов, тогда как их текстологический аспект и сравнительное изучение текстов в различных источниках встречаются крайне редко. Те исследования, которые касались стихов современников Рудаки, в основном использовали их для подтверждения собственных идей или же стремились собрать и опубликовать как можно больше разрозненных стихотворений. Когда стихи поэтов эпохи Саманидов собирались из разрозненных источников и появлялись новые находки, это считалось значительным достижением. Сбор и систематизация этих стихов являлись первичным этапом и целью исследователей, который был выполнен лишь частично. Следующий этап это сравнительное изучение текстов этих поэтов в объёме научной работы, на основе уже опубликованных сборников, с целью сопоставления

произведений, созданных рядом с Рудаки современниками. Именно эта малоисследованная сторона и частично упомянутая в отдельных источниках проблема становится центром нашего исследования.

Цель исследования. Основная цель диссертационного исследования - определение корректных текстов сохранившихся произведений поэтов-современников Рудаки на основе сопоставления и сравнения уже выполненных публикаций и, при необходимости, обращения к имеющимся источникам и памятникам.

Задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы опубликованные тексты стихотворений поэтов эпохи Рудаки, преимущественно из Ирана и Таджикистана, были изучены в сравнении и сопоставлении, выявлены их различия и на основе этого подхода восстановлены наиболее полные тексты стихотворений современников Рудаки.

Это позволяет, во-первых, представить новые тексты стихотворений поэтов-современников Рудаки на основе сравнительного анализа, а во-вторых, использовать относительно достоверные и корректные тексты дошедших до нас стихотворений. Для достижения указанной цели в диссертации поставлены следующие задачи:

- Сбор сохранившихся стихотворений поэтов-современников Рудаки из первоисточников;
- Изучение источников, содержащих стихи поэтов эпохи X - начала XX века;
- Исследование словарей, исторических хроник, тазкир и словарей, в которых приведены тексты стихов поэтов-современников Рудаки;
- Сравнительное определение опубликованных текстов стихотворений поэтов эпохи Рудаки в Таджикистане и Иране и выявление степени их достоверности;

- Определение трудов исследователей, которые обращались к стихам поэтов X века и в своих непосредственных исследованиях ссылались на стихи современников Рудаки;
- Определение роли текстологов в появлении, подготовке и публикации стихов современников Рудаки;
- На основе изучения и анализа выявление текстовых различий, имеющих в опубликованных книгах, и максимально точное определение правильного текста стихотворений поэтов X века;
- Прояснение некоторых проблемных текстов стихов современников Рудаки и определение их принадлежности тому или иному поэту той эпохи;
- Подготовка к составлению достоверного и максимально полного текста стихотворений современников Рудаки на основе достижений современной текстологии, сравнительного анализа и новых исследований.

На наш взгляд, именно эти задачи составляют основные цели диссертационного исследования.

Объект исследования. Основными вопросами настоящего диссертационного исследования являются проверка публикаций сохранившихся произведений поэтов-современников Рудаки в Таджикистане и Иране, а также анализ статей и исследований, посвящённых стихам этих поэтов, опубликованных как в печатных изданиях, так и в интернет-ресурсах.

Предмет исследования. Предметом исследования является изучение подлинности стихотворений поэтов-современников Рудаки, составление их каталогов и сравнительное изучение опубликованных текстов, дошедших до нас через различные источники и памятники.

Кроме того, в исследование включены стихи первых персидскоязычных поэтов эпох Тахиридов и Саффаринов, воспитавших поэтическую традицию в эпоху Саманидов, которые оказали заметное влияние на формирование и развитие персидско-таджикской поэзии.

Теоретические основы исследования. В процессе подготовки и написания диссертационной работы использованы достижения, описания и научные подходы, а также мнения зарубежных и отечественных исследователей, таких как Д.С. Лихачёв, И.С. Брагинский, А.А. Болдирев, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, С. Нафиси, М. Муин, З. Муътаман, М.Н. Османов, Ш. Нуъмони, С. Айнӣ, А. Мирзоев, Х. Мирзозода, А. Афсахзод, Ш. Хусейнзода, А. Сатторзода, Х. Шарифов, А. Насриддинов, М. Нарзикул, А. Кучаров и др.

Методологические основы исследования. Диссертация подготовлена на основе общепринятых и соответствующих литературоведческих методов, непосредственно связанных с решением задач исследования. В данном контексте использованы: историко-сравнительный метод, сравнительно-исторический метод, анализ и критика текстов литературных произведений, комментарий и интерпретация литературных текстов, количественные методы в изучении литературных произведений. Применение этих методов способствовало исследованию материала диссертации, решению поставленных задач и достижению ожидаемых результатов.

Источники исследования. Прежде всего основными источниками исследования являются сохранившиеся произведения современников Рудаки, дошедшие до нас через словари, тазкиры, словари-энциклопедии и исторические памятники, созданные в течение более чем десяти веков. К ним относятся, например: «Лугати-фурс» Асадии Туси [31; 32; 34], тазкира «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи Бухараи [2], «Тарджумон-ул-балога» Родуёни [17; 18], «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса [12], «Чохор макола» Низоми Арузи Самарканди [29], «Таърихи Систан» [30], «Хадаик-ус-сехр» Рашиди Ватвата [10], «Бахористон» Абдурахмана Джоми [42], «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшаха Самарканди [28], «Тухфат-ул-ахбоб» Хафизии Убаха [35; 36], «Маджмаъ-ул-фусаха» Ризокуলেখона Хидоят [38; 39] и другие.

Кроме того, в число основных источников диссертации входят книги, в которых собраны и опубликованы разрозненные стихотворения поэтов-

современников Рудаки, такие как: второй том «Мухити зиндаги ва ахволу ашъори Рудаки» Саида Нафиси [175], «Ашъори ҳамасрони Рудаки» [7], «Шоирони ҳамасри Рудаки» [44], «Шоирони аҳди Сомониён» [45], «Ашъори ҳамасрони Рудаки» [8] и др., которые служат надёжными источниками для исследования.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в современной литературоведческой и ориенталистской науке тексты стихотворений поэтов-современников Рудаки рассматриваются и анализируются на основе их опубликованных текстов. В рамках данной темы подготовка диссертации способствует восстановлению относительно достоверного текста, близкого к эпохе жизни поэтов-современников Рудаки. На основе сравнительного изучения опубликованных текстов в дальнейшем возможно подготовить научное издание их произведений с максимально достоверной текстологической редакцией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Не вызывает сомнений, что в любом литературоведческом исследовании и для достижения в нём значимых научных результатов первостепенное значение имеет наличие аутентичного и научно выверенного авторского текста. В связи с этим текстология занимает особое место в системе литературоведческих дисциплин. Тексты художественных произведений, подготовленные к изданию в соответствии со специальными текстологическими принципами и критериями, приобретают высокую научно-исследовательскую ценность. Учитывая обилие литературного наследия наших предшественников, а также его древнюю и продолжительную историю, текстологическое изучение этих произведений представляется особенно актуальным и своевременным. В круг данных актуальных задач входит и исследование дошедших до нас произведений современников Рудаки.

2. Поэтическое наследие современников Рудаки, насчитывающее более

чем тысячелетнюю историю, на протяжении длительного времени привлекает внимание учёных-литературоведов, исследователей истории литературы, текстологов и издателей художественных памятников. На основе историко-литературных и теоретико-научных источников, а также словарей, джунгов и сафин, ими были выявлены данные произведения, подготовлены к публикации с учётом их жанрово-содержательных и текстологических особенностей и введены в научный оборот и читательский обиход.

3. Первым источником, в котором были зафиксированы поэтические произведения современников Рудаки и который донёс до последующих поколений сведения о существовании талантливых поэтов X века, является «Лугат-и фурс» Асади Туси. Автор данного словаря, будучи хронологически близок к Рудаки и его современникам, располагал обширным материалом, связанным с их творчеством. В силу этого при толковании словарных статей он широко использовал поэтические примеры из произведений современников Рудаки, что свидетельствует о его успешном обращении к их поэтическому наследию и высокой степени достоверности приводимых материалов.

4. Другим важным источником, содержащим сведения о современниках Рудаки, является труд Авфи «Лубоб-ул-албоб». Наряду с изложением отдельных фактов из жизни поэтов рассматриваемого периода, Авфи обращается и к их поэтическому наследию, приводя образцы их стихотворений. В связи с этим «Лубоб-ул-албоб» рассматривается как один из наиболее надёжных и первичных источников при изучении и анализе поэзии современников Рудаки.

5. Поэтические произведения современников Рудаки нашли отражение не только в мавераннахрских и хорасанских источниках, но и в сочинениях, созданных на территории Индийского субконтинента. К числу таких источников относится «Фарханги Каввос» Фахра Каввоса. Автор данного словаря при объяснении рассматриваемых лексических единиц использовал шедевральные бейты поэтов X века, в том числе современников Рудаки, тем

самым подкрепляя свои лексикографические рассуждения поэтическими примерами. В этом отношении «Фарханги Каввос» также может быть отнесён к числу достоверных источников по изучению поэзии современников Рудаки.

6. В текстологическом изучении наследия современников Рудаки важную роль играет и другой лексикографический источник - «Тухфат-ул-ахбоб», принадлежащий перу Хафиза Убахи. Данный автор, подобно составителям ранее упомянутых словарей, при истолковании рассматриваемых лексем широко прибегал к поэтическим примерам из произведений поэтов-современников Рудаки. Таким образом, указанный труд Убахи также внёс существенный вклад в исследование и выявление поэтического наследия современников Рудаки.

7. Новый этап в собирании и публикации произведений современников Рудаки непосредственно связан с плодотворной и долговременной научной деятельностью Саида Нафиси, Абдулгани Мирзоева, Х. Мирзоады, Х. Шарифова и Абдушукура Абдусаттора. Указанные учёные, опираясь на широкий круг литературных и исторических источников, с применением сравнительно-сопоставительных методов, а также апробированных текстологических и источниковедческих подходов, собрали поэтическое наследие современников Рудаки, подготовили его к публикации под различными названиями и ввели в научный и читательский оборот.

8. Изучение, сопоставление и текстологический анализ источников, относящихся к поэтическому наследию современников Рудаки, а также текстов, опубликованных в новейшее время, наглядно показали, что в таджикском литературоведении по-прежнему отсутствует научно-критическое издание сохранившихся произведений современников Рудаки.

9. В настоящее время назрела необходимость комплексного изучения дошедшего до нас наследия современников Рудаки с использованием современных текстологических методов, прежде всего на основе сравнительного анализа и реконструкции текста, а также подготовки и

издания его научно-критического собрания. Реализация данной задачи позволит в значительной мере удовлетворить духовно-культурные потребности отечественной литературной традиции с многовековой историей. Результаты, выводы и научные достижения настоящей диссертации всесторонне способствуют осуществлению указанной важной научной задачи.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы диссертации, прежде всего, способствуют подготовке и изданию сопоставительного текста поэтического наследия современников Рудаки, а также могут быть использованы при комплексном изучении литературы эпохи Саманидов. Кроме того, результаты исследования могут найти применение при написании кандидатских, докторских и дипломных работ в высших учебных заведениях, а также при разработке и чтении специальных учебных курсов, направленных на всестороннее изучение сохранившегося творческого наследия поэтов-современников Рудаки.

Личный вклад соискателя учёной степени в исследование.

Автором в первую очередь изучена история научного исследования жизни и творчества поэтов-современников Рудаки. Проанализированы различные издания их поэтического наследия путём сопоставления и сравнительного анализа, выявлены и научно оценены различия как в количестве атрибутируемых имён поэтов, так и в объёме и составе сохранившихся стихотворений в сравниваемых публикациях. Далее диссертант на основе сопоставления трёх изданий, опубликованных в Таджикистане, и одного иранского издания поэтического наследия современников Рудаки, с привлечением конкретных текстологических примеров, приходит к выводу о необходимости подготовки и публикации их научно выверенного текста.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные положения и результаты диссертации были апробированы в форме докладов на ежегодных научно-теоретических конференциях научных сотрудников, профессоров и преподавателей

Национальной академии наук Таджикистана, на конференциях Международного университета иностранных языков Таджикистана имени Сотима Улугзода, а также на научных форумах молодых учёных республики.

Диссертация была обсуждена на расширенном заседании отдела текстологии и издания письменного наследия Центра востоковедения и письменного наследия Национальной академии наук Таджикистана и рекомендована к защите (протокол № 6 от 27.06.2025).

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 9 научных статьях, в том числе в 5 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, десяти разделов, заключения и списка использованной литературы. Общий объём работы составляет 185 страниц машинописного текста.

ГЛАВА I. ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННОКОВ РУДАКИ В СЛОВАРЯХ, АНТОЛОГИЯХ, ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКАХ

Поэтические произведения персоязычной литературы, независимо от исторических условий и общественных трансформаций, с момента своего зарождения и до наших дней теми или иными путями доходили до народа, удовлетворяя его духовные потребности богатым идейно-содержательным потенциалом и художественной выразительностью. Согласно исследованиям учёных, период расцвета и окончательного становления новой персоязычной поэзии приходится на конец IX-X века н. э., что было обусловлено относительной политической стабильностью и благоприятными социально-культурными условиями. Вместе с тем это отнюдь не означает, что до IX-X веков коренное население Мавераннахра и Хорасана не обладало собственной литературной традицией.

Древнейшие образцы нашей письменной культуры и художественного слова восходят ко второму тысячелетию до нашей эры и, согласно имеющимся данным, даже к более раннему периоду. Они зафиксированы в памятниках древней литературы, в том числе в священной книге «Авеста», а также в резных надписях на дереве и камне, на шкурах животных и других носителях [40; 221; 209].

Один из исследователей арийской культуры М. Хазраткулов, опираясь на доступные тексты «Авесты», отмечает: «Появление «Авесты» положило начало формированию религиозной литературы. Зороастрийские жрецы адаптировали многочисленные гимны, посвящённые прославлению мифологических божеств, к канонам зороастрийской религии и включили их в состав «Авесты» [209, 310].

В последующие периоды такие памятники, как «Карнаме-йи Доро», «Айаткори Зарирон», «Карнаме-йи Ардашир-и Бабакан», «Аржанг» Мани, «Панднома-йи Ануширван», различные версии «Худайнаме», согдийское

произведение «Сказание о Рустаме» и ряд других текстов, от одних из которых сохранились фрагменты, а от других лишь названия, последовательно закладывали прочный фундамент персоязычной таджикской литературы. Более того, ещё до IX-X веков с индийских, латинских и греческих языков на язык местного населения были переведены и получили широкое распространение такие произведения, как «Калила и Димна», «Синдбад-наме», древние тексты «Вомик и Азра», «Саламан и Абсал» и др., влияние которых на персоязычную таджикскую литературу прослеживается вплоть до настоящего времени [140]. Некоторые из этих произведений в более поздний период, после арабского завоевания и распространения арабского языка и письменности, были переведены также и на арабский язык и получили хождение в Хорасане и Мавераннахре.

В рассматриваемый период, то есть с началом арабских завоеваний, родным языком населения оставался пехлевийский язык, который постепенно трансформировался в персидско-дари, язык, известный сегодня как таджикскоперсидский. Окончательное формирование и развитие этого языка связано с приходом к власти династии Саманидов. Как свидетельствуют многочисленные исследования, именно при Саманидах в X веке персидско-дари достиг высокого уровня зрелости и нормативности. Саманидские правители, проводя политику компромисса с арабским халифатом и сохраняя ислам в качестве государственной религии, одновременно стремились к пробуждению исторической памяти народа и уделяли особое внимание развитию национальной культуры и литературы.

Активизация национального самосознания как реакция на социальное и политическое давление эпохи, в частности на последствия арабского завоевания, способствовала созданию произведений на персидско-дари и появлению плеяды литераторов, которые наряду с творчеством на арабском языке создавали научные и художественные тексты на родном языке [108, 162-179]. Появление переводчиков иранского происхождения, переводивших произведения с пехлевийского и персидско-таджикского языков на арабский,

таких как Абдуллах ибн аль-Мукаффа', Ибн ан-Надим, Али ибн Зияд ат-Тамими, Хасан ибн Сахл, Джабала ибн Салим, Исхак ибн Язид и многие другие, свидетельствует о том, что данные деятели были прежде всего творческими личностями.

В этом контексте литературовед Н. Зохилов, характеризуя деятельность Джабалы ибн Салима, пишет: «Одним из первых переводчиков, обратившихся к переводу доисламских персидско-таджикских произведений на арабский язык, был Джабала ибн Салим. Он происходил из семьи иранских писцов, которые в первой половине VIII века играли активную роль в культурной жизни Омейядского халифата» [108, 172].

Следует особо подчеркнуть, что если бы упомянутые переводчики не владели пехлевийским языком, который в дальнейшем трансформировался в персидско-дари, то с какого языка они могли бы осуществлять переводческую деятельность? Очевидно, что прежде всего они в совершенстве владели своим родным языком. Несмотря на существование различных точек зрения относительно первых творцов на персидско-дари, известный рудакивед Саид Нафиси, обращаясь к личности Халида ибн Абдаллаха, назначенного арабским халифатом наместником Хорасана, пишет следующее: «Как сообщает автор “Китаб ал-'уюн ва-л-хада'ик”, в 117 г. х. (735 г. н. э.) Хишам вновь передал управление Хорасаном Халиду ибн Абдаллаху, который повторно направил туда своего брата Асада... Битва Асада ибн Абдаллаха в Хатлоне произошла в 119 г. х. (737 г. н. э.), после чего он, потерпев тяжёлые неудачи, возвратился обратно. Как подробно сообщается в исторических хрониках, по возвращении в Балх жители города обратились к нему на персидском языке со следующими строками:

Аз Хуталон омадия,

Бирав, табоҳ омадия.

Обор боз омадия,

Хушку низор омадия / Из Хуталона пришёл ты, Уходи, с разорением пришёл ты. Едва живым вернулся ты, Иссохшим и

Измождённым пришёл ты»¹ [175, 215-216].

Автор данных двустиший до настоящего времени не установлен, однако сам факт их существования свидетельствует о том, что население Великого Хорасана уже в начале VIII века н. э. не только пользовалось новоперсидским (таджикским) языком в повседневном общении, но и прибегало к стихотворному творчеству. Приведённые двустишия наглядно подтверждают, что таджикская литература с самого начала была тесно связана с народной средой и выполняла функцию защиты родной земли, исторической памяти и традиций предков.

Именно поэтому в различных регионах персоязычного мира в VIII-IX веках, а также в последующие периоды, наблюдается широкое и интенсивное распространение поэтических форм и образцов. Однако подлинным и наиболее авторитетным центром поэзии и литературы эпохи Саманидов по праву считалась Бухара. Город Бухара, провозглашённый столицей Саманидского государства в 892 году благодаря усилиям Исмаила Самани, уже в конце IX - начале X века превратился в крупнейший научно-литературный центр страны [61, 84].

Начиная с VIII века, по мере формирования и расширения сферы функционирования персидско-дари (таджикского) языка, наряду с учёными на историческую арену выходят и представители художественного творчества, снискавшие известность в Хорасане и Мавераннахре. В результате целенаправленной политики Саманидов, сумевших завоевать доверие арабского халифата, сложились исключительно благоприятные условия для развития науки и литературы, центральным очагом которых, безусловно, являлась Бухара.

Саид Нафиси, характеризуя круг учёных Хорасана эпохи Рудаки, в частности отмечает: «Особенно важно то обстоятельство, что число выдающихся деятелей науки, вышедших из Хорасана и Мавераннахра, то есть с территории Саманидского государства, несоизмеримо превышает

---

¹ Далее подстрочный перевод автора.

количество учёных, появившихся в других областях Ирана. Из ста учёных Хорасана большинство происходило из Герата, Нишапура и их окрестностей, что свидетельствует о том, что после Бухары именно эти два города являлись важнейшими центрами научной жизни того времени, тогда как жители Бухары отличались особым стремлением к знаниям» [175, 384].

Наряду с учёными, имена которых упоминает Саид Нафиси, инициатива формирования нового персидского языка, известного сегодня как таджикский персидский, хотя и получила начало в Хорасане в период правления Тахиридов (821-873) и Саффаридов (873-903), не дала тогда ощутимых результатов. Наиболее значительные и плодотворные итоги этот процесс принёс в Бухаре в эпоху Саманидов [54, 131-164], причины чего достаточно подробно освещены как в средневековых, так и в современных исторических исследованиях и не требуют дополнительного разъяснения.

В настоящее время, опираясь на достижения литературоведческой науки, к числу ранних образцов персоязычной поэзии, созданных на диалектной основе, можно отнести «Песнь огнехрама Каркуй», три строки Язида ибн Муфаррага, стихотворение балхцев, приведённое выше, два бейта Абулянбаги, а также один бейт из народной песни жителей Бухары.

До выхода на литературную арену поэтов-современников Рудаки, можно назвать ряд ранних персоязычных поэтов, чьё поэтическое наследие в той или иной степени сохранилось. К их числу относятся Бахрам-и Гур, Ханзала-и Бадгиси, Махмуд Варрак-и Хирави, Абусулейк-и Гургани, Фируз-и Машрики, Мухаммад ибн Васиф-и Сагзи, Бассам-и Курд и Мухаммад ибн Мухаллад-и Сагзи. От этих авторов в совокупности сохранилось около 57 бейтов, причём наибольшее количество стихотворений принадлежит Васифу Сагзи, три кыт'а, включающие в общей сложности 20 бейтов [8, 19-30].

Рудакивед А. Афсахзод расширяет данный круг, включая в него Мухаммада ибн Ба'иса, Мухаммада ибн Мухаллада, Али-и Тирмизи, Абу Хафса Сугди, Абу-л-Аббаса Марвази и Абул'алу Шуштари [62, 89-92]. Однако Саид Нафиси, а также составители сборников «Поэзия

современников Рудаки» (1958, 2007) и «Поэты эпохи Саманидов» относят Абул'алу Шуштари к числу современников Рудаки. Более того, Саид Нафиси называет его придворным поэтом Саманидов [175, 386]. В своей статье «Абул'ала Шуштари» он, опираясь на имеющиеся сведения, обосновывает корректность данного подхода [166, 265-268]. Вместе с тем анализ языка, художественной выразительности и стилистической плавности 19 сохранившихся бейтов Абул'алы позволяет предположить, что он, вероятно, относится к числу поэтов раннего периода Саманидского государства.

Если с современных научных позиций обратиться к поэзии IX века, то, несмотря на крайне ограниченный объём дошедших до нас текстов, становится очевидным, что для них характерны ещё недостаточная языковая отшлифованность, определённая простота и народность выражения, а также сравнительная слабость художественной обработки.

Возвращаясь к основной задаче настоящего исследования, следует определить круг поэтов-современников Рудаки, выявить пути сохранения и передачи их поэтического наследия до нашего времени, а также рассмотреть, каким образом исследователи и текстологи осуществляли систематизацию и публикацию произведений этих авторов.

В X веке с расцветом государства Саманидов персидско-таджикская поэзия вступила в период заметного прогресса и совершенствования. «Город Бухара стал не только политическим и административным центром государства Саманидов, но и центром развития науки, искусства и особенно персидско-таджикской поэзии. Саманидские эмиры придавали большое значение развитию науки и литературы» [189, 64].

Согласно данным источников, сохранившихся текстов и исследованиям специалистов по эпохе Саманидов, поэзия современников Рудаки дошла до нас через различные памятники, в том числе: через книгу «Та'рих-и Систон», автор которой неизвестен, «Лугат-и Фурс» Асадии Туси, «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи Бухараи, «Таржиман-ул-балага» Родуюни, «Фарханг-и Каввос» Фахри Каввоса, «Аль-Му'джам фи машаири аш'ор-ил-Аджам»

Шамси Кайси Рази, «Чахор мккола» Низомии Арузии Самарканди, «Маджма'-ул-фурс» Сурури, «Оташкада» Лутфалибека Озар, «Ятимат-ул-дахр» Саолаби, «Му'джам-ул-булдон» Яъкуби Хамави, «Нафахот-ул-унс» Мавлави Абдурахмони Джоми, «Тухфат-ул-ахбоб» Хофизи Убахи, «Шеър-ул-Аджам» Шиблии Нуъмони и другие.

Например, появление книги с неизвестным авторством «Та'рих-и Систон» прояснило многие вопросы, связанные с возникновением персидской поэзии. Эта книга была издана усилиями учёного и литератора Маликушшуара Бахора в 1314 году по хиджре (1936 г. н. э.), и благодаря ему стало известно о многих стихотворениях поэтов придворного круга Саффаридов (873-903 гг.) [30]. В «Та'рих-и Систон» прежде всего приводятся образцы стихов придворных поэтов Я'куба ибн Лайса (873-897 гг.), таких как Мухаммад ибн Васиф-и Систони, Бассом-и Курд-и Хориджи и Мухаммад ибн Мухаммад-и Сагзи [30, 210-212]. В этом ценном историческом труде сообщается, что после побед Я'куба ибн Лайса над арабскими войсками в Занбиле и Аммарах Хоридж, а также после захвата Герата ему были переданы Систан, Кирман и Фарс, и он читал письма на арабском языке. Я'куб заявил: «Что я не нахожу, того и не говорят!» Поэт Мухаммад ибн Васиф в ответ создал стихотворение на новом таджикском персидском языке:

Эй амире, ки амирони чахон хосаву ом,

Бандаву чокару мавлову сагбанду ғулом.

Азали хатте бар лавҳ, ки мулуке бидихед,

Ба Абиюсуфи Яъкуб бина-л-Лайси хумом... [30, с. 210]. / О

правитель, перед которым склоняются и избранные, и простые властители мира, Все лишь слуги, рабы и покорные псы у твоего порога. С изначальной предопределённостью начертано на небесной скрижали, Что владычество будет даровано Абу Юсуфу Якубу ибн ал-Лайсу, доблестному герою.

Этот фрагмент состоит из семи бейтов. В дальнейшем в «Та'рих-и Систон» приведена другая газель Мухаммада ибн Васифа с началом:

Мамлакате буд, шуда бекиёс,

Амр бад-он мулк шуда буд рос [30, 286-287] / *Было то царство несравненное, И власть в той стране установилась прочно и справедливо.*

В «Та'рих-и Систон» также приведены пять бейтов поэта Бассоми Курда [30, 166-167], три бейта Мухаммада ибн Мухаммада Сагзи [30, 212] и четыре бейта Абусалаки Гургани [30, 242].

Таким образом, «Та'рих-и Систон» и другие источники позволяют проследить пути передачи и сохранения поэзии современников Рудаки, а также дают важные сведения о развитии таджикско-персидской поэзии в эпоху Саффаридов и Саманидов.

То, что дошло до нас от первых персидскоязычных поэтов, свидетельствует о том, что персидская поэзия таджикского языка начала формироваться задолго до того, как она обрела известность в центре Бухары. Уже в других регионах Хоросана и Мавераннахра, куда арабы пришли позже, таких как Гургандж, Мазендеран, Табаристан и другие, наблюдаются проявления ранней поэтической одарённости.

Кроме того, в некоторых антологиях, исторических источниках, научных трудах и словарях сохранились образцы стихотворений современников Рудаки, о которых будет сказано далее. Так, например, «Аль-Му'джам» Шамси Кайси Рази, посвящённый наукам аруз, рифмам и критике персидской поэзии, был написан между 1218 и 1233 гг. н. э. Для достижения своей цели, оценки поэзии до своего времени и анализа её форм, автор неизбежно обращался к стихам поэтов, в том числе к Рудаки и его современникам.

Эти образцы встречаются в «Аль-Му'джам» преимущественно в главах II, III, IV и V [21, 188-376]. Так, во II главе, посвящённой букве «нун» («её дополнительные значения восемь» [21, 188]), в подразделе «характер сопоставления и повторения чисел» с разбором слова «шойгон» (в исходной форме «шоҳгон», то есть «воздающий по воле царя») приведён пример из Шахиди Балхи:

Мафармой дарвешро шойгон! / *Не лишай дервиша милости* [21, 189]

В этой же книге для «буквы установления» приведены два бейта Абулаббоса Имоди и три бейта Дакики, для «Вови выражения замма», два бейта Абулхасана Оғоджи, для «буквы достоинства и необходимости», два бейта Шокири Бухараи, один бейт Газвонии Лукари, пример для сатиры, три бейта Хусравии Сарахси. В V главе («О рифмах и неприемлемых оборотах, попавших в размерное слово») [21, 230] для Дакики приведены семь бейтов, для Маъруфии Балхи один, для Мунджики Тирмизи в примере скрытой метафоры один бейт, для илтифата один бейт. Всего в этих главах собрано 27,5 бейтов или 55 стихотворных строк.

Таким образом, Шамси Кайси Рази своим трудом стремился сохранить имена и поэзию этих поэтов, пусть в небольшом объёме, и донести их до нашего времени. Конечно, многие из этих стихов встречаются и в других источниках, однако «Аль-Му'джам» представляет собой отдельное достижение в сохранении этих произведений.

Другим источником, в котором использованы стихи современников Рудаки, является книга Мухаммада ибн Умари Родуюни «Таржуман-ул-балага», созданная в конце XI - начале XII века [17]. Это один из древнейших трудов, обсуждающих художественные искусства. Автор перевёл термины и определения художественных приёмов на персидский язык и подтвердил их на основании высказываний мастеров персидской поэзии [214, 177-178]. В этом произведении приведены образцы стихотворений более чем 45 поэтов, из которых 12 современники Рудаки, включая Абулхасана Огоджи, Хусравони, Хусравии Сарахси, Дакики, Шокири Бухараи, Абушакури Балхи, Абулаббоса, Абульало Шуштари, Кисоии Марвази и Мунджики Бухараи, а также Маънави.

Хотя диваны современников Рудаки не дошли до нашего времени в полном объёме, образцы их произведений были сохранены благодаря литературным и историческим источникам. Среди этих источников особенно значительную роль в сохранении стихов современников Рудаки сыграли

«Лубоб-ул-албаб» Мухаммада Авфи Бухараи, «Лугати фурс» Асадии Туси, «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса и «Тухфат-ул-ахбоб» Хофизи Убаи. Содержательность этих источников проявляется в трёх ключевых аспектах. Во-первых, авторы этих трудов были современниками Рудаки, что позволяет считать их «равными по времени» и достоверными свидетелями эпохи. Во-вторых, при составлении данных источников стихи этих поэтов были широко доступны, что способствовало их широкому включению. В-третьих, современники Рудаки были талантливыми и известными поэтами, а их произведения пользовались особым признанием. Для более детального анализа содержания этих источников необходимо посвятить отдельные главы диссертации изучению и текстологическому исследованию их материалов. Это позволит должным образом оценить труд авторов, систематизировать и критически проанализировать количество стихотворений, дошедших до нас от современников Рудаки, и углублённо исследовать их творческое наследие.

1.1. Поэзия поэтов-современников Рудаки в

«Лугати фурс» Асадии Туси

Лексикография персидско-таджикского языка является длительной и сложной, её корни уходят в средний период истории нашего языка. В этом вопросе мнения исследователей разнообразны, однако все они признают, что культурные и лексикографические памятники занимают значимое место в истории языкознания и литературоведения, оказывая заметное влияние на изучение языка и литературы. Несмотря на это, не все персидско-таджикские лексиконы были подробно и системно изучены. Одним из таких значимых трудов, получивших известность после своего создания и публикации, является «Лугати фурс» / Персидский словарь Асадии Туси (1005/1010-1073). По данным исследователей, «Лугати фурс» считается одним из первых толковых персидско-таджикских словарей, который, несмотря на многочисленные исторические перипетии и события, дошёл до наших дней и продолжает активно использоваться учёными. Текст «Лугати фурс»

неоднократно подвергался научной и критической публикации в Иране и Таджикистане. Среди известных изданий следует отметить работы Пауля Хорна и Мухаммада Дабирсиёка [31], Аббаса Икбала [32], а также Нурулло Гиёсова [34].

В исследовании и изучении лексикографического наследия «Лугати фурс» Асадии Туси наиболее подробно и обстоятельно мнение высказал таджикский лексикограф В. А. Капранов в своей диссертации «Лугати фурс» Асадии Туси и его место в истории таджикской лексикографии» [114]. Он подчеркнул важность данного труда для науки о языке и лексикографии, отметив его практическую и теоретическую значимость [114, 31-33]. Следует отметить, что ранние персидско-таджикские словари обладали энциклопедическими чертами: они отражали не только историческое развитие лексики языка, но и описывали различные события исторического, литературного и иного характера, связывая их с языковыми единицами. Поэтому для изучения истории классической персидской литературы словари представляют собой не менее важный источник, чем тазкиры, помогая понять эволюцию языка, культуру и литературу народа.

Словарь «Лугати фурс» Асадии Туси сочетает все указанные качества и является одним из первых толковых персидско-таджикских словарей, дошедших до наших дней. Он сохранил бесценные лексические единицы и продолжает активно использоваться исследователями лингвистики и литературоведения. Автор этого труда оказал значительную услугу последующим составителям словарей, предоставив базу для ряда последующих энциклопедических и толковых словарей, таких как «Меъёри Джамоли», «Адиллат-ул-фузало», «Тухфат-ул-ахбоб», «Маджмаъ-ул-фурс» и других [114, 169-177].

Мнения учёных относительно создания «Лугати фурс» и необходимости его появления в целом сходны. Когда Асадии Туси в Нахичевани (Азербайджан) по приказу правителя Абдулафи Дайлами писал «Гаршоспнаму», жители Нахичевани, особенно придворные и учёные, не

всегда понимали некоторые слова произведения, в основном характерные для Мовароуннахара. Поэтому они попросили автора разъяснить эти термины [151, 21-23]. Так был составлен словарь «Лугати фурс», бесценное сокровище для изучения и исследования поэтов эпохи Саманидов.

Как отмечалось ранее, словарь был создан Асадием Туси по просьбе современников для понимания литературных произведений предшествующих поэтов и его современников, написанных в Мовароуннахре и Хуросане. В предисловии к книге автор прямо указывает: «Книга «Лугати фурс» это язык жителей Балха, Мовароуннаха и Хуросана...» [31, 1]. Асадии Туси продолжает свои размышления: «Я видел поэтов, которые были выдающимися, но плохо знали персидскую лексику, и поэт Катрон создал книгу, где эти слова были известны. Тогда мой сын, мудрейший Ардашер ибн Дайлами ан-Наджми аш-Шоир, по моей просьбе, то есть Абумансур Али ибн Ахмад ал-Асади ат-Туси, захотел составить словарь, где к каждому слову был бы приведён пример из поэзии персидских поэтов один или два стиха. И я составил его в алфавитном порядке: «алиф», «бо»... Смотрите, пока не дойдёте до последней буквы йо (ی), чтобы можно было быстро найти нужное слово. И я начал с алиф (الف) и составил до йо, и Аллах ведаёт лучше» [31, 1-2].

Таким образом, «Лугати фурс» Асадии Туси был результатом как практической необходимости для понимания литературного наследия, так и систематической работы по упорядочиванию словаря по алфавиту, что делало его удобным и ценным источником для исследователей языка и литературы.

Из этого следует, что при составлении «Лугати фурс» Асадии Туси использовал методический образец, аналогичный труду Катрона Табрези, о котором сегодня известно лишь по имени.

Что касается общей структуры этого словаря и порядка расположения поясняемых слов, то можно сделать вывод, что они упорядочены по последней букве слова. Слова, включённые в словарь, снабжены примерами

из стихотворений поэтов прошлого и современников автора. Некоторые из этих слов к моменту жизни Асадии Туси и его современников в Нахичевани уже считались устаревшими или архаичными, а часть сохраняла местный или диалектный характер.

В контексте темы данной диссертации «Лугати фурс» Асадии Туси привлёк наше внимание как бесценный литературный источник, поскольку в нём представлены памятники поэзии доисторических поэтов и современников автора, часть которых дошла до нас исключительно благодаря этому ценному словарю. Он является незаменимым пособием для изучения персидской поэзии IX-XI веков: без этого труда Асадии мы практически ничего не знали бы о стихах Рудаки, его поэмах «Синдбаднама» и «Даврони офтоб», о произведениях поэтов его современников, о нравоучительной поэме Абушакури Балхи «Офариннома» и некоторых других.

Согласно указанию исследователя поэмы «Гаршоспнама» Асадии Туси Али Мухаммади, в тексте «Лугати фурс», подготовленном Паулом Хорном и Дабирсиёки, упомянуто 67 поэтов, а в упорядоченном тексте Аббоса Икбола (с приложенными к нему дополнениями) приведены образцы творчества более чем 130 поэтов, пусть и в разной степени полноты. Икбол сохранил эти приложения в тексте потому, что их пояснения трудно найти в других словарях и культурных источниках [151, 25-26].

Исследователи ценят этот словарь прежде всего за то, что в нём встречается ряд имён и тахаллусов поэтов, которые в истории персидско-таджикской литературы мало известны, а некоторые из них не упоминаются ни в одном другом литературном или историко-источниковедческом памятнике, например: Шахсор, Мурсот, Гаввос, Шухраи Офок, Зарринкитоб, Борони, Марвориди, Наджор и другие. Отрывки стихов этих поэтов дошли до нас именно благодаря словарю «Лугати фурс».

Вышеизложенные наблюдения позволяют утверждать, что «Лугати фурс» Асадии Туси может рассматриваться как один из литературных

источников и максимально достоверный проводник сохранившихся произведений Абуабдуллохи Рудаки и поэтов его современников. Кроме того, персидско-таджикские словари, в том числе «Лугати фурс», могут оказать ценную помощь в прояснении некоторых спорных вопросов литературоведения, в частности текстологии, словарного комментария и других аспектов. Например, правильный текст ряда стихотворений Рудаки до настоящего времени сохранился именно благодаря этому словарю, что позволяет исследователям обращаться к публикации стихов Рудаки 1974 года («Ирфон», стр. 166, 169, 170, 174, 182, 190, 194 и др.) и иметь уверенность в достоверности текста [22, 224].

Переводчик и редактор «Лугати фурс» Н. Гиёсов в предисловии к тексту пишет, что «в том «Лугати фурс», который профессор Дабирсиёкӣ издал и который мы используем, приведено 1335 стихотворных строк 77 поэтов» [34]. Среди этих поэтов для пояснения трудных слов чаще всего приводятся цитаты Рудаки. По подсчётам лексикографа В.А. Капранова, в комментариях к 286 словарным статьям приведено более 300 стихотворных строк Рудаки, далее следуют Унсури (242 цитаты), Абулкосим Фирдавси (163 цитаты), Абушакури Балхи (150 цитат), Мунжик (126 цитат) и другие» [114]. Данное указание приведено для того, чтобы продемонстрировать возможные разночтения в количестве стихов. В тексте «Лугати фурс», подготовленном Дабирсиёкӣ, от Рудаки приведено 163 примера в 177 стихах. От Унсури также не 242 строки, а лишь 120, и аналогично для других поэтов. Поэтому в замечании В.А. Капранова указаны не количество стихов конкретного поэта, а число строк, а лексикограф Н. Гиёсов ошибочно принял строки за полные стихи и использовал это в предисловии к своему изданию [34, 27]. Таким образом, в подготовленном им тексте приведены 163 примера Рудаки в 177 строках, и это отдельный вопрос, к которому мы приблизимся в рамках поставленной цели.

Когда речь заходит о стихах современников Рудаки, необходимо учитывать, что на основе исследований и накопленных знаний специалистов

области известно, какие имена и произведения этих поэтов сохранились и в каком объёме они дошли до нас со времён Одамушшуаро. Среди исследователей и их научных поисков известно более 70 литераторов, которые в эпоху Саманидов и немного ранее, до жизни Рудаки, создавали поэзию, причём наставником и ведущим среди современников был сам Рудаки.

Как отмечают литературоведы Х. Шарифов и А. Абдусатторов в предисловии к книге «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (Поэзия современников Рудаки): «В новое время поэзия поэтов эпохи Саманидов фиксировалась в книгах по истории литературы X века, в сборниках стихотворных произведений. Первую попытку собрать в одном объёме стихи Рудаки и его современников предпринял Саид Нафиси. Этот важный труд был издан в трёх книгах, во втором томе речь идёт о современниках Рудаки» [8, 7]. Об этом будет сказано подробнее далее.

В последующих опубликованных сборниках стихов современников великого Рудаки количество поэтов варьируется от 50 до 66. Так, в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ», изданной в 1958 году в Таджикистане по случаю 1100-летия со дня рождения Абуабдуллохи Рудаки, приведены имена 66 поэтов с более или менее полными примерами их стихотворений [7]. В исследовании иранского учёного Ахмада Идорачи Гилони упомянуто 50 поэтов современников Рудаки с образцами их творчества [44]. Книга, подготовленная Х. Шарифовым и А. Абдусатторовым, включает 53 поэта современников Рудаки [8]. Естественно, все эти публикации так или иначе использовали материалы из словаря «Лугати фурс» Асадии Туси. Каким образом происходило это использование, известно самим составителям вышеуказанных изданий.

Для достижения цели была подготовлена и издана публикация «Лугати фурс» Хакима Асадии Туси, сугубо на основе достоверных текстов всех ранее опубликованных изданий этого словаря. Как отмечалось ранее, Саид Нафиси упомянул 17 поэтов, таджикское издание 1958 года 66 поэтов, Ахмад

Гилони 50 поэтов, а издание 2007 года в Таджикистане 53 поэтов-современников Рудаки. При этом в своих трудах исследователи использовали их произведения. Возникает вопрос: использовал ли Асадии Туси в редакции своего словаря стихи всех этих поэтов?

Наше исследование показало, что при использовании стихов современников Рудаки Асадии Туси действовал самостоятельно и исходил из конкретной цели упорядочить «Лугати фурс» так, чтобы его комментарии к словам не были лишены примеров и свидетельств. Для этого он обращался к поэтам эпохи Саманидов и включал их стихи в словарь, обеспечивая достоверность иллюстраций.

Поэты современники Рудаки, чьи произведения Асадии Туси использовал в своей работе, в большей или меньшей степени, следующие: прежде всего Абуабдуллохи Рудаки, затем Абушакури Балхи, Мунджики Термизи, Кисоии Марвази, Дакики, Имораи Марвази, Фаролови, Хусравони, Тайёни Маргази, Маъруфи Балхи, Шокири Бухорои, Абулмасали Бухорои (Булмасал), Абулмуайяди Балхи, Худжастаи Сарахси, Шахиди Балхи, Муродӣи, Хусравии Сарахси, Абульалои Шуштари, Абулаббоси Рабанджони, Ушнонии Джуйбори, Абулаббоси Кассоб, Сипехри Бухорои, Джуллоби Бухорои, Абулхасан Огоджи, Мунтасири Сомони, Абулфатхи Бусти, всего 27 человек. Возможно, в других изданиях этих книг число может быть немного больше или меньше.

Таким образом, при составлении «Лугати фурс» Асадии Туси использовал произведения примерно 30 современных Рудаки поэтов. Это означает, что Асадии Туси был близко знаком примерно с произведениями половины поэтов современников Рудаки и использовал примеры их стихов в качестве достоверных свидетельств для пояснения слов своего словаря.

Возникает вопрос: каким образом Асадии Туси в «Лугати фурс» использовал имя, патроним, псевдоним и родовое имя поэтов эпохи Саманидов? На этот вопрос можно кратко ответить так: автор словаря иногда

приводил имя поэта, а затем использовал его псевдоним, как, например, Шокири Бухорои, Абулаббоси Аббоси и других.

Например, Асадии Туси разъясняет слово «Ғалевоҷ» - разновидность голубя, приводя пример стихотворения Абулаббоси Аббоси: «Ғалевоҷ (голубь). Абулаббоси Аббоси говорит:

Он рӯзи нахустин, ки малик чома-ш пӯшид,

Бар кунгураи кӯшк будам ман чу Ғалевоҷ [34, 87] / *В первый день, когда царь надел одежду, Я был на башне, как Ғалевоҷ.*

Следует отметить, что данный Абулаббоси Аббоси, это тот же Абулаббоси Рабанджани [8, 194-207], который в «Лугати фурс» Асадии Туси неоднократно встречается под именами «Абулаббоси Аббоси», «Абулаббос», «Булаббос» и «Булаббоси Аббоси», и из его стихов приводятся многочисленные примеры для подтверждения значения слов. По словам литературоведа Н. Зохидова, начиная с Ж. Лазара, отнесение стихов, записанных в словарях под именем «Абулаббоси Аббоси», к Абулаббоси Рабанджани стало традицией [96, 43]. Если это указание верно, можно утверждать, что полное имя этого поэта Шейх Абулаббос Фазл ибн Аббоси Рабанджани Бухорои. Он был одним из известных персоязычных поэтов первой половины X века. Родом он был из Рабанджана, местности в округе Самарканда, а определение «Бухорои» связано с тем, что поэт приобрел известность в Бухаре.

Асадии Туси во многих случаях при приведении примеров для разъяснения слов ограничивался только именем или произвещем поэтов, например, Рудаки, Кисои, Бушакур (Абушакури Балхи), Хусрави, Фаролови, Тайён, Мунджик, Имора (Имораи Марвази), Огожи (Абулхасан Огожи), Хусравони (Абутохир Хусравони), Дакики, Бушуайб (Бушуайби Хирави), Булмуайяд (Абулмуайяди Балхи) и другие.

Например, при разъяснении слова «каноз» и «коназ» сказано: «Каноз и коноз это пучки зрелых фиников. Фароловий сказал:

Дило, кашидан бояд итобу нози бутон,
Рутаб набошад бе хору **каноз** пурборо / *Сердце, нужно тянуть с терпением и нежностью, Финики не бывают без колючек и полны каноза* [34, 162].

Фаролови это Абуабдуллах Мухаммад ибн Мусо, талантливый поэт и современник Шахиди Балхи и Рудаки. Сам Рудаки признавал его выдающимся поэтом своего времени, что отражено в следующем стихотворении:

Шоир Шахиду шухра Фаролови
В-ин дигарон ба чумла хама ровӣ / *Поэт Шахид и знаменитый Фароловий, А остальные все просто рассказчики* [24, 331].

Приведенные два примера из «Лугати фурс» Асадии, а также аналогичные случаи, демонстрируют, что цель автора словаря заключалась в разъяснении трудных слов для персоязычных читателей Кавказского региона, а не в том, чтобы представлять личности поэтов эпохи Рудаки.

В контексте изучения «Лугати фурс» Асадии Туси важно отметить, что автор не приводил примеры стихотворений от поэтов-современников Рудаки равномерно. Он сам выбирал, какие стихи использовать, стремясь подобрать наиболее выразительные и ёмкие образцы, которые одновременно передавали точное значение слова и демонстрировали высокий поэтический уровень.

В результате, в «Лугати фурс» количество цитат от разных поэтов значительно различается. Так, по данным сравнительного анализа: Рудаки - 163 образца (177 бейтов), Абушакури Балхи 96 образцов (101 бейт), Мунжик Термизи 84 образца (более 80 бейтов), Кисои Марвази 61 образец (63 бейта), Дакики 56 образцов (58 бейтов), Имора Марвази 39 образцов (40 бейтов), Шахид Балхи 36 образцов (38 бейтов), Абутохир Хусравони 27 образцов (28 бейтов), Тайён Марвази 30 образцов (30 бейтов), Абубакр Хусрави Сарахси 24 образца (26 бейтов), Абулаббоси Аббоси 22 образца (22 бейта), Фаролови 13 образцов (13 бейтов), Маъруфи Балхи 19 образцов (19 бейтов), Сипехри

Бухорои 1 образец (1 бейт), Абулхасан Огоджи 18 образцов (20 бейтов), Шокири Бухорои 15 образцов (16 бейтов), Абулмасали Бухорои 8 образцов (8 бейтов), Абулмуайяди Балхи 7 образцов (8 бейтов), Худжастаи Сарахси 7 образцов (7 бейтов), Джуллоби Бухорои 2 образца (2 бейта), Абулғалои Шуштари 1 образец (2 бейта), Абулхасан Муроди 1 образец (1 бейт), Ушнони Джуйбори 1 образец (1 бейт), Мунтасир Сомони 1 образец (1 бейт), Абулфатхи Бусти 1 образец (1 бейт).

Иными словами, Асади Туси использовал от 1 до 177 бейтов поэта в качестве примеров для пояснения лексики, что подчеркивает его избирательный подход к выбору шедевров. Таким образом, для объяснения трудных слов для персоязычной аудитории Кавказа он привёл 705 образцов стихов 26 поэтов-современников Рудаки, суммарно составивших 728 бейтов.

Следует отметить, что в «Лугати фурс» стихотворные примеры, приведённые для пояснения слов, иногда содержат незначительные изменения внутри самих строк. Например, автор словаря поясняет слово «хиштча» и приводит цитату из Имора: «Хиштча - под подмышкой находится на одежде, некоторые называют сунча, а некоторые кашаи бун. Имора говорит:

Ба чои хиштча гар мушки нофа бардӯзӣ,

Ҳам эҷ гум нашавад бӯи ганда аз бағалат / *Если под мышкой у тебя окажется тонкий мускусный запах, всё равно запах гнили из-под твоей руки не исчезнет* [34, 107-108].

В издании Аббоса Икбола этот же стих зафиксирован несколько иначе:

Ба чои хиштча гар шаст нофа бардӯзӣ,

Ҳам эҷ кам нашавад бӯи ганда аз бағалат [32, 422].

В данном примере в первом варианте встречаются слова «мушк» и «гум», а в издании Икбола вместо них использованы «шаст» и «кам». Очевидно, что первый вариант более достоверен, так как слова «мушки нофа» и «гум» соответствуют оригинальной поэтической традиции.

Различия, вероятно, возникли из-за работы переписчиков или частичного редактирования текста.

Другой пример: объясняя слово «Вахш» как название города в Туркестане, Шокири Бухороий пишет:

Ба гоме шумурд аз Хито то Хутан

Ба як так давид аз Бухоро ба Вахш» / *Он шагал от Хито до Хутана, и одним прыжком перескочил от Бухары до Вахша* [34, 196].

В издании Аббоса Икбола этот же стих записан с незначительными изменениями:

Ба гоме сипард аз Хито то Хутан,

Ба як так давид аз Бухоро ба Вухш [32, 226].

Если обратить внимание на смысл обоих вариантов, становится очевидным, что основное содержание стихотворения не изменилось. Изменились лишь отдельные слова: «шумурд» на «сипард» и «Вахш» на «Вухш», что не нарушает смысла. При этом первый вариант («шумурд», «Вахш») передаёт звучание стихотворения точнее и более органично с точки зрения поэтического ритма и образности.

Подобные примеры можно привести и в большем количестве, однако объём диссертации требует ограничиться «горсткой примеров» и некоторые спорные вопросы оставить для будущих глав работы, основанных на текстах современников Рудаки, приведённых в «Лугати фурс».

Во всех случаях следует подчеркнуть, что «Лугати фурс» Асада Туси является одним из первых таджикских словарей, который сумел, пусть и в ограниченном объёме, сохранить стихи современников Рудаки через цитирование их произведений в качестве лексических иллюстраций. Прежде всего, этот словарь представляет собой ценнейший источник для сохранения остатков поэзии самого Рудаки, о чём исследователи его творчества уже многократно и убедительно высказались.

Кроме того, «Лугати фурс» является уникальным источником, благодаря которому до нас дошли многие стихи современников Рудаки и

самого Рудаки. Например, стих Ахмада Ушноии Джуйбори сохранился до наших дней только через «Лугати фурс» Асадии Туси:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафт рӯзи шанбаз,
Кустӣ фиганду зуннор, бода ба дасти мӯбаз [34, 144].

При сопоставлении с изданием Аббоса Икбола этот же стих фиксируется с незначительными различиями:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафта рӯзи шанбад,
Қисса фиганд зӣ мо бода ба даст мӯбад [32, 129].

Эти различия, которые станут предметом сравнительного анализа с существующими изданиями, не затрагивают смысловой основы стихотворения. Приведённый пример показывает, что благодаря «Лугати фурс» Асадии Туси мы имеем доступ к стихам, дошедшим до начала XXI века, и именно этот словарь сыграл ключевую роль в их сохранении.

В заключение можно отметить, что словарь «Лугати фурс» Асадии Туси, сыгравший важную роль в сохранении и передаче последующим поколениям поэтического наследия поэтов-современников Рудаки, несмотря на то что в нём представлены образцы творчества далеко не всех поэтов эпохи Саманидов, по праву считается бесценным культурным достоянием. Именно этот памятник прежде всего познакомил нас с литературой саманидского периода и обеспечил формирование и дальнейшее развитие нашего культурного самосознания в данной сфере, выступая в качестве своеобразного «светоча просвещения».

1.2. Поэзия современников Рудаки в «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи Бухараи

Несомненно, первой тазкирой, дошедшей до наших дней, является «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи Бухараи. Данное произведение было создано в 1121-1122 гг. и представляет собой древнейшую сохранившуюся тазкиру, в которой по мере возможности содержатся сведения о поэтах, живших до времени автора. В научной литературе по проблемам

тазкирописания утвердилось мнение, согласно которому до Авфи на персидском языке существовали и другие тазкиры, однако со временем они были утрачены. В связи с этим указанное произведение правомерно рассматривать как наиболее полный образец и первую сохранившуюся тазкиру в истории персидско-таджикской литературы.

Вкратце структура и содержание «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи таковы: сочинение состоит из двух томов и включает двенадцать глав. Первый том содержит семь глав. В первых двух главах Авфи рассуждает о достоинствах поэзии и поэтов, а также о лексическом значении понятия «поэзия». В двух последующих главах автор обращается к вопросу о том, кто впервые начал сочинять поэзию на персидско-таджикском языке. Пятая, шестая и седьмая главы первого тома посвящены лицам, которые по своему основному положению являлись царями, эмирами, визирями, учёными или богословами и не занимались поэзией профессионально, однако по велению природного дара сочиняли отдельные стихотворения и общее число таких лиц достигает 130 человек.

Таким образом, оба тома «Лубаб-ул-албаб» включают следующие главы: «О достоинствах поэзии и поэтов», «О значении поэзии с точки зрения лексики», «О том, кто первым начал сочинять поэзию», «О том, кто первым сложил персидскую поэзию», «О тонкостях поэзии султанов, царей и эмиров», «О поэтических изяществах визирей, сановников и вельмож», «О поэтических образцах имамов, учёных и выдающихся деятелей», «О поэзии поэтов династий Тахиридов, Саффаридов и Саманидов (первый поэтический разряд)», «О поэтах династии Насиридов», «О поэтах сельджукского периода до конца правления султана Саида», «О поэзии сановников, поэтов и выдающихся деятелей, относящихся к данному кругу».

В данном исследовании основное внимание уделяется восьмой главе тазкиры, т.е. «О поэтических изяществах поэтов династий Тахиридов, Саффаридов и Саманидов» [2, 241-265], в особенности поэтам эпохи Саманидов, являвшимся современниками Рудаки.

Прежде чем перейти к основной цели исследования, необходимо подчеркнуть, что каждый том произведения начинается с краткого предисловия, после чего автор в общих чертах излагает сведения о жизни поэтов. При этом Авфи не стремится к подробному жизнеописанию, ограничиваясь упоминанием отдельных эпизодов и характерных фактов из их биографии. Следует также отметить, что значение данной тазкиры особенно ярко проявляется в сохранении имён и поэтических образцов поэтов IX-X вв., в особенности представителей саманидского периода, от которых не сохранилось ни одного полного дивана.

В восьмой главе «Лубаб-ул-албаб» представлен отдельный раздел под названием «Раздел о поэтах династии Саманидов» [2, 242]. В данном разделе упоминаются 28 поэтов саманидской эпохи, среди которых: аш-шейх Абулхасан Шахид ал-Балхи, Абуабдуллах Мухаммад ибн Муса ал-Фаралави, ал-устанд Абуабдуллах Джафар Мухаммад ар-Рудаки ас-Самарканди, Абул-Аббас Рабанджани, Абузираа Муаммари Джуйбари, Абулисхак Джуйбари, ал-устанд Абумансур Мухаммад ибн Ахмад ад-Дакики ат-Туси, Абулхасан Али ибн Мухаммад ат-Тирмизи, известный как Мунджик, Абулхасан Али ибн Мухаммад ал-Газвани ал-Лукари, Абуабдуллах Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Ма'руфи ал-Балхи, Мансур ибн Али ал-Мантики ар-Рази, известный как Маврид, Абубакр Мухаммад ибн ал-Хусрави ас-Сарахси ал-Хаким, Абулкасым Зияд ибн Мухаммад ал-Камари ал-Бухари, Абутахир ат-Таййиб ибн Мухаммад ал-Хусравани, Абушакур, Абуабдуллах Мухаммад ибн Салих ан-Нишапури, Абумухаммад ал-Бади' ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Балхи, Абулмузаффар Наср ибн Мухаммад ал-Истигнаи ан-Нишапури, Абуабдуллах Мухаммад ибн Абдуллах ал-Джунайди, Абумансур Аммара ибн Мухаммад ал-Марвази, Турки Киши Айлаки, Абулмасал ал-Бухараи, Абулмуайяд ал-Балхи, Ма'нави ал-Бухараи, Хаббази ан-Нишапури, Сипехри ал-Мавераннахри (ал-Бухараи), а также Равнаки ал-Бухараи.

Несмотря на то, что в ряде источников число поэтов саманидского периода впоследствии было расширено и дополнено, «Лубаб-ул-албаб»

Мухаммада Авфи Бухараи по праву считается одним из наиболее ценных и всеобъемлющих источников по изучению поэтов эпохи Саманидов. Это обусловлено тем, что значительная часть биографических и литературных сведений о поэтах данного периода дошла до нас именно благодаря этой авторитетной и высокоценной тазкире.

Как уже отмечалось, Мухаммад Авфи при представлении поэтов саманидской эпохи ограничивается указанием лишь отдельных деталей их жизни и творчества. Иными словами, он не прибегает к развернутому анализу жизненного пути и литературного наследия поэтов X века и сознательно избегает приведения большого количества поэтических примеров. Так, о поэте Шахиде Балхи Мухаммад Авфи сообщает: «Шахид - поэт сладкоречивый, подлинный свидетель слова. Когда он произносил проповедь красноречия, все знатоки риторики становились его слушателями, а когда обращался с речью к “невесте красноречия”, без всякого залога вступал с ней в союз. Рудаки признавал его первенство, неоднократно повторял его стихи, и в то время, когда Шахид отошёл в мир иной, Рудаки сочинил в его честь следующую элегию», после чего приводит два бейта:

Корвони Шаҳид рафт аз пеш

В-они мо рафта гиру меандеш.

Аз шумори ду чашм як тан кам,

В-аз ҳисоби хирад ҳазорон беш [2, 242] / *Караван Шахида ушёл вперёд, А ты остановись и поразмысли. Из счёта двух глаз одного стало меньше, Но из сокровищницы разума на тысячи больше.*

Далее Мухаммад Авфи приводит в своей тазкире пятнадцать бейтов его поэзии на персидско-таджикском языке и добавляет, что «поэзия Шахида отличается свежестью. Он сочинял стихи на двух языках и был мастером в обоих искусствах. В книге “Хамасат-уз-зурафа”, составленной Абумухаммадом Абдулкафи Равзани, приведены три бейта из его произведений...» [2, 243], после чего эти бейты цитируются в самой тазкире. В данном фрагменте Авфи, с одной стороны, сообщает о двуязычии Шахида

Балхи, а с другой, подкрепляет это утверждение ссылкой на авторитетный и заслуживающий доверия источник.

Затем Мухаммад Авфи Бухари, завершив изложение, посвящённое Шахиду Балхи, переходит к характеристике другого поэта-современника Рудаки, Фаралави, и пишет: «Фаралави был известным поэтом, отличавшимся изяществом стиха. Он и Шахид принадлежали к одному веку и находились на одном поэтическом уровне. Рудаки объединил их в одном ряду и упоминал вместе, как, например, в следующем бейте», после чего приводит стих:

Шоир Шахиду шухра Фароловӣ

В-ин дигарон ба чумла ҳама ровӣ [2, 244] / *Поэт Шахид и прославленный Фаралави, А все прочие лишь передатчики.*

Оценка Мухаммада Авфи поэзии Фаралави также носит исключительно положительный характер. Возможно, именно вследствие особого внимания, которое великий Рудаки уделял творчеству Шахида Балхи и Фаралави, автор тазкиры в числе поэтов саманидской эпохи прежде всего упоминает именно этих двух мастеров слова. Данные замечания Мухаммада Авфи в отношении указанных поэтов фактически представляют собой элементы критической оценки их поэзии. При этом от Фаралави в тазкире зафиксированы и приведены лишь два бейта.

Мухаммад Авфи также упоминает поэта Абушу'айба Хирави и его творчество, ограничиваясь кратким замечанием о его редкостной и своеобразной манере изложения, после чего в качестве доказательства приводит газель, обращённую к юноше-христианину, состоящую из шести бейтов [2, 244-245]. Далее составитель тазкиры называет Рудаки в поэзии «Устадом» («Учителем»), характеризует его как «слепого от рождения, но исключительно одарённого и проницательного» поэта [2, 250-252] и приводит значительное количество примеров его стихов на страницах 245-248. С точки зрения Авфи, среди поэтов саманидского круга лишь Рудаки удостоивается титула «Устад», и подобного почтения автор не проявляет ни к

одному другому поэту, что в целом соответствует историко-литературной реальности.

Несмотря на то что в «Лубаб-ул-албаб» приводится двадцать девять бейтов Дакики, автор не сообщает ничего о наличии у него таких произведений, как «Шахнаме» или «Гуштоспнаме» [2, 250-252].

В целом, при упоминании поэтов саманидской эпохи Мухаммад Авфи, как правило, посвящает каждому из них две-три или несколько фраз, придерживаясь почти единого композиционного и стилистического принципа: сначала он восхваляет поэтическое мастерство автора, а затем приводит доступные ему образцы его стихов. Однако это вовсе не означает, что Авфи включил в тазкиру все имевшиеся у него сведения о поэтах-современниках Рудаки. Так, например, от поэта Абубакра Мухаммада ибн Али ал-Хусрави ас-Сарахси ал-Хакима, одного из воспеваемых поэтов династии Зияридов, он приводит двадцать восемь бейтов [45, 108], а в последних пяти бейтах отмечает: «У него есть касида, посвящённая утверждению повиновения, разъяснению собственных религиозных убеждений и изложению суннитского вероучения, содержащая множество полезных положений, он говорит, стих...» [3, 257]. После приведения пяти бейтов из данной касиды добавляет: «Эта касида обширна, и здесь ограничились лишь несколькими бейтами» [3, 257].

Имя данного поэта и образец его поэзии, которого «автор “Истории Йамани” упоминает в одном ряду с Рудаки» [45, 108], по неясным причинам не были включены составителями изданий «Поэзия современников Рудаки» (1958), «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007).

Таким образом, Мухаммад Авфи, ограничиваясь весьма краткими биографическими сведениями, в которых главным образом обращает внимание на стиль, художественные достоинства и манеру изложения поэтов-современников Рудаки, включает в свою тазкиру: от Камари Сарахси 8 бейтов, от Хусравани 4 бейта, от Абушакура Балхи 8 бейтов, от Салиха Наваихи 4 бейта, от Махмуда Балхи 10 бейтов, от Истигнаи Нишапури 4

бейта, от Абдуллаха Джунайди 2 бейта на арабском языке и 4 бейта на персидско-таджикском, от Аммары Марвази 17 бейтов, от Турки Кеши Айлаки 4 бейта, от Абулмасала Бухари 3 бейта, от Абулмуайяда Балхи 2 бейта, от Равнаки Бухари 4 бейта, от Ма'нави Бухари 4 бейта, от Хаббази Нишапури 2 бейта и от Сипехри Мавераннахри (Бухараи) 2 бейта. Тем самым Авфи обеспечил этим поэтическим фрагментам долгую литературную жизнь.

В «Лубаб-ул-албаб» о Мухаммаде ибн Абдуллахе Джунайди говорится: «Он принадлежал к числу выдающихся литераторов и образцовых представителей учёного сословия, в персидском и арабском языках обладал совершенным мастерством, а в поэзии и прозе, всесторонним художественным умением» [2, 261].

В настоящее время ряд исследователей выражает сомнение в том, что Абдуллах Джунайди писал стихи на арабском языке и что его арабская поэзия дошла до нас. Одним из таких учёных является Т. Мардонов, который отмечает: «Иранский литературовед Забихуллах Сафа, а также востоковеды Э. Браун и др. высказывали предположение о том, что в “Ятимат ад-дахр” Абумансура Са'алаби (961-1038) содержатся биографические сведения о Джунайди и приведён образец его арабской поэзии, однако данное предположение далеко от истины. До нашего времени ни один образец арабской поэзии Джунайди не дошёл» [132, 497]. В своей статье Т. Мардонов приводит четыре бейта персидско-таджикской поэзии Джунайди, при этом в качестве источника указывает исключительно издание «Поэзия современников Рудаки» (Сталинабад, 1958). Между тем в «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи зафиксированы два бейта его арабской поэзии, которые не следует игнорировать [3, 261]. Более того, Саид Нафиси выражал сомнение в принадлежности Джунайди к числу поэтов-современников Рудаки [175, 562-563].

Другим поэтом-современником Рудаки, о котором упоминает Мухаммад Авфи, является Абуабдуллах Мухаммад ибн Салих Навахи. О нём не сообщается ни в одном из трудов, специально посвящённых поэтам

эпохи Рудаки. Автор «Лубаб-ул-албаб» высоко оценивает поэтическое мастерство этого поэта, причисляя его к числу выдающихся стихотворцев эпохи султана Ямин ад-Даулы Махмуда, и пишет: «В его поэзии дыхание обладает вкусом чистой родниковой воды, а слово воздействием утреннего полумесяца. В эпоху султана Ямин ад-Даулы Махмуда все учёные мужи пожелали перевести на арабский язык два его персидских бейта, однако никому это не удалось до тех пор, пока Ходжа Абулкасым, сын визиря Абулаббаса Исфараини, не осуществил этот перевод, который был единодушно одобрен всеми знатоками. А вот те два бейта Мухаммада Салиха», после чего приводит:

Симдандонаку бас донаку хандонаку шӯх,

Ки чаҳон он-к бари мо лаби ӯ зиндон кард.

Лаби ӯ бинӣ, гӯй, ки касе зери ақиқ,

Ба миён ду гул-андар шакаре пинҳон кард» [3, 259] / Серебряные зубы словно россыпь зёрен, смеющиеся и игривые, Чей мир для нас превратил его уста в темницу. Увидишь его губы подумаешь: кто-то под сердоликом, Меж двух цветов в сахаре их сокрыл.

Под этими двумя бейтами Авфи также приводит их арабский перевод [3, 260].

Приведённый фрагмент из «Лубаб-ул-албаб» наглядно свидетельствует о том, что в эпоху Рудаки поэты сочиняли стихи не только на родном для них персидско-таджикском языке, но и о том, что образованные современники, владевшие арабским языком, переводили лучшие и наиболее значимые образцы поэзии своего времени на арабский. Тем самым они способствовали активизации процессов взаимного влияния и литературного взаимодействия между поэтами эпохи, демонстрируя художественное мастерство и глубину поэтических смыслов своих персоязычных собратьев арабоязычной аудитории.

Таким образом, Мухаммад Авфи Бухари включил в свою тазкиру сведения о двадцати восьми поэтах саманидской эпохи-современниках

Рудаки, уделив основное внимание характеристике их поэтической манеры и подтверждая собственные оценки приведением поэтических образцов. При этом автор тазкиры лишь в пяти-шести случаях указывает использованные им источники. Несмотря на это, можно заключить, что созданием «Лубаб-ул-албаб» Мухаммад Авфи сумел донести до последующих поколений имена и поэтическое наследие поэтов династии Саманидов - современников великого Рудаки, и, к счастью, мы и сегодня являемся наследниками его подвижнического труда.

1.3. Роль «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса в сохранении поэзии современников Рудаки

Одним из известных словарей, который после «Лугати фурс» Асади Туси сохранил в своём составе значительное количество поэтических произведений Рудаки и его современников и, к счастью, «уберёт их от превратностей времени и донёс до наших дней» [12, 16], является «Фарханг-и Каввос».

«Фарханг-и Каввос», или, как его называют некоторые исследователи и лексикографы, «Панджбахши», относится к числу толковых словарей. Он был составлен в 1301 г. выдающимся литератором и лексикографом таджикской традиции XIII-XIV вв. Мавлоно Фахруddином Мубаракшахом Газнави, известным под тахаллусом «Каввос», на территории Индии. Согласно имеющимся данным, автором словаря является Фахри Каввос, который также упоминается под именами Фахруddавла ва-д-дин Мубаракшах Газнави, известный как Камонгар, Фахруddин Каввос, Мавлоно Фахруddин Камонгар, Мубарак или Мубаракшах и др. [12, 16].

Индо-пакистанский исследователь Шахрияр Накави следующим образом характеризует «Фарханг-и Каввос» и его автора: «Первым трудом в области персидской лексикографии, созданным на территории Индо-Пакистанского субконтинента, является «Фарханг-и Каввос», составленный Мавлоно Мухаммадом Фахруddином Мубаракшахом Газнави, известным как

Камонгар или Каввос, придворным поэтом Дели в период правления Ала ад-Дина Мухаммадшаха (1295-1315)» [158, 3].

Н. И. Гиясов в предисловии к «Фарханг-и Каввос», написанном на основе анализа рукописного экземпляра данного произведения, отмечает, что, по мнению профессора Накави, «рукописный текст словаря Фахри Каввоса включает приблизительно 20 тысяч слов, сгруппированных по смысловому принципу» [12, 18].

В продолжение приведённой цитаты Н. И. Гиясов высказывает сомнение относительно указанного количества слов, полагая, что, возможно, речь идёт не о 20 тысячах, а лишь о 2 тысячах лексем, и что Шахрияр Накави допустил опisku. Используемая нами рукопись также свидетельствует о том, что объём словника данного произведения составляет приблизительно около двух тысяч единиц. Составители словаря М. Ходжаева и С. Саидов насчитали в нём 1339 слов [12, 18], и мы полностью разделяем сделанные ими выводы.

Что касается источников «Фарханги Каввос», то можно констатировать, что его автор в значительной степени опирался на «Лугат-и фурс» Асади Туси и «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари. Из первого труда он заимствовал обширный фактический материал, тогда как структуру своего словаря выстроил по образцу второго, поскольку сочинение Замахшари также состоит из пяти разделов. «Фарханги Каввос» считается вторым дошедшим до нас словарём персидско-таджикского языка и первым тематическим словарём данной традиции.

Тематический характер «Фарханги Каввос» заключается в том, что он состоит из пяти разделов (глав): первый включает слова и термины, относящиеся к небу и небесным телам; второй - «О названиях неподвижных предметов, именуемых “джамад”, таких как земля, горы, камень, глина, почва и подобное»; третий - «О названиях произрастающих объектов, называемых “набат”, то есть растений и деревьев, подразделяемых на четыре вида»; четвёртый - «О названиях животных, птиц, пресмыкающихся и движущихся существ», включающий пять подразделов; и пятый - «О

названиях предметов, связанных с деятельностью человека и необходимых ему в быту», который состоит из девяти подразделов.

В словаре, в соответствии с принципом внутренней организации материала, разделы подразделяются на более мелкие структурные единицы, именуемые «видами» (*гуна*), а последние, в свою очередь, делятся на «разделы» (*фасл*). Каждая из этих структурных единиц охватывает определённый тематический круг понятий, соответствующий содержанию данного раздела.

Фахри Каввос в своём словаре использовал лексический и иллюстративный материал как из произведений поэтов предшествующих эпох, так и из творчества своих современников, при этом значительную часть цитируемых авторов составляют поэты-современники великого Рудаки. В связи с этим обращение к данному словарю позволило нам определить, в какой мере его составитель опирался на литературное наследие деятелей саманидской эпохи. Именно такой исследовательский подход побудил автора диссертации целенаправленно обратиться к «Фарханги Каввос» и рассматривать его сквозь призму поставленной научной задачи.

Мавлана Фахруддин Мубораки Газнавий в «Фарханги Каввос», по нашим подсчётам, приводит свидетельства относительно слов ряда поэтов-современников великого Рудаки, всего 22 автора. К ним относятся: Кисои Марвази, Абумансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики, Абулхасан Али ибн Мухаммад Мунчжик Тирмизи, Абушакури Балхи (Бушакур), Ходжи Абуллаббоси Марвази, Абулхасан Шахид ибн Джухудонаки Балхи, Абулхасан Огаджи, Хаким Абутохир Хусравони, Хусрави Сарахси, Шокири Бухори, Таййяни Маргази, Ма'руфи Балхи, Имораи Марвази, Абулмасали Бухори, Абулмуайяди Балхи, Абунастри Маргази, Абул'ало Шуштари, Худжаста Сарахси, Саффори Маргази, Ушнони Джуйбари, Абушуайби Хирави и Джуллоби Бухори.

В этом словаре количество цитат, приведённых из произведений поэтов-современников Рудаки, различается от одного до двадцати трёх

бейтов на каждого. В частности: Кисои Марвази - 23 бейта; Мунджиен Тирмизи - 23 бейта; Абумансур Дакики - 20 бейтов; Абушакури Балхи - 19 бейтов; Абулаббоси Марвази - 15 бейтов; Абулхасан Шахид Балхи - 10 бейтов; Хаким Абутохир Хусравони - 8 бейтов; Хусрави Сарахси - 7 бейтов; Шокири Бухори - 7 бейтов; Абулхасан Огаджи - 7 бейтов; Таййяни Маргази - 6 бейтов; Ма'руфи Балхи - 3 бейта; Имораи Марвази - 3 бейта; Абулмасали Бухори - 2 бейта; Абулмуайяди Балхи - 2 бейта; Абунастри Маргази - 1 бейт; Абул'ало Шуштари - 1 бейт; Худжаста Сарахси - 1 бейт; Саффори Маргази - 1 бейт; Ушнони Джуйбари - 1 бейт; Абушуайби Хирави - 1 бейт; Джуллоби Бухори - 1 бейт.

Таким образом, Фахри Каввос в своём словаре поместил 162 бейта стихов поэтов-современников Рудаки, тем самым достигнув сразу двух целей: сохранил значительную часть их творчества и одновременно обеспечил выполнение своей основной задачи как составителя словаря.

Возникает вопрос: почему автор «Фарханги Каввос», находясь в Индии, обратился к поэтам-современникам Рудаки и использовал их произведения при создании словаря? В первую очередь, здесь на ум приходит труд Асади Туси в Азербайджане по составлению «Лугат-и фурс». Он стремился объяснить слова таджикского персидского языка, употребительные в Маверауннахре, но непонятные для персоязычного населения Азербайджана, и тем самым удовлетворить их потребности. Аналогично Фахри Каввос: его методика и замысел во многом повторяют подход Асади Туси в «Лугат-и фурс». Он стремился пояснить непонятные и трудные для восприятия слова персоязычной публике Индии, в частности из «Шахнаме» Хакима Фирдавси Туси, и предложить их соотечественникам как понятные и доступные.

Возможно, большинство слов, включённых Асадии Туси и Фахри Каввос в свои словари, сегодня полностью вышли из употребления и относятся к архаизмам, однако их сохранение в этих лексикографических источниках с одной стороны представляет собой ценность для изучения

языка, а с другой, способствовало сохранению значительного числа стихотворений прежних литераторов, включая современников Рудаки, и их передачи до наших дней. Более подробно на этом вопросе останавливаться не будем, поскольку исследователи уже неоднократно писали о сохранившихся стихах Рудаки и его современников [54; 175; 114; 136; 61; 151; 23; 183 и др.].

Так, слово «сома», означающее «клятва, обет», дошло до нас через стихотворение Кисоии Марвази, при этом оно даже не встречается в «Лугати фурс» Асадии Туси:

Касе, ки сомаи Чаббори осмон шиканад,

Чӣ гуна бошад дар рӯзи махшараш сомон [12, 32] / *Тот, кто ломает величие (мощь) Всевышнего неба, Каков будет его порядок (удел, положение) в день воскресения?*

Хусравони использовал в своём стихотворении слово «наск», которое в «Лугати фурс» Асадии Туси объясняется так: «Часть книги Габрона и представляет собой суры, подобные Корáну». Хусравони писал:

Чӣ моя зоҳиди парҳезгори савмаагӣ,

Ки наскхон шуд бар ишқашу аёрагӯй [31, 96] / *Что за толк (какая польза) от благочестивого аскета-отшельника, Который стал книгочеем (начётчиком) в его любви и пустословом.*

В «Фарҳанги Каввос» этот стих с незначительной редактурой приводится следующим образом: «Наск - часть книги Ахбори Габрон, которую читают сура за сурой и часть за частью». Хусравони писал:

Чӣ моя зоҳиду парҳезгору савмаагӣ,

Ки наскхон шуда аз ишқашу аёратгӯ [12, 35-36].

Аналогично, этот стих с небольшими изменениями приводится и в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958): «Наск - одна часть из двадцати одной части книги «Авесто», Хусравони сказал:

Чӣ моя зоҳиду парҳезгору сӯмиагӣ,

Ки нускхон шуда аз ишқашу аёрдагӯй [7, 317].

В сборнике 1958 года в первой строке слово «савмаагй» заменено на «сўмиагй», а во второй строке «наскхон» на «нускхон», «аёрагўй» на «аёрдагўй».

В сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) этот же стих приводится с небольшой редактурой:

Чӣ моя зоҳиду парҳезгору савмаагй,
Ки наскхон шуда аз ишқашу иёрадгўй [8, 192].

Здесь во второй строке слово «аёрагўй» заменено на «иёрадгўй».

Таким образом, сравнение различных редакций стихотворений позволяет проследить как изменения в словоупотреблении, так и сохранение архаизмов, что играет важную роль для историко-литературного анализа.

В «Фарханги Каввос», сборниках «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) это слово прямо не упоминается, однако известно, что его определение заимствовано из «Лугати фурс» Асадии Туси. В первой строке стиха, где в «Лугати фурс» читается «Чӣ моя зоҳиди парҳезгори савмаагй», вариант выглядит более логичным и стилистически цельным.

Аналогично, ряд архаических слов, сохранившихся в этих источниках, фиксируется в контексте конкретных поэтических примеров: «чадкора» - «различные пути», в стихе Шахиди Балхи: «Чаҳониёнро дидам баса зи ҳар мазҳаб, Баса бидидам аз гуна-гуна чадкора» / *Я видел многих людей мира из всякой веры, Много увидел я разных путей*; «кирх» - «путеводная книга (рахл)», в стихе Кисоии Марвази: «Он ки надонад ҳаме суруд зи Ёсин, Кирху гулдонаш хусравонӣ бин» / *Тот, кто не знает (не поёт) песнопения из «Йасина», Посмотри на его дворец и цветочные вазы, они царские*; «нўса» - «разноцветный», в стихе Абутохири Хусравони: «Аз бод гашт бинӣ чун об мавҷ-мавҷ, В-аз нўса абр бинӣ чун чазъ ранг-ранг» / *От ветра увидишь, как вода становится волна за волной, А из-за многоцветности облака увидишь, как оникс разноцветным*; «сарвиса» - «лук» или «стрела», в стихе Хусравии Сарахси: «Чун-к соқӣ-ш дошт бар кафи даст, Ҳама сарвиса гашт бому сарой»

/ Когда виночерпий держал её (чашу) на ладони, Весь дом и кровля стали стрелами; «фурузд / фаразд» - «зелень, ростки», в стихе Абушакури Балхи: «Фурӯтар зи кайвон туро Урмузд, Ба рахшони лола андар фурузд» / Ормузд поместил тебя ниже Кайвана, В сиянии тюльпана на уровне земли; «хуч» - «петушиный гребень», в стихе Дакики: «Сипохе ба кирдори кучу булuch, Сигорида чангу бароварда хуч» / Армия по делам была словно рыхлый сброд, Поднимая пыль, выставляла свои гребни как петухи; «синд» - «незаконнорождённый», в стихе Мухаммад ибни Ахмад Мунджики Тирмизи: «Эй синд, чу астар чӣ нишинӣ ту бар астар, Чун хештанеро накунад мард мусаххар» / Эй незаконнорожденный, как ты смеешь садиться на место, Где муж не позволит сидеть даже своему родственнику?; «ғарид» - «жених, которого невеста отвергает», в стихе Абулаббоси Рабанджонӣ: «Нарм-нармак чу арӯсе, ки ғарид омада буд, Боз он сӯй барандаш, ки аз ин сӯ боз ой» [12, 36-112] / Нежно, мягко, как невеста, к которой пришёл жених, Он отворачивается в другую сторону, чтобы с этой стороны снова не подойти; «Болу» - «шишечки на коже, безболезненные», в «Фарҳанги забони тоҷикӣ»: «Доначаҳои сахт, ки дар рӯйи пусти инсон пайдо мешавад ва дард намекунад, озах, севол, сӯълул» [47, 200], в стихе Шокири Бухорои: «Эй ишк зи ман дур, ки бар дил ҳама ранҷӣ, Чун бар забари чашм яке маҳкам бояд» [12, 168] / О, любовь, уйди от меня: ты одна лишь мука для сердца, Как твёрдая шишечка на веке глаза, что не даёт покоя; «балахч» - «чёрный ворон», в стихе Тайёни Маргази: «Бинӣ он зулфинагон чу чанбари болон ба ҳам, Гар балахч андар занӣ, эдун шавад чун обнус» [12, 135] / Взгляни на те локоны кольцом высоким сомкнуты они, Влети туда чёрный ворон и станет он чёрным, как эбен.

Сегодня эти слова относятся к архаизмам таджикского языка, однако указанные словари сохраняют их и тем самым обеспечивают фиксацию и передачу до наших дней стихотворений прежних литераторов, в частности поэтов эпохи Рудаки.

Кроме того, в этом словаре в стихах поэтов-современников Рудаки встречаются слова, которые во времена Фахри Каввоса на индийских территориях среди персоязычного населения могли быть непонятны, однако они до сих пор понятны и широко употребляются в современном таджикском языке.

Например, слово «харчанг» в значении «скорпион» встречается в стихотворении Абутохири Хусравони:

Як рухи ту моху он дигар рух Зухра,
Зухра ба ақраб нишаста, моҳ ба харчанг / *Одно твоё лицо луна,
другое Венера, Венера в Скорпионе, а луна в Раке* [12, 83-84].

Другой пример - «девпой» в значении «паук» в стихе Маъруфии Балхи:

Зи боло фузун аст ришат рашӣ,
Танида дар ӯ хона сад девпой / *Свыше меры разрослась твоя
жидкая борода, В ней, словно пауки, сотни гнёзд наплели* [12, 85].

Ещё одно слово - «коно» в значении «глупый, неразумный», встречается в стихе Кисоии Марвази и до сих пор употребляется в современном таджикском языке:

Ман сухан гӯям, ту коной кунӣ,
Ҳар замоне даст бар дастам занӣ / *Я говорю разумно, а ты
глупцом себя ведёшь, то и дело хлопаешь меня по рукам* [12, 116].

Как видно, этот стих зафиксирован в словаре под именем Кисоии Марвази, и мы его также встречаем в «Калила ва Димна» Рудаки [24, 332]. В целом, этот стих встречается во всех изданиях сохранившихся стихов Абуабдуллоха Рудаки, что является отдельной темой исследования.

Кроме того, в «Фарханги Каввос» зафиксированы такие слова, как «доро», «довар», «равон» (в значении «душа»), «сарой» (в значении «мир, вселенная»), «кеш» (в значении «религия»), «хома» (в значении «перо, ручка»), «найранг» (в значении «колдовство, магия»), «чома» (в значении «поэзия»), «намоз», а также в третьей категории слов имена небесных тел и звезд, «озар» (в значении «огонь»), «кӯл» (в значении «водохранилище»),

«лой», «хора» (в значении «твёрдый камень»), «бунафша», «заранг», «нард», «шабчароғак» или «оташак», «села» (в значении «группа»), «деҳқон», «нажд», «чолок», «кох» и многие другие слова, которые до сих пор употребляются в таджикском языке в различных диалектах.

Например, Мунджики Тирмизи говорит:

Чунон бигирям, гар ёр бори ман надихад,

Ки хора хун шавад аз дарди гиря андар шах [12, 57] / *Так зарыдаю, если друг не примет моей ноши, Что даже твёрдый камень станет кровью от боли моего плача.*

Эти примеры показывают, что «Фарханги Каввос» не только сохраняет архаические и редкие слова, но и фиксирует слова, которые продолжают активно использоваться в современном языке, тем самым выполняя важную функцию сохранения лексического и поэтического наследия таджикской литературы. Фахри Каввос в своём словаре в основном использовал слова, которые, как и раньше, до сих пор употребляются в Маверауннахре. Следовательно, если Асадии Туси в Азербайджане давал пояснения к словам, понятным для персоязычного населения того региона, то Фахри Каввос в Индии продолжил этот подход к составлению словарей. Это означает, что «Лугати фурс» был одним из первоисточников работы Каввоса, и многочисленные совпадающие стихи в обоих словарях служат тому подтверждением.

Например, слово «буландин», означающее «порог, верхняя часть двери», встречается в обоих словарях на основе одного и того же стиха Шокири Бухорои с незначительными изменениями текста. В «Лугати фурс» читаем:

Буландин - наличник, обрамление двери, верхняя дверная рама.
Шокири Бухорои сказал:

Бувад афрошта дарҳои симин,

Чавоҳирҳо нишонда дар буландин / *Воздвигнуты серебряные двери, В их наличниках сияют самоцветы* [34, 387].

В «Фарханги Каввос» слово встречается с лёгкими текстуальными изменениями:

Баландин - пиромани дар. Шокири Бухорой сказал:

Дар ӯ афрошта дарҳои симин,

Чавохир дар нишонда дар баландин [12, 133].

Что касается слова «синд», Асадии Туси даёт следующее объяснение:

Синд - ҳаромзодаро хонанд, то есть незаконнорождённый, внебрачный ребёнок. Мунджик сказал:

Эй синди, чу астар, чӣ нишинӣ ту бар астар,

Чун хештанеро накунад мард мусаххар [34, 138].

В «Фарханги Каввос» читаем:

Синд - ҳаромзода бувад, ки аз кӯй бардоранд. Мунчик гӯяд:

Эй синд, чу астар чӣ нишонӣ ту бар астар,

Чун хештанеро накунад мард мусаххар [12, 105].

В этом примере, хотя имеются небольшие различия в объяснении и в первой строке стиха, смысл и стих остаются идентичными. С точки зрения точности и логики текста, версия Асадии Туси выглядит более верной. Здесь только одна добавочная частица «и» и один знак препинания слегка изменяют форму цитаты.

Другой пример, подтверждающий, что «Лугати фурс» Асадии Туси является источником для «Фарханги Каввос». В «Лугати фурс» читаем:

Ҳарош - қай бошад, т.е. рвота. Шахид сказал:

Аз чӣ тавба накунад хоҷа, ки ҳар ҷо, ки бувад,

Қадаҳе май бихӯрад, рост кунад зуд ҳарош [34, 196] / *От чего раскается хозяин, ведь где бы он ни был, Он выпьет рюмку вина и у него сразу начинается рвота.*

В «Фарханги Каввос» этот же стих выглядит следующим образом:

Ҳарош - это рвота. Шахид сказал:

Арчи тавба накунад хоҷа ки ҳар ҷо, ки бувад,

Қадаҳе май бихӯрад рост кунад зуд ҳарош [12, 167].

Эти примеры ясно демонстрируют, что Фахри Каввос опирался на «Лугати фурс» как на один из основных источников при составлении своего словаря, используя и сохраняя при этом поэтические свидетельства, совпадающие в обоих трудах.

В приведённом материале наблюдается важная особенность работы Фахри Каввос с поэтическими свидетельствами в «Фарханги Каввос». Например, в стихе Асадии Туси начальные слова первой строки звучат как «Аз чӣ», тогда как в версии Фахри Каввос - «Арчи». С точки зрения смысла и логики текста, вариант Асадии Туси выглядит более корректным и естественным. Кроме того, в обоих текстах используется глагол «бихӯрад»; если записать его в кириллической таджикской графике как «бихурад», это восстанавливает размер стиха и ритмическую стройность.

Помимо этого, в «Фарханги Каввос» встречаются случаи неточного воспроизведения стихов поэтов эпохи Рудаки. Например, Фахри Каввос приводит:

Чашмпаном - таъвиз, тилисм, тўмор / *чашмпаном* - магический или охранный предмет, который «помогает от сглаза», амулет, заклинание. Шахид сказал:

Буто, нигоро, аз чашми бад битарс яке,

Чаро надорӣ бо худ ҳамеша чашмпаном [12, 35] / *Буто, красавица, бойся одного злого глаза, Почему же ты не носишь с собой всегда оберег?*

Однако в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» этот же стих представлен так:

Биё, нигоро, аз чашми бад битарсу макун,

Чаро надорӣ бо худ ҳамеша чашмбаном [49, 536],

а в «Лугати фурс» он фиксируется как:

Паном - таъвиз бошад, яъне чашми бад боз дорад. Ва паномидан бозёфтан бувад, чун боздоштӣ / *Паном - это таъвиз, то есть предмет,*

который останавливает злой глаз. А паномидан значит остановить, удержать, когда ты его удержал. Шахид сказал:

Буто, нигоро, аз чашми бад битарс хаме,
Чаро надорй бо худ хамеша чашмпаном [34, 327].

Это позволяет сделать вывод, что в «Лугати фурс» текст зафиксирован более точно и логично, поскольку он ближе к времени жизни автора стиха и передаёт замысел говорящего более полно, соответствуя стилю поэтов X века.

Кроме того, следует отметить, что хотя Н.И. Гиёсов в «Фарханги Каввос» использовал примеры 22 поэтов эпохи Рудаки, в другой рукописной версии словаря, хранящейся в Калькутте, встречается дополнительный стих поэта Фаролови для пояснения слова «камоса»:

Камоса - кўзаи шубононро гўянд. Фаролови сказал:

Гирди гетй хамеша гардонй,
Чун шубон бо камосаву боху [162, 150] / *Ты всегда обращаешься в мире, Словно пастух с кувшином и длинной палкой на плече.*

Таким образом, анализ показывает, что при цитировании стихов в «Фарханги Каввос» имели место как текстуальные искажённые варианты, так и случаи сохранения более точного текста из более ранних источников, таких как «Лугати фурс» Асадии Туси, что позволяет проследить преемственность в подходах к словарной фиксации и сохранению поэтических свидетельств.

«Фарханги забони точикй» [48, 535-536] слово «камоса» трактуется следующим образом: 1) керамический сосуд с расширенным животом; 2) небольшой горшок для гаданий. Составители словаря после пояснения первого значения приводят пример из стихотворения Абуллаббаса Марвазй («Гирам, ки туро акнун се хона камоса-ст, – Бинвис яке нома, ки чандат хама кос аст»), а для второго значения, пример из стихотворения Тайёна («Дар даст камосаву ба дархо, Гардидаву ламь карда зархо») и оба примера принадлежат поэтам эпохи Рудаки.

Стих Фаролови в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) не приводится, а в «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (труд Гелони) о Фаролови вообще не упоминается. Тем не менее, он присутствует в книгах «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» [8, 72] и «Шоирони аҳди Сомониён» [45, 59]. По нашему мнению, этот стих несомненно принадлежит поэту Фаролови, поскольку «Фарханги Каввос» является одним из древнейших таджикских толковых словарей, созданным между 1290-1310 гг., что очень близко ко времени жизни поэта.

Таким образом, «Фарханги Каввос» Фахри Каввоса, после «Лугати фурс» Асадии Туси, является одним из словарей, где зафиксированы стихи поэтов эпохи Рудаки. Ценность этого словаря заключается не только в сохранении редких и вышедших из употребления таджикских слов, но и в том, что он обеспечивает сохранность произведений множества поэтов прошлого и современников автора.

1.4. Поэзия современников Рудаки в «Тухфат-ул-ахбоб»

Хафиза Убахи

Еще одним словарным источником, который в значительной мере собрал и сохранил разрозненные строки поэтов эпохи Рудаки, является толковый словарь Хафиза Султанали Убайхи. Литературовед Хафиз Рауфов кратко и точно указывает в «Энциклопедии литературы и искусства Таджикистана», что «Тухфат-ул-ахбоб» представляет собой толковый словарь таджикского языка, составленный Хафизом Султанали Убайхи, также известный под названиями «Тухфаи хони», «Китоб-и лугати фурс», «Халли луготи форси», «Лугати Хафиза Убайхи» [223, 238]. Как сообщает этот таджикский исследователь, окончательная редакция словаря была завершена в первой половине XVI века, в 1530 году в Бухаре. Уже в 1928 году Абдурауф Фитрат в номерах 1 и 2 журнала «Дониш», а позднее Е.Э. Бертельс, обсуждая находку этого словаря в Самарканде, и в 1954 году востоковед А.К. Аренде публиковали статьи и отчеты о «Тухфат-ул-ахбоб» [36, 3-4].

А.К. Аренде в своей статье приходит к выводу, что ценность «Тухфат-ул-ахбоб» Хафиза Убайхи заключается не в объяснении слов древней поэзии персо-таджикских поэтов, а в лексическом материале, собранном составителем из живого языка и диалектов своей эпохи, и помещенном в словарь. В этом контексте можно утверждать, что при написании словаря автор, безусловно, опирался на «Лугати фарс» Асадии Туси, однако в словаре встречаются слова, отсутствующие в «Лугати фарс». Более того, хотя некоторые слова в обоих словарях схожи формально, с течением времени они могут приобретать значение, обнаруживаемое в образцах поэзии поэтов эпохи Рудаки. При сравнении двух словарей становится очевидным, что поздний словарь не только перенял структуру, метод толкования и позицию лексикографа из «Лугати фарс», но и заимствовал множество слов непосредственно из произведения Асадии Туси.

Хафиз Убайхи в предисловии к «Тухфат-ул-ахбоб» формулирует цель своего словаря следующим образом: «Для знатоков речи и точных ценителей слов не скрыто, что основы авторских трудов предшественников построены на лексике фарс, которая со временем и в силу особенностей языка оказалась частично утраченной и скрытой, поэтому люди времени и искусные поэты при чтении её не находят особой пользы и, следовательно, не обращают внимания на страницы этих сочинений и считают их утраченными или ненужными. Поэтому покорный слуга Хафиз Убайхи составил краткую работу по исправлению и объяснению...» [36, 17].

Составитель и исследователь «Тухфат-ул-ахбоб» Х. Рауфов чрезвычайно внимательно подошел к тексту словаря, иногда сравнивая слова с более ранними словарями, и пришел к выводу, что «В словаре Хафиза Убайхи более 2600 персо-таджикских слов объясняются иногда с примерами, иногда без них» [36, 4]. Позднее этот показатель был уточнен тем же исследователем: в «Энциклопедии литературы и искусства Таджикистана» он пишет: «В “Тухфат-ул-ахбоб” содержится около 2400 слов, а в конце книги даны толкования ряда фразеологических выражений» [223, 238]. После

детального ознакомления необходимо признать, что большинство слов, включенных автором «Тухфат-ул-ахбоб» в свой словарь с пояснениями, заимствованы из «Лугати фарс» Асадии Туси. В качестве примеров приводятся свидетельства из стихов выдающихся поэтов, прежде всего Рудаки и его современников.

Поэты, современники Рудаки, чьи произведения Хафиз Убайхи цитирует в словаре для разъяснения устаревших, архаичных или труднопонимаемых слов, включают: Абу-Мансур Ахмад Дакики, Абу-Шакур Балхи, Маъруфи Балхи, Кисоии Марвази, Абу-Тохир Хусравони, Мантикии Рози, Шокири Бухорои, Шохиди Балхи, Хусрави Сарахси, Бадеъи Балхи, Тайёни Марғазии, Абулмуайяди Балхи и Имораи Марвази, всего 13 поэтов.

Автор «Тухфат-ул-ахбоб» не приводит одинаковое количество свидетельств из произведений каждого поэта. Численность цитируемых стихов по каждому поэту следующая: Абу-Мансур Ахмад Дакики - 17 свидетельств = 19 стихотворных строк; Абу-Шакур Балхи - 9 свидетельств = 12 строк; Маъруфи Балхи - 7 свидетельств = 7 строк; Кисоии Марвази - 6 свидетельств = 6 строк; Абу-Тохир Хусравони - 4 свидетельства = 4 строки; Мантикии Рози - 2 свидетельства = 3 строки; Шокири Бухорои - 2 свидетельства = 2 строки; Шохиди Балхи - 3 свидетельства = 4 строки; Хусрави Сарахси - 2 свидетельства = 3 строки; Бадеъи Балхи - 2 свидетельства = 2 строки; Тайёни Марғазии - 1 свидетельство = 1 строка; Абулмуайяди Балхи - 1 свидетельство = 1 строка; Имораи Марвази - 1 свидетельство = 1 строка.

Таким образом, Хафиз Убайхи приводит 57 свидетельств от 13 поэтов современников Рудаки, включающих 65 стихотворных строк, тогда как сам Рудаки представлен в словаре 60 свидетельствами, включающими более 60 строк.

При составлении словаря Хафиз Убайхи опирается преимущественно на использованные источники, как в толковании слов, так и в подборе

свидетельств. Например, слово «аждахо» используется им следующим образом:

Аждахо ва аждархо маъруф аст. Дакики гӯяд:

Яке Самсоми аъдокуш, адӯхоре чу аждархо,

Ки ҳарчиз сер набвад вай зи мағзу аз дили аъдо [36, 21] / *Один Самсом, убийца врагов, дракон среди них, Которому никогда не хватает мозгов, вынутых из сердец врагов.*

Эта же лексема с аналогичным свидетельством, с незначительными изменениями, встречается в «Лугати фарс» ещё до Хафиза Убайхи:

«Аждархо - аждахо бувад. Дакики гӯяд:

Яке Самсоми Фиръавнкуш, адӯхоре чу аждархо,

Ки ҳаргиз сер набвад вай зи мағзу аз дили аъдо [34, 48].

В этом стихе в первой строке, приведённой Хафизом Убайхи, употреблено слово «аъдокуш», тогда как в «Лугати фарс» встречается «Фиръавнкуш». Этот момент требует отдельного рассмотрения, поскольку тот же стих в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (издание 1958 года) зафиксирован именно так, как использовал Хафиз Убайхи [7, 293]. В издании 2007 года «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» слово читается как «аъдо, к-аш». По нашему мнению, в этом стихе корректно использование формы «аъдокуш», которая зафиксирована как в «Тухфат-ул-ахбоб», так и в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958).

Если в первой строке заменить «аъдокуш» на «Фиръавнкуш», метрическая схема стиха нарушается. В издании «Лугати фарс», подготовленном Дабирсиёқи, в исходном тексте также встречается «Фиръавнкуш», однако в указателе различий на отдельных страницах указано «аъдокуш» [33, 2]. Дабирсиёқ сообщает, что даже в «Саҳоҳ-ал-фурс» эта лексема зафиксирована как «душманкуш» [33, 2].

Кроме того, вызывает внимание, что Хафиз Рауфзода пишет слово «самсом» с заглавной буквы, хотя это нарицательное существительное. Смысловой ошибки в данном примере не наблюдается, а единственное

затруднение связано с метрической структурой, что побудило нас сделать детальный анализ текста именно этого стиха.

Хафиз Убайхи наиболее часто использует в своём словаре свидетельства из произведений Абу-Мансура Ахмада Дакики для пояснения следующих слов: «дурахш» (Дурахш ар бихандад ба гоҳи баҳор, Ҳамоно бигирид чунин абр зор); «барӯшанон» (Шафеъ бош бари шах маро бад-ин заллат, Чу Мустафо бари додор барӯшанонро); «видо/ведо» (Амиро, чони ширин барфишонам, Агар видо шавад пойкорӣ умрат); «гузармон» (Маҳу Хуршед бо Бирчису Баҳром, Зухал бо Тиру Зухра бар Гузармон); «кабд» (Аз он ки мадҳи ту гӯям дуруст гӯяму рост, Маро ба кор наёяд сирешиму кабдо); «пайхаста» (Дилхаставу махрумаму пайхаставу гумроҳ, Нолон ба сафедадаму гирён ба сахаргоҳ); «парво» (Абусаъд он ки аз гетӣ бад-ӯ баргашта шуд бадҳо, Музаффар он ки шамшераш бибурд аз душманон парво); «реж» (Дидӣ ту режу ком бад-ӯ андарун базе, Бозандағони мутриб будӣ ба фарру зеб); «ситеғ» (Бад-он гаҳ, ки гирад чаҳон гарду меғ, Сари нӯги румҳи ту гирад ситеғ); «тороч» (Донӣ, ки дили ман кӣ фиканда-ст ба тороч, Он ду хати мушкин, ки падид оядаш аз оч); «хабок» (Зи килкаш беша бар шерон қафас шуд, Камандаш дашт бар гӯрон хабоко); «шайдо» (Дил бурд, чун бидонист, гум кард ношикебо, Бигрехта то чунинам девона карду шайдо); «шачад» (Хок дарё шавад, бисӯзад об, Бифсурад офтобу бишачояд); «якбасӣ» (Ба ҷанге макун ҷовидон якбасӣ, Бад-ин орзу худ манам, худ расӣ); «ҳажир» (Эй фаҳри оли Ардашер, эй мамлакатро ногузир, Эй ҳамчунон чун ҷону тан осору афъолат ҳажир); «кар» (Хуляста меҳргон омад ба ту шоҳи ӯаҳон омад, Бибояд дод доди ӯ ба коми дил ба мидҳат кар).

В «Тухфат-ул-ахбоб» поэт-современник Рудаки Абу-Шакур Балхи представлен девятью свидетельствами. Они поясняют следующие слова: «баниз» (На ӯро биёзурд рӯзе баниз, На ӯро аз ин андухе буд низ); «дор» (Дувум дониши аз осмон баланд, Ки бар пой чун аст бедору банд); «кайфар» или «кийфар» (Морро ҳарчанд беҳтар парварӣ, Чун яке хашм оварад, кайфар барӣ); «охшеч» (Хасту наёям набувам охшечи ӯ, К-аз ҳарду рӯй суд набинам

магар зиён); «пуф» (Чароғеро, ки Эзид барфурӯзад, Ҳар он к-аш пуф кунад, ришаш бисӯзад); «роғ» (Кучо роғ бошад, хама боғ буд, Кучо боғ бинӣ, хама роғ буд); «сафч» (Нукли мо хӯшаи ангур бувад, соғар сафч, Булбулу сулсул ромишгару бар даст асир); «чағу» (Агар бозӣ, андар чағу кам нигар, Ва агар бошай, сӯи баттон мапар); и «ғалбакан» или «ғалбакин» (Зистану мурданат якест маро, Ғалбакан хоҳ баста, хоҳ фароз).

В случае второго примера из произведений Абу-Шакур Балхи первая строка должна читаться как «Дувум дониш аз осмони баланд» [36, 57], чтобы восстановить логический смысл стиха и метрическую структуру. Аналогично, нарушение метра наблюдается в стихе, приводимом для пояснения слова «чағу», где вторая строка должна читаться как «В-агар бошай, сӯи баттон мапар» [36, 211].

Автор словаря обращается к Маъруфи Балхи для пояснения следующих слов: «осуғда» (Истода миёни гармоба, Ҳамчу осуғда дар миёни танӯр); «пал» (Ҳамеша кафшу палашро кафида бинам ман, Ба чои кафшу палаш дил кафида боистӣ); «сарф» (Пире маро ба заргарӣ афканд, эй шигифт, Бегоҳу дуди зардаму ҳамвора зард-зард); «сатим» (Бихалад дил, ки ман аз фурқати ту ёд кунам, Чун чароҳат, ки бад-ӯ бод хурад гарди сатим); «шаст» (Ман шаст ба ӯ чу дарфикандам, Моҳӣ бирамиду бурд шастам); «ғутфара» (Надидам чу ту ман ба кӯху дара, Яке бенаво хому бас ғутфара); и «ғулич» (Эй он, ки ошиқӣ, ба ғам андар ғаме шуда, Бо ман биё, бо ман биё, ба домани ман барфикан ғалич) - всего семь примеров. При этом во втором стихе второго свидетельства (кафру палаш) обнаружена ошибка [36, 138].

Этот стих Хафиз Убайхи заимствовал из «Лугати фарс» Асадии Туси, который приводится следующим образом:

Пал - пошнаи пой бошад. Маъруфи гуфт:

Ҳамеша кафшу палашро кафида бинам ман,

Ба чои кафшу палаш дил кафида боистӣ [34, 304] / *«Пал» это пятка ноги, сказал Маъруфи: Я всегда наблюдал, как он сжимает свою обувь и пятку, А теперь следует сжимать сердце вместо обуви и пятки.*

Возможно, в подготовленном Х. Рауфзодой тексте произошла техническая ошибка, и вместо «кафш» указано «кафр».

Четвёртый поэт, современник Рудаки, из произведений которого Хафиз Убайхи заимствовал наибольшее количество примеров, Кисоии Марвази. Он использован для пояснения следующих слов: «алчахт» (Чуз ин раҳ доштам уммеду чуз ин доштам алчахт, Надонистам, к-аз дур кавожаида занадам бахт); «жук» (Эй табъи созвор, чӣ кардам туро, чӣ буд, Бо ман ҳаме насозию доим ҳаме жукӣ); «кошона» (Олам бихишт гашта, анбарсиришт гашта, Кошона зишт гашта, сахро чу рӯи хуро); «писта» или «пешта» (Ос шудам зери осӣи замона, Писта хоҳам шуд (ҳаме) ба карона); «пошгуна» или «посгуна» (Тез будему кундгуна шудем, Рост будему пошгуна шудем); «шигарф» (Дар ин замонаи чофию гардиши шабу рӯз, Шигарф гашт сабуру сабур гашт шигарф). Всего Хафиз Убайхи приводит шесть свидетельств из произведений этого поэта для пояснения соответствующих слов.

В «Тухфат-ул-аҳбоб» Хафиз Убайхи приводит четыре свидетельства из произведений Абутахира Хусравонӣ, поясняющие следующие лексические единицы:

1. **«Васто»:** «Чу гулбун аз бари оташ ниҳоду акс афканд, Ба шохи ӯ бари дурроҷ гашт Вастоҳон». Здесь «Васто» отсылает к книге «Авасто» и имеет значения моления, хвалы и благодарения. В представленном стихе эти значения сохранены, а также добавлено музыкальное звучание. Форма и выражение устарели, сохранились только в подобных свидетельствах.

2. **«Моломол»:** «Ҳанӯз чом пур аз май нагашта буд, ки гашт, Зи хуни дидаи ман чоми бода момомол». Это слово широко использовалось в таджикском языке и до сих пор сохраняет свою активность. Первоначально оно означало трение, натирание, сильное движение, затем получило значение «полный, наполненный, до краёв». Бейты выбраны верно и точно передают смысл слова.

3. **«Нӯса»:** «Аз бод кишт бинӣ чун оби мавҷ-мавҷ, В-аз нӯса абр бинӣ чун

чузъ ранг-ранг». Слово «нӯса» в этом свидетельстве точно передаёт значение и полноту смысла. В настоящее время это архаизм, на его месте используется «рангинкамон».

4. **«Голук»:** «Камонгурӯҳаи заррин шуда маҳоке мох, Ситора яксара голукҳои симандуд». Слово «голук» означает «печатка, наконечник стрелы», ныне не используется в языке.

Из этих четырёх слов только **«молломол»** сохранилось в современном употреблении, остальные - устаревшие.

Три свидетельства из произведений Шаҳиди Балхӣ иллюстрируют следующие слова:

1. **«Карок»:** «Чунон андешад ӯ аз душмани хеш, Ки бози тезчангол аз кароко». Карок название птицы, быстро летающей и крикливой, ныне не общеупотребительное.

2. **«Писта»:** «Даҳон дорад чу як писта, Лабон дорад ба май шуста. Чаҳон бар ман чу як баста, Бад-он пистадаҳон дорад». Писта - плод с твёрдой скорлупой, широко использовался в художественной литературе для выражения красоты возлюбленной.

3. **«Осо»:** «Адӯи мо шавад рӯбоҳи баддил, Чу шеросо хиромад вай ба майдон». Слово имеет много значений, в этом стихе выбран подходящий контекст.

Два свидетельства из Мантиқии Розӣ объясняют слова **«вашанг»** и **«сутург»:**

-«Вашанг» - инструмент для выделки хлопка, металлический стержень для отделения волокон.

-«Сутург» - крупный, сильный, мощный. В современном языке его вариант - «бузург».

Два бейта из Шокири Бухорой поясняют слова **«дух»** и **«рада»**. Первое - значение «растение» и «мягкая часть», второе - «ряд, колонна, слой».

Хусравӣ Сарахсӣ используется для объяснения слов **«куноғ»** и **«паж»:**

-«Куноғ» - шелковая нить, червь шелкопряда;

-«Паж» - неровная земля, холм, вершина горы.

Бадеъи Балхи приводит бейты для слов «**навид**» и «**сутованд**». «Навид» - новость, хорошая весть, сейчас активно используется; «сутованд» - древнее слово, значение - «высокий, большой».

Также «сутованд», «садкес» и «шеб» объяснены через стихи Тайёни Маргази и Абулмуайяди Балхи. «Садкес» - «цветастый, разноцветный», «шеб» - значение не уточнено, но сохраняет исторический контекст.

Таким образом, через «Тухфат-ул-ахбоб» Хафиз Убайхи не только фиксирует лексические единицы и их объяснения, но и сохраняет свидетельства классических поэтов, защищая их от исчезновения и укрепляя историческую достоверность.

Заключительный пример - слово «**шеб**», пояснённое стихом Имораи Марвази: «Набуда маро эч бо ту итеб, Маро бе гунах кардай шеб-шеб».

Слово «шеб» здесь передаёт значение «ошуфта, влюблён, потерявшийся в чувствах». Благодаря этому объяснению три лексемы из произведений современников Рудаки дошли до наших дней, хотя само слово «**шеб**» сегодня используется крайне редко. Остальные пояснённые слова вошли в разряд архаизмов.

Из приведённых примеров видно, что Хафиз Убайхи в «Тухфат-ул-ахбоб» при выборе свидетельств для пояснения лексем опирался преимущественно на творчество древних поэтов, стремясь максимально использовать стихи Рудаки и его современников. Это означает, что в их произведениях содержатся слова, вышедшие из общего употребления и считавшиеся устаревшими. Во времена Хафиза Убайхи эти произведения ещё существовали, но не каждый мог понять их значение, особенно среди персоязычных жителей Индии.

Таким образом, автор словаря, с одной стороны, удовлетворял потребности своих современников, а с другой, через цитаты стихов современников Рудаки даровал этим словам новую жизнь. Ценность подобных словарей именно в этом проявляется.

В заключение главы можно сделать вывод, что до публикации сборников стихов современников Рудаки, наряду с историческими книгами, словарями и тазкирами, такими как «Лугати фурс» Асадии Туси, «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи Бухорои, «Фарханги Каввос» Фахри Каввос, «Тухфат-ул-ахбоб» Хафиза Убайхи и др., в науке о текстах они имели особую ценность. К счастью, эти источники дошли до нас разными путями, сохранив немало стихов поэтов эпохи Саманидов. Исследователи на их основе собрали, подготовили к изданию и опубликовали тексты, существенно заполнив пробелы в истории таджикской литературы.

ГЛАВА II.

ОБЗОР ОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СОВРЕМЕННОКОВ РУДАКИ

Одним из важнейших и значительных исторических событий IX-X веков в Мавераннахре и Хорасане стало завершение формирования и начало трансформации таджикского народа. Начало этого процесса, безусловно, связано с многолетним сопротивлением и борьбой местного населения против арабских завоевателей, которое началось в период правления династии Тахиридов (827-873 гг.), активизировалось при государстве Саффаридов (873-903 гг.) и достигло нового этапа развития с приходом к власти Саманидов (857-999 гг.).

Несмотря на то что в этот исторический период для персоязычного населения, говорившего на новом языке, известном как дари, официальным языком оставался арабский, обучение арабскому языку было обязательным для местных жителей, особенно для ученых, литераторов и представителей культурной элиты региона, под давлением арабских властителей и их репрессий. Это привело к тому, что местные ученые и поэты «...в первые века исламской эпохи ознакомились с арабской поэзией, сами начали творить в этом жанре, и к концу первых двух веков ислама арабская поэзия достигла среди них такого развития, что иногда даже опережала арабских поэтов» [109, 292]. К счастью, это состояние продолжалось недолго.

Местное население, параллельно осваивая арабский язык, сохраняло свои родные языки и диалекты и уже в IX, а затем в X веках стремилось придать им статус и поддерживать их святость. Поэтому литераторы, обладавшие знаниями арабской поэзии и её структуры, адаптировали её к форме персидской речи и начали создавать поэтические произведения на местном языке. Литературовед А. Сайфуллоев справедливо отмечает: «В эпоху Саманидов, когда сама династия была истинными патриотами и культурными деятелями, таджикский язык приобрел значительное уважение

и авторитет, стал официальным, и на этом языке появились выдающиеся литературные произведения» [189, 60].

В связи с этим следует подчеркнуть, что при Саманидах таджикская литература начала интенсивное развитие. Саманиды, любящие литературу и культуру, с одной стороны, установили независимое государство, находя компромисс с арабскими халифами, а с другой, пробудили национальное самосознание и активно привлекали к работе ученых и деятелей культуры своего народа. Приглашение ученых, поэтов, ремесленников, врачей и других специалистов в Бухару и их деятельность при дворе Саманидов способствовали значительному подъему науки, литературы и культуры.

Благодаря этой поддержке Абуабдулло Рудаки был приглашен из Самарканда в Бухару, где при содействии просвещенных правителей местная литературная среда активно занималась созданием художественных произведений и постепенно совершенствовала родной язык дари. В этой сфере, наряду с Рудаки, его современники создавали достойные произведения как по форме, так и по содержанию, закладывая надежный фундамент для последующей таджикской и персидской литературы.

Следует отметить, что сохранившаяся поэзия Рудаки и его современников, несмотря на то что уже посвящено сотни книг, статей и трактатов в области литературоведения и ориенталистики, изучена сравнительно мало. До настоящего времени, хотя их произведения многократно публиковались в Таджикистане, Иране и Афганистане, никто из исследователей не подготовил полноценное научное или научно-критическое издание. Безусловно, литературоведы и в какой-то степени ориенталисты упоминали этих поэтов и иногда цитировали их стихи в своих научных трудах. Если говорить о таджикских и иранских изданиях поэзии современников Рудаки, то в основном они имеют научно-популярный или научный характер, о чем будет подробно рассказано в последующих разделах этой главы. Это объясняется тем, что иногда в различных источниках и печатных изданиях наблюдаются незначительные различия в одном и том же

стихотворении, одно и то же место может отсутствовать в одном из текстов и присутствовать в другом. Например, если обратиться к одному из стихов Абу-Хафси Суғди, обнаруживается, что в различных изданиях он представлен с незначительными вариациями.

В одном из имеющихся источников, а именно в «Аль-Му'джем» Шамса Кайси Рози, этот стих приводится следующим образом:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,
Ёр надорад, бе ёр чӣ гуна бувадо [21, 165]. / *Как же горный олень
сможет жить в степи? Без возлюбленной как вообще можно
существовать?*

В издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) стих представлен так:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,
Ў надорад ёр, бе ёр чӣ гуна равадо [7, 25].

В книге «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» стих совпадает с записью из «Аль-Му'джем»:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,
Ёр надорад, бе ёр чӣ гуна бувадо [44, 18].

Иранский литературовед З. Сафа использует этот стих Абу-Хафси Суғди следующим образом:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,
Чу надорад ёр, бе ёр чӣ гуна равадо [197, 123].

Автор книги «Таърихи адабиёти тоҷик» Холиқ Мирзозода, обсуждая использование арабизмов в первых стихах на языке дари, делает вывод о том, что литература того времени делилась на две сферы: аристократическо-феодалную и народную. Он отмечает, что если в литературе аристократического двора внимание уделялось арабизмам (например, в *касида* Абу-Лаббасы Марвази, написанной в 809 году по случаю приезда наместника халифа аль-Мамуна ибн Харун ар-Рашида в Марв), то поэты, близкие к народной среде, были относительно свободны от арабских

заимствований [140, 169]. Для иллюстрации он приводит тот же стих Абу-Хафси Суғди:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо?

Ў надорад ёр, бе ёр чӣ гуна бувадо? [140, 169].

Таджикский литературовед Аълохон Афсахзод использовал этот стих на основе текста из книги «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» [61, 91].

Составители издания «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) приводят стих в следующей редакции:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,

Чун надорад ёр, бе ёр чӣ гуна бувадо?! [8, 33]

Другой таджикский исследователь, Ш. Мухаммадиев, в статье «Ҳаким Абуҳафси Суғдӣ – поэт эпохи Рудаки», обсуждая музыкальную основу стихосложения Абу-Хафси Суғди и связанные с этим вопросы, приводит две версии этого стиха.

Первая версия:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,

Ёр надорад, бе ёр чӣ гуна равадо [156, 3].

Вторая версия:

Оҳуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна давадо,

Чун надорад ёр, бе ёр чӣ гуна равадо [156, 6].

Ранее этот исследователь использовал версию Х. Мирзозоды в «Донишномаи Рӯдакӣ» [93, 65], однако комментариев относительно других вариантов не приводил.

Как видно из приведенных примеров, для одного и того же второго стиха стиха современников Рудаки исследователи предоставляют 7-8 вариантов. Это наталкивает текстологов на необходимость критически оценивать аутентичность текста и приближенность к замыслу поэта. Сложность заключается в том, что, кроме достоверности книги «Аль-Му’дjam» в качестве источника, другие исследователи не указывают конкретный источник использованного ими текста. В таких условиях

возникает вопрос: какой из вариантов можно считать максимально близким к оригиналу поэта? Мы выбрали вариант из «Аль-Му'джем» Шамса Кайси, так как он ближе к языку и выразительным особенностям ранней персидской поэзии таджикоязычных авторов.

Рассмотрим другой пример из творчества Хусрави Сарахси. В «Аль-Му'джем» стих выглядит следующим образом:

Чунон донӣ, к-ам хостор нест,

Ё шаҳри маро чуз ту ёр нест [21, 136] / *Знай же: у меня нет другого суженого, И в моём сердце, кроме тебя, нет любимого.*

Первая строка в редакции У. Тоирова передана как:

Чунон донӣ, кам хостор нест... / *Так и знай: у меня нет иного воздыхателя...*

В издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) также зафиксирована форма «кам»:

Чунон донӣ, кам хостор нест... [7, 331].

В издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) строка представлена как:

Чунон донӣ, киам хостор нест... [8, 373].

Редакторы книги «Шоирони аҳди Сомониён», которые также были составителями издания 2007 года, корректно исправили «киам» на «к-ам», что сохраняет стиховой ритм и смысл, однако в издании 2007 года допущена прежняя частичная ошибка, и внимательное отношение к тексту оказалось недостаточным [45, 109].

Другой пример можно привести из поэзии Абулмуайяди Балхи. В «Тухфат-ул-аҳбоб» стих выглядит так:

Меғ монандаи пунба-ст варо бод надоф,

Ҳаст шудкес даруна, ки бад-ӯ пунба зананд [36, 206] / *Облако похоже на хлопок, но его не взбивает халлоҷ-ветер: Внутри него сотни молний, что бьют по этому “хлопку”.*

В издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) с небольшими орфографическими изменениями он представлен следующим образом:

Меғ монандаи пусбаст ҳаме бо зандоф,

Ҳаст садгес даруна, ки бад ӯ пунба зананд [7, 201].

Следует отметить, что здесь правильно писать «пунбаст», а не «пусбаст».

В издании «*Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ*» (2007) стих приведен так:

Меғ монандаи пунба-сту варо бод надоф,

Ҳаст садкис даруна, ки бад-ӯ пунба зананд [8, 95].

Во всех трех вариантах написание «пунба-ст» не нарушает смысл, однако внимание привлекает другое слово: «шудгес» / «садгес» / «садкис». Согласно «*Фарҳанги забони тоҷикӣ*», правильная форма «садкес» / «садгес», что означает «дуга кувзы, лук, радуга, возникающая в небе во время дождя и солнца» [48, 174]. Именно эту форму следует признать верной, так как она правильно зафиксирована и процитирована в словаре.

Как видно, приведённые примеры можно множить, и этот вопрос будет детально рассмотрен в следующей главе диссертации. Здесь же следует отметить, что поэты современники Рудаки с ранних этапов изучения литературы эпохи Саманидов привлекали внимание литературоведов и ориенталистов, которые касались структуры и содержания их стихов, приводили отдельные примеры, но, как правило, не давали оценку достоверности использованных текстов. Такие исследования, сравнительно заметные по объёму, можно найти в работах З. Сафа («Таърихи адабиёт дар Эрон»), Х. Мирзозоды («Таърихи адабиёти тоҷик»), А. Афсахзода («Одамушшуаро Рӯдакӣ»), Ибни Курбон («Дар дуруҳаи фано ва эҳёи миллати қадим»), А. Сайфуллоев («Паямбари ишқ») и во многих других научных и научно-популярных статьях.

Например, З. Сафа приводит следующие объёмы стихотворений различных авторов современников Рудаки: Масъуди Марвози - 3 бейта, Шоҳиди Балхи - 22 бейта, Абутаййиби Мусъаби - 13 бейт, Фаролови - 4

бейта, Абушуайби Хирави - 6-бейтовый газель, Абулаббоси Рабинджани - 3 бейта тазмин и 4 бейта одного касиды, Абуисхоқи Джуйбори - 5 бейт, Абузироаи Муаммари - 4 бейта, Хусравони - 23 бейта, Шокири Бухорӣ - 10 бейт, Абулмуайяди Балхи - 15 бейт, Абушакури Балхи - 48 бейт, Дакики - 108 бейт, Маъруфи Балхи - 12 бейт, Валволиджи - 2 бейта, Лукарии Чангзан - 14 бейт, Бадъи Балхи - 12 бейт, Мунджик Тирмизи - 63 бейта, Тохир ибни Фазли Чағони - 17 бейт, Оғоджи - 17 бейт, Мантикии Рози - 36 бейт, Хусравии Сарахсӣ - 27 бейт, Камарии Джурджони - 22 бейта, Юсуфи Арузи - 4 бейта, Истиғнои Нишобури - 2 бейта, Хаббозии Нишобури - 2 бейта, Абулаълои Шуштари - 5 бейт, Кисоии Марвази - 86 бейт, Робиаи Каздори - 29 бейт, Башшори Маргази - 18 бейт, Имораи Марвази - 24 бейта, Туркии Кишии Айлоки - 11 бейт, Абулфатхи Бусти - 12 бейт [197, 329-458].

Однако в работах З. Сафа, Х. Мирзозоды и других исследователей основной целью было литературоведческое исследование, анализ жанровых особенностей поэзии IX века, и они приводили примеры стихотворений современных Рудаки поэтов, таких как Шахиди Балхи, Абушакури Балхи, Робиаи Балхи, Кисоии Марвази, Дакики и Мунджики Тирмизи, чтобы иллюстрировать свои выводы [140, 211-243].

В изданиях А. Афсахзода («Одамушшуаро Рӯдакӣ»), А. Сайфуллоева («Паямбари ишк»), многотомном словаре Деххудо, двухтомном «Фарҳанги забони тоҷикӣ», трёхтомной «Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик», трёхтомной «Донишномаи Рӯдакӣ», а также в учебниках для средних и высших школ Таджикистана, Ирана и Афганистана, многочисленные ориенталисты и исследователи использовали остатки стихов поэтов современников Рудаки, однако относительно достоверности текста практически не давали комментариев.

Таким образом, до настоящего времени для текста этих поэтов современников Рудаки не было проведено отдельных научных текстологических исследований. Несмотря на это, значительный вклад в выявление их стихотворений внесли Саид Нафиси, составители изданий

«Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958), «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (Тегеран, 1370), «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007). Эти издания обладают особым положением и служат надёжной основой для подготовки данной диссертации.

2.1. Вклад Саида Нафиси в изучение поэтов современников Рудаки

Подготовка и редактирование стихотворений поэтов современников Рудаки, наряду с использованием лексиконов, тазкир, исторических источников и научных трудов предыдущих поколений таджикских и иранских учёных, в XIX-XX веках привлекала внимание исследователей наряду с изучением оставшихся произведений самого Рудаки. В этом направлении значительный вклад внес выдающийся учёный и литератор Саид Нафиси (18.06.1886-14.11.1966). Следует отметить, что деятельность Саида Нафиси в исследовании иранской и таджикской культуры была многогранной, а его работы по истории персидско-таджикской литературы занимают особое место. Он проявил себя как исследователь, текстолог, источниковед, писатель, поэт, историк и переводчик. Литературоведы А. Насриддин и М. Гаффоров отмечают многоплановую деятельность Саида Нафиси: «В 1953 году по собственной воле он вышел на пенсию, однако до конца жизни продолжал заниматься литературной деятельностью, составлением, переводом, редактированием и публикацией диванов персидских и таджикских поэтов. Автор более восьмисот полезных книг и статей. Его труды охватывают вопросы истории персидско-таджикской литературы, источниковедения, текстологии, культурологии, социальной и политической истории, истории науки, а также отдельные области географии, медицины и философии... Саид Нафиси был также лексикографом и составителем словарей» [165, 216].

Особое значение имела деятельность Саида Нафиси по изучению, сбору и публикации стихов Рудаки - основоположника классической персидской литературы. «Он относится к числу первых исследователей,

которые всесторонне и глубоко изучали жизнь и творчество Рудаки. С самого начала своей литературоведческой деятельности Саид Нафиси занимался сбором разрозненных стихов Рудаки. В ходе четырёхлетнего поиска он собрал из 78 источников 832 бейта оставшихся произведений поэта и в 1928 году завершил на их основе ценное исследование в трёх томах под названием «Состояние и стихотворения Абуабдуллы Джа'фара ибн Мухаммада Рудаки Самарканди» [147, 156].

В своём крупном исследовательском труде Саид Нафиси, помимо анализа географического и исторического контекста времени Рудаки, предоставлял интересные сведения о политиках и учёных. В подразделе «Дом Балъами» он изложил некоторые свои размышления о поэтах современниках Рудаки, подчеркнув, что невозможно представить Рудаки-творца вне среды его современников. Прежде чем обсуждать коллег и современников Рудаки, он пишет о семье Балъами: «Одним из крупных заслуг дома Балъами и Абулфазла Мухаммада ибн Убайдуллоха Балъами и его сына Абуали Мухаммада ибн Мухаммада Балъами было воспитание и распространение персидского языка» [175, 547].

Саид Нафиси подчёркивает, что эти министры, любящие народ и ценящие литературу, одновременно занимались созданием множества произведений, в том числе художественных. Возможно, именно высокая оценка, которой удостоился Рудаки при правлении Саманидов, объясняется тем, что эти мудрые министры ценили родной язык, постоянно способствовали его развитию и поддерживали поэтов. Исследователь также отмечает, что сами Балъами также писали стихи на родном языке и приводит два бейта:

Первый бейт:

Даранда чу шерон, даманда чу суйбон,

Дурахшон чу Хуспй, дурафшон чу озар [175, 548] / *Хищник, подобный льву, лев яркий, Яркий как счастье, яркий как факел.*

Второй бейт:

Чун барафрозӣ рух аз бода, кулах созӣ яла,

Дастҳояш шик гардад, пойҳояш шишала [175, 548] / *Лишь
вспыхнет от вина лицо, и шапка съедет вкривь, Руки немеют, а ноги
делаются хрупкими, как стекло.*

Оба этих бейта Саид Нафиси цитирует из «Фарҳанги Чаҳонگیرӣ». По поводу авторства этих стихов, отца или сына, исследователь размышляет и приходит к выводу, что стиль и язык изложения «...более соответствуют речи конца IV века и позднего периода правления Саманидов, когда жил сын, чем речам начала IV века и времени правления Саманидов, когда жил отец» [175, 548].

Далее, исследователи Рудаки и учёные, изучавшие оставшиеся произведения поэтов современников Рудаки, не использовали эти бейты Балъами, хотя они представляют интерес с точки зрения структуры и содержания. Эти два бейта не включены ни в одну печатную антологию поэтов-современников Рудаки.

После этого Саид Нафиси в своём фундаментальном труде подробно рассматривает жизнь и часть оставшегося наследия 17 поэтов-современников Рудаки: Шахиди Балхи, Фаролови, Муроди, Абулаббаси Рабинджани, Абулмасали Бухари, Абуисхаки Джуйбори, Абулхасани Агджи (Огочи), Тахори (Тахови), Хаббози Нишапури, Абулхасани Кисои, Дакики, Абузаръа (Абузироа) Гургани, Истигнои Нишапури, Абуабдуллохи Джунайди, Умора (Имара, Амора) Марвази, Робия бинти Каъба и Мокони Кони. Исследователь выражает своё мнение на основе доступных ему источников и приводит примеры стихотворений некоторых из них. Вместе с тем, от части поэтов, о которых имелось достаточно материала на момент написания книги «Жизнь и творчество Рудаки», он не приводит ни одного примера. Например, в издании, использованном нами, которое является вторым вариантом редакции Саида Нафиси, подробная информация о Шахиди Балхи занимает почти две страницы, однако примеры его творчества отсутствуют, а о поэте

исследователь пишет: «Шахид ибн Хусайн в персидской поэзии был сведущ в науках своего времени и особенно велик в персидской поэзии» [175, 550].

Исследователь кратко и конкретно пишет об Абулмасали Бухари, от которого в некоторых источниках до наших дней сохранилось множество разрозненных стихотворений: «Полной информации о состоянии этого известного поэта (т. е. Абулмасали Бухараи - С.Р.) до нас не дошло. Известно лишь, что он общался с Абулмуайядом Балхи и Сипехри Бухараи, поэтами IV века, служившими хвалителями династии Саманидов, и что от его стихов дошли лишь отдельные бейты, зафиксированные в словарях» [172, 166].

Здесь исследователь указывает на заинтересованность любителей поэзии Абулмуайяда к источникам его произведений.

Саид Нафиси в своей книге упоминает также имя Абуабдуллоха Мухаммада ибн Мусо Фаролови и приводит известное стихотворение мастера Рудаки:

Шоир Шахиду шухра Фаролови,

В-он дигарон ба чумла ҳама ровӣ / *Поэт Шахид, знаменитый Фаролови, А остальные все искусны в слове.*

При этом он подчёркивает, что «... Фаролови был одним из известных поэтов своего времени и великим поэтом IV века Ирана. Он писал на персидском языке, и от его стихов дошли лишь разрозненные бейты, зафиксированные в словарях, больше ничего не сохранилось...» [175, 550].

Из этих слов следует, что цель исследователя в изучении жизни и творчества Рудаки заключалась в том, чтобы представить поэтов-современников Рудаки, а не заниматься текстологией или подсчётом сохранившихся стихов. Он лишь сообщает, что в эпоху Рудаки эти поэты существовали и действовали в литературной среде, и что Рудаки не был одинок на поле литературы.

Третьим поэтом, о котором Саид Нафиси упоминает как о современнике Рудаки, является Абулхасан Мухаммад Муроди, один из крупнейших поэтов своего времени. Исследователь, опираясь на книгу

«Ятимат-уд-дахр» Саолаби, приводит примеры стихов арабской поэзии Муроди и подчёркивает, что «... Муроди, кроме стихов на тозий, писал также стихи на персидском языке...». Для подтверждения своих слов он приводит следующий бейт:

Аз ҳашаму ганч чӣ фарёду суд,

Ки то марг кунад бар сари ту тохтан [175, 552] / *Что толку от богатства и сокровищ, Если они будут терзать тебя до самой смерти.*

Во втором стихе данного бейта наблюдался метрический сбой. Позднее этот бейт был правильно процитирован и использован в книге «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958):

Аз ҳашаму ганч чӣ фарёду суд,

Марг кунад бар сари ту тохтан [7, 29].

Саид Нафиси указал «Меъёр-ул-ашъор» в качестве источника этого бейта.

Исследователь, занимавшийся рудакиеведением, также упоминает поэтов-современников Рудаки - Абуллаббаса Рабинджани, Абуисхока Джуйбори, Абулхасана Афджи и Хаббози Нишопури. Он отмечает, что эти поэты были современниками Рудаки и писали на персидском языке, но не приводит примеров их стихов. По его словам, «... дошли лишь разрозненные бейты, зафиксированные в словарях» [175, 553-554].

От поэта Тахори Саид Нафиси приводит два бейта, источником которых является «Фарҳанги Сурурӣ»:

Лаб-т гӯй, ки нимкафта гул аст,

Майи нӯш андар ӯ нихуфтастӣ.

Зулф гуфтӣ зи лаб ниҳозида,

Ба чила сӯи чашм рафтастӣ [175, 558] / *Губы твои словно полураскрывшийся цветок, В них скрыто пьянящее вино. Ты сказала, что боишься локона с губ, А он уже тянется к твоим глазам.*

Во втором стихе в источнике «Фарҳанги Сурурӣ» он прочитал:

«Майи нӯш андар он нихуфтастӣ».

Однако исследователь не уточняет, на каком основании он изменил «андар он» на «андар ū» и не приводит ссылки на источник для этой правки. В послесловии к материалу о Тахори Саид Нафиси пишет: «Исходя из стиля этих двух бейтов, очевидно, что Тахори был поэтом IV века и современником Рудаки» [175, 558].

Другим современником Рудаки, о котором упоминает Саид Нафиси, является Абулхасан Кисои. Он, прежде всего, считает Кисои «одним из великих мастеров персидского языка», указывает, что тот родился в 341 г. хиджры (953 г. н. э.) в Марве и для подтверждения своей точки зрения приводит собственные стихи поэта:

Ба сесаду чихилу як расид навбати сол,
Чаҳоршанбеву се рӯз монда аз шаввол.
Биёмадам ба чаҳон, то чӣ гӯяму чӣ кунам,

Суруд гӯяму шодӣ кунам ба неъмату мол [175, 559] / *Вот настал триста сорок первый год, Среда, три дня осталось до Шаввала. Я родился в этот мир, чтобы сказать и сделать что-то, Петь песни и радоваться дарованным благам.*

Таким образом, Саид Нафиси систематически использует сохранившиеся бейты поэтов-современников Рудаки для подтверждения историко-литературного контекста и показывает, что Рудаки не существовал в литературной среде изолированно. Его цель не текстологическая критика или полнота собрания стихов, а выявление круга современников и окружения великого поэта.

Саид Нафисий, опираясь на сочинение Низами Арузи «Чаҳор мақола», утверждает, что Кисои родился через двенадцать лет после смерти Рудаки и не относит его к числу современников Рудаки. Он упоминает его лишь в конце перечня поэтов династии Саманидов. В данном случае можно отметить, что круг современников Рудаки не следует ограничивать исключительно годами рождения и смерти самого Рудаки. Некоторые поэты

пришли на литературную арену раньше, некоторые позже него, однако все они творили в эпоху Саманидов, «которые ценили поэзию и развивали её...».

Далее Саид Нафиси рассматривает Абумансура Дакики и ставит под вопрос его современность с Рудаки, отмечая, что Дакики родился в последние годы жизни Рудаки: «Если бы какой-то период жизни Дакики совпадал с именем Рудаки, это был бы детский возраст, и, конечно, нельзя считать маленького ребёнка современником зрелого и известного поэта» [175, 55-560]. Таким образом, автор ещё более ограничивает рамки своей концепции. При этом он умалчивает о литературном наследии Дакики, хотя известно, что Дакики ещё до Абулкасима Фирдоуси положил на поэтическую основу «Шахнаме» объёмом около 1000 стихов и имел и другие поэтические произведения.

В своей книге Саид Нафиси также рассматривает таких поэтов, как Абузаръа (Абузароа) Гургани, Истигнои Нишапури, Абуабдуллохи Джунайди и Имара Марвази, и главным образом обсуждает различия в годах их жизни и жизни Рудаки, утверждая, что «в любом случае они должны считаться современниками Рудаки» [175, 561-563]. Эта позиция исследователя жизни и творчества Рудаки требует тщательной проверки в контексте их биографий и литературного наследия.

Аналогично, взгляды Саид Нафиси относительно двух поэтов из окружения Саманидов - Робии Балхи и Мокони Коки неоднозначны. Он относит их к поэтам X века, но не признаёт современниками Рудаки, так как они жили и творили во второй половине X века, после смерти великого поэта. В то же время литературовед М. Мирзоюнус, анализируя Робию Балхи (Робию Каздори) в своей монографии «Сиришке дар лола...», приходит к выводу, что она была современницей Рудаки и жила в период династии Саманидов [142, 28].

Саид Нафиси для изложения своих соображений главным образом опирается на маснави «Илохинома» Аттари Нишапури и даже полностью использует в 410 бейтах эпизод из поэмы «Робиа Каздори» из «Илохинома»

[175, 564-586], подчеркивая тем самым её связь с Рудаки. Далее исследователь приводит 29 бейтов стихов Роби Каздори, которые предназначены для ознакомления читателя. Их дальнейшее использование в последующих публикациях стихов Роби будет рассмотрено сравнительно.

Что касается поэта Мокони Коки, Саид Нафиси считает единственным источником упоминания о нём «Субхи гулшан» Мухаммада Сиддика Хасанхони Баходура, составленного в 1877 году. Из него он цитирует два бейта:

Дар кӯи қазо на раҳгузар медонам,

На сирри қазову на қадар медонам.

Донам, ки кас аз қазо наёрад частан,

Аз сирри қазо ҳамин қадар медонам [175, 590] / *На улице судьбы не встречаю ни одного путника, Не знаю тайн судеб и не ведаю меры. Знаю лишь, что никто от судьбы не уйдёт, И в этой тайне судьбы мне всё, что дано, известно.*

Он отмечает: «Хотя алфавитная форма этого рубаи не соответствует поэзии IV века эры Саманидов и эпохи Рудаки, если это верно, то Мокон ибни Коки Дайлами... также был современником Рудаки» [175, 589-590].

Таким образом, Саид Нафиси предположительно относит Мокона ибни Коки к современникам Рудаки. Однако при проверке этого предположения с использованием сборников стихов поэтов той эпохи «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) [7], «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» [44], «Шоирони аҳди Сомониён» [45] и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8], не обнаруживается даже минимального подтверждения. Более того, стиль этого рубаи не близок к поэзии X века. Следовательно, его автора можно отнести к поэтам пост-X века. В этом контексте М. Н. Османов, российский ориенталист, также высказал интересные и целенаправленные стилистические замечания по данному вопросу [178].

Следует отметить, что профессор Саид Нафиси, кроме представления сведений о поэтах современниках Рудаки, собранных им на момент

написания трёхтомного труда «Ахвол ва ашъори Абуабдуллоҳ Чаъфар ибни Муҳаммад Рӯдакии Самарқандӣ», при необходимости приводил отдельные бейты из других источников: по 1 бейту из Тахори (Таховӣ), 2 бейта из Кисоии Марвази, 3 бейта из Абузаръаи Гургони, 29 бейтов из Робии Каздори и 2 бейта из Мокони Кони. Это показывает, что целью выдающегося исследователя Рудаки не было всестороннее изучение всех его современников, а лишь информирование о существовании этих поэтов, как уже отмечалось.

Таким образом, Саид Нафиси, помимо огромного труда по изучению биографии и собранного корпуса стихов великого поэта Рудаки, стремился на основе доступных материалов и имеющихся возможностей ознакомить исследовательское сообщество и заинтересованных лиц с рядом поэтов его времени, создавая тем самым благоприятные условия для дальнейших исследований их жизни и творчества. Эти усилия особенно ярко проявились в публикациях сборников «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958), «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (ред. Ахмад Идорачи Гелони), «Шоирони аҳди Сомониён» (1999), «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007). Как будет показано в следующих главах диссертации, это добросовестное стремление впоследствии принесло значимые результаты.

2.2. Первое издание сборника поэзии современников Рудаки

Изучение жизни и творчества Абуабдуллоха Рудаки, поэтапное собирание его разрозненных стихов и, в конечном счёте, написание крупного трёхтомного труда известным рудакиеведом Саидом Нафисием создали возможность для того, чтобы последующие исследователи уделяли всё большее внимание творчеству Рудаки. Это изучение и исследование позволили учёным не только сосредоточиться на сохранившихся произведениях Рудаки, но и последовательно обращаться к поэтам его времени и в целом следует отметить, что невозможно представить поэзию Рудаки без знания его современников.

В этом значительном труде, наряду с появлением первых упоминаний рудакововедов Европы и исследователей Востока, проявилась ещё одна достойная заслуга Саида Нафиси: он предоставил авторитетные сведения о 17 поэтах-современниках Рудаки, создав тем самым предпосылки для дальнейшего изучения их жизни и творчества.

В 1958 году во всём мире, а особенно в Таджикистане, отмечалось 1100-летие со дня рождения великого поэта Абуабдуллоха Рудаки. В связи с этим интерес к исследованию его жизни и произведений получил новое развитие, открыв возможности для работ, посвящённых также поэтам эпохи Рудаки. В подтверждение этому можно привести публикацию фундаментального исследования академика Абдулгани Мирзоева «Абуабдулло Рудаки» [136], а также десятки научных и научно-популярных статей, изданных только в Таджикистане, посвящённых изучению поэтов и учёных времён династии Саманидов.

Если в начале изучения литературы IX-X веков персидско-таджикской традиции востоковеды России и Европы, такие как Х. Эте, Э. Браун, Жюль Мул, Жильбер Лазар, А. Крымский, В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, Фрай, М. Н. Османов, А. Тахирджонов и другие, высказывали свои соображения о данной литературе, то позднее внимание к ней сосредоточили такие исследователи, как Шиблии Нуьмони, И. С. Брагинский, Ричард, Забихуллохи Сафо, С. Айни, А. Мирзоев, Б. Фурозонфар, А. Афсахзод, З. Ахрари, К. Айни, М. Кадкани, М. Занд и многочисленные их ученики. Следует отметить, что до 1958 года поэтам-современникам Рудаки уже имелись отдельные упоминания или статьи, а также в учебных изданиях и монографиях, посвящённых литературе данного периода, публиковались соответствующие замечания и анализы.

Первое комплексное издание, собравшее разрозненные стихи поэтов-современников Рудаки в одном томе, было опубликовано в Республике Таджикистан в 1958 году под названием «Поэзия современников Рудаки». Следует подчеркнуть, что издание вышло в серии книг «Празднование

Рудаки» к 1100-летию со дня рождения великого поэта, в объёме 408 страниц и тиражом 15 000 экземпляров [7].

В предисловии к книге отмечается: «Данное собрание стихов, выходящее под заголовком второго тома “Празднование Рудаки”, представляет литературное наследие 66 поэтов прошлых эпох и современников великого поэта, в котором собрано 6582 стихотворных строки» [7, 5].

Более конкретную задачу академик Абдулгани Мирзоев определяет следующим образом: «За два года до этого празднования одна из важнейших задач, поставленных к приближению 1100-летнего юбилея со дня рождения Абуабдуллоха Джафара ибн Мухаммада Рудаки коллективу научных сотрудников сектора классической литературы Института языка и литературы, который ныне преобразован в Отдел востоковедения и литературного наследия Академии наук Таджикистана, заключалась в подготовке к печати литературного наследия прошлых эпох и современных Рудаки поэтов» [7, 5].

Из этих указаний следует, что проделанная работа представляла собой значительное достижение в области таджикской литературоведческой науки и была осуществлена в 1956-1958 годах таджикскими литераторами и текстологами под руководством академика А. Мирзоева. В те годы, когда стихи современников Рудаки, подобно произведениям самого поэта, находились в разрозненных источниках, в одних немного, в других больше, и лишь часть дошла до нашего времени, задача их систематизации и публикации была далеко не простой.

Поэтому, уже в 1956 году в секторе классической литературы Института языка и литературы, после всесторонней проверки всех возможностей реализации проекта, был сформирован коллектив из восьми научных сотрудников, включавший Б. Сируса, К. Айни, Р. Ходизоду, М. Бакоева, М. Занда, З. Ахрари и С. Тоджиддинова. Этот коллектив успешно приступил к сбору и подготовке текстов на основе доступных источников.

Работа по систематизации словаря, составлению пояснений к географическим названиям и личным именам была возложена на научного сотрудника А. Маджи.

Как следует из предисловия академика А. Мирзоева, подготовка и издание книги не возникли на пустом месте. Для подтверждения этого достаточно обратиться к предисловию книги «Поэзия современников Рудаки», где указано: «Прежде всего следует отметить, что выдающийся современный иранский учёный Саид Нафиси своим известным трудом «Жизнь и стихи Абуабдуллоха Джафара ибн Мухаммада Рудаки» оказал существенную помощь работе коллектива. В третьем томе своего исследования он комментировал известное стихотворение поэта XI века Манучехри в честь поэта Унсури и при этом приводил некоторые образцы их стихов, а также указывал необходимые источники» [7, 5-6].

Для того чтобы прояснить вопрос о включении в обзор стихов фрагмента поэта XI века Манучехри Домгони, представляется целесообразным привести сам отрывок:

...Ку Чариру ку Фараздак, ку Зухайру ку Лабиб,
Руъбаи Аччоци Дикалчинну Сайфи Зуязан?
Ку Хуайя, ку Умайя, ку Нусайбу ку Кумайт,
Ахталу Башшори Бурд, он шоири ахли Яман?
Дар Хуросон Бушуайбу Бузар, он Турки Кишӣ
В-он Сабури Порсӣ в-он Рӯдакии чангзан.
Он ду гургониву он ду розиву ду валволичӣ,
Се сарахсиву се, к-андар Суғд буда мустакан.
Ибни Ҳонӣ, Ибни Румӣ, Ибни Муътаз, Ибни Файз,
Диъбалу Бушису он фозил, ки буд андар Қаран...
В-он хучаста панҷ шоир ку, кучо будандашон:
Арваву Афрову Ҳиндӣ, Вамяву Лайлӣ сакан?
В-он ду Имрулқайс в-он ду Тарфаву ду Нобиға,
В-он ду Ҳассону се Аъшо в-он се Ҳаммолу се зан.

Аз Бухоро панчу панч аз Марву панч аз Балх боз,

Ҳафт Нишопуриву се Тӯсиву се Булҳасан?

Гӯ фароз оянду шеъри устодам бишнаванд,

То ғаризи равза бинанду табиӣ настанан... [11, 249-251] / *Где*

Джарир и где Фарздак, где Зухайр и где Лабид, Где Ру'ба ибн Аджжадж, Дикалджинн и Сайф Зу-Язан? Где Хуайя, где Умайя, где Нусайб и где Кумайт,

Где Ахталь и Башиар Бурд, тот поэт земли Йемена? Где в Хорасане Бушуайб Бузар, тот тюрк из Киша, И где Сабур Перс, и тот Рудаки, певец с арфом в руках? Где те два из Горганы, и те два из Рея, и два из Валвалиджа, Три из Сарахса и трое, что прочно жили в Согде? Где Ибн Хани, Ибн Руми, Ибн Му'таз, Ибн Файз, Ди'баль, Бушис и тот мудрец, что жил в Каране? И где те благословенные пять поэтов, где их обитель: Арва, Афра, Хинди, Вамия и Лайли, где их приют? И где два Имрулькайса, и два Тарафы, и два Набиги,

Два Хассана, три А'ши, три Хаммала и три поэтессы? Пять из Бухары, пять из Мерва и пять из Балха вновь, Семь нишапурцев, три из Туса и три Булхасана? Пусть поднимутся, пусть придут и услышат стих моего учителя, Чтобы увидели природный розарий и врождённый цвет настанана.

Как видно из этого фрагмента, в касиде Манучехри Домгони с уважением упоминает поэтов Востока, как арабов, так и персов, и одновременно подчеркивает превосходство стихов своего учителя, Унсури, над ними. В то же время, при перечислении поэтов персоязычного Востока, Манучехри предоставляет уникальные сведения, имеющие особое значение для изучения современников Рудаки.

Иными словами, при подготовке к систематизации стихов современников Абуабдуллоха Рудаки у Манучехри уже существовала предварительная схема публикации и достаточно надежная основа для работы. Для составителей и редакторов это произведение стало важным ориентиром, позволившим подготовить и издать книгу «Поэзия

современников Рудаки» в относительно короткие сроки и своевременно представить её читателям.

Во введении к книге «Поэзия современников Рудаки» редактор коллективного труда в общих чертах указал на использованные источники: «Коллектив, помимо использования труда Саид Нафиси, тщательно изучил важнейшие источники до XV века. Из источников после XV века главным образом были использованы те, в которых содержались произведения поэтов X века, в частности «Маджма'-уль-фусафа» Ризакулихана Хидоят. Этот труд также стал одним из основных источников работы коллектива. Некоторые свежие поэтические фрагменты, встречавшиеся в других литературных источниках, после необходимой проверки также были включены» [7, 6].

Во введении отмечается, что это был первый опыт систематизации сохранившихся стихов поэтов IX-X веков. Естественно, что при компоновке материала внимание коллектива было целенаправленно сосредоточено, и собрание условно было разделено на два раздела:

1. Поэтические произведения предшественников Рудаки.
2. Поэтические произведения современников Рудаки.

Кроме того, во введении подчеркивается, что при сборе этих стихов иногда наблюдались различия в текстах, однако, так как издание носило популярный характер, решено было не фиксировать все расхождения. Это означает, что на основе данного издания в дальнейшем следовало бы подготовить научно-критический текст стихов современников Рудаки. К сожалению, до настоящего времени эта работа не выполнена и остаётся ожиданием специалистов, в частности текстологов.

Повторимся, что книга «Поэзия современников Рудаки» включает образцы сохранённых стихов 66 поэтов IX-X веков на фарси, общей протяжённостью 3291 бейт (6582 строки). В связи с этим литературовед М. Муллоахмадов справедливо отмечает, что в разделе II «Сохранившиеся произведения современников Рудаки» содержатся биографические сведения и примеры стихов 56 современников Рудаки» [146, 160].

На данный момент невозможно точно определить число поэтов-соотечественников Рудаки, включённых в данное издание. Этот вопрос станет ясным при сравнении с последующими сборниками стихов современников Рудаки. В книге представлены поэты, жившие в эпоху Саффаридов (873-903 гг. н.э.) и Тахиридов (821-936 гг. н.э.). Исключением являются народные стихи Балхийцев и Абулянбаги, жившего в 786-920 гг. н.э. Среди прочего, в части «Сохранившиеся произведения предшественников Рудаки» (стр. 11-25) включены следующие фрагменты: Махмуд Варрак - 2 бейта, Ханзала-и Бодгиси - 4 бейта, Мухаммад ибн Васиф - 19 бейтов, Бассом-и Курд - 5 бейтов, Мухаммад ибн Мухаллад - 3 бейта, Фирузи Машрики - 4 бейта, Абусалик-и Гургони - 10 бейтов, Масъуд-и Марвази - 5 бейтов, Абухафси Сугди - 2 бейта. Итого, первая часть охватывает десять поэтов, с краткими сведениями о их жизни и сохранившихся произведениях, которых очень немного.

Во второй части книги представлены сохранившиеся произведения современников Рудаки, среди которых: Муроди - 2 бейта, Фаролови - 27 бейтов + 1 мисра', Шахиди Балхи - 84 бейта, Абушакури Балхи - 383 бейта, Рабанджани - 6 бейтов, Абу Шуайб - 14 бейтов. Балъами - 2 бейта, Имораи Марвази - 80 бейтов, Тахори - 2 бейта, Абулаббос - 66 бейтов, Робиъа Каздори - 33 бейта, Сонеи Балхи - 2 бейта, Джунайди - 4 бейта, Башшори Маргази - 31 бейт, Абулмасал - 20 бейтов, Абулхасани Огочи - 39 бейтов, Хаббози Нишопури - 2 бейта, Абу Исхок Джуйбори - 7 бейтов, Сехри Бухорои - 2 бейта, Истигнои Нишопури - 2 бейта, Турки Киши - 4 бейта, Лукари Чангзан - 19 бейтов, Абу Зироа - 11 бейтов, Абулфатхи Пиндор - 20 бейтов, Мантикии Рози - 75 бейтов, Абузари Бузджони - 2 бейта, Валводжи - 4 бейта, Абу Тайиб - 3 бейта, Воизи Сарахси - 2 бейта, Худжаста Сарахси - 8 бейтов, Абулаббоси Марвази - 4 бейта, Оби Бухорои - 4 бейта, Равнаки Бухорои - 4 бейта, Шокири Бохорои - 35 бейтов, Маънави - 4 бейта, Марвази - 1 бейт, Тайёни Марвази - 51 бейт, Кисои - 254 бейта, Абу Насри Маргази - 1 бейт. Саффории Маргази - 3 бейта, Абулмуайяди Балхи - 20 бейтов + 1

мисра', Дакики - 1000 бейтов (из «Шохнома» Фирдавси) + 220 бейтов, Маъруфи Балхи - 46 бейтов, Бадъи Балхи - 24 бейта, Хаббози Коини - 1 бейт, Рафеуддини Нишопури - 2 бейта, Хусравони - 71 бейт, Абульало - 9 бейтов + 1 мисра', Тохири Джурджони - 37 бейтов, Хусрави - 104 бейта, Мунджик - 258 бейтов + 1 мисра', Ушнони 3 бейта, Абулфатхи Бустӣ - 5 бейтов, Мунтасир - 15 бейтов, Камарии Джурджони - 30 бейтов, Абулқосими Фирдавси - 81 бейт.

Таким образом, вторая часть представляет разнообразные поэтические произведения широкого круга современников Рудаки, обеспечивая ценный материал для дальнейшего литературоведческого анализа и изучения творчества поэтов IX-X веков.

Как видно, количество стихов поэтов-современников Рудаки различается по объему. У некоторых авторов сохранился лишь один бейт. Это свидетельствует о том, что исследователи и собиратели остатков произведений современников Рудаки включили в данную книгу всё, что удалось обнаружить в источниках. Так, от Хаббози Коини дошёл 1 бейт, от Сехрии Бухараи - 2 бейта, от Абульмуайяди Балхи - 20 бейт и 1 мисра, и так далее.

Сведения о данных поэтах в справочных материалах также неоднородны и зачастую сопровождаются оговорками вроде: «возможно», «год рождения неизвестен», «считается современником такого-то», «считается одним из древнейших персо-таджикских поэтов», «о его жизни в литературных источниках ничего не упомянуто», «год рождения и смерти точно неизвестен», «поэт второй половины X века» [7, 12-114], что в основном отражает неопределённость хронологии.

Например, о поэте Марвази сообщается: «О данном поэте в антологиях никаких сведений нет» [7, 162]. Следовательно, его имя и тождество неизвестны. Сохранился лишь один бейт Марвази, посвящённый положению Кисоии Марвази у Рудаки, который приведён в «Лубаб-уль-альбаб». Из

содержания этого бейта следует, что Марвази также был поэтом X века и, с высокой вероятностью, жил во времена Кисои [7, 162]. Этот бейт звучит так:

Зебо бувад, ар Марв бинозад ба Кисой,

Чунонки чахон чамла ба устоди Самарқанд [7, 162] / *Прекрасно было бы, если Мерв гордился Кисаи, Так же, как весь мир гордится самаркандским мастером.*

В том же сборнике приведена краткая информация о Турки Киши: «Турк или Турки Кишии Айлоки - поэт X века. Год рождения, смерти и вообще ход жизни неизвестны. До нашего времени дошло 8 мисра стихотворений» [7, 132]. Четыре мисра, или два бейта, его стихов звучат следующим образом:

Родмардию мард донй чист?

Бохунартар зи халқ гўям кист?

Он ки бо дўстон бидонад сохт,

Он ки бо душманон бидонад зист! [7, 132] / *Знаешь ли ты, что такое истинная мужественность? Скажу ли я, кто искуснее и достойнее людей? Тот, кто умеет ладить с друзьями, И тот, кто умеет жить даже с врагами.*

Отметим, что Саид Нафиси не упоминает этого поэта в своих исследованиях.

Относительно предоставления сведений о поэтах-современниках Рудаки составители данного издания критически подошли к имеющимся источникам. Так, о Равнаки Бухараи они пишут: «Абульмуайяд Равнаки Бухараи - поэт эпохи Саманидов. Автор «Маджма-уль-фуссаха» ошибочно приписал его тому же времени поэта Абульмуайяд Балхи. Ход жизни неизвестен. До нашего времени дошло 8 мисра стихотворений (4 бейта - прим. ред.)» [7, 155].

Несмотря на скудность информации и разрозненность источников, сбор и публикация этих произведений, сохранившихся более тысячи лет, представляет собой значительный труд составителей книги. Можно

утверждать, что им удалось осветить длинный период литературы, ранее почти неизвестный читателю, и показать, что в IX-X веках Рудаки, как «маликушшуаро», окружил себя талантливыми поэтами.

Тексты поэтов того времени, помимо редкости, часто трудны для понимания. Это означает, что словарный состав и фразеология многих стихов требовали пояснений с использованием словарей и справочных материалов, а порой встречались термины, которые невозможно было найти ни в словарях, ни в имеющихся источниках. Эта трудность возлагалась как на исследователей книги, так и на читателя.

Составители книги приложили значительные усилия для облегчения работы с текстами: в конце издания был включён раздел «Словарь, пояснения к географическим названиям и личным именам» [7, 389-405], что значительно облегчает восприятие стихотворений.

Тем не менее, в тексте «Стихов современников Рудаки» встречаются слова вроде «сагбанд», «Занбил», «беомруғ», «Хузоко» [7], которые не объяснены ни в словаре книги, ни в доступных справочных источниках, что свидетельствует о продолжающихся трудностях интерпретации отдельных элементов поэтического языка того времени. В тексте книги «Поэзия современников Рудаки» встречается множество стихотворных отрывков, в которых наблюдаются ошибки, возникающие либо в результате опечаток, либо вследствие искажения метра и других причин. Мы зафиксировали такие случаи на страницах 31, 37, 79, 110, 119, 186 и далее.

Например, стих:

Чуде чунон рафеъаркон,

Уммон чунон шигирфмоя... [7, 31] / *Щедрость - столь
Высокоосновная, А Умман столь бездонно-богатый.*

В том же виде он представлен и в издании «Поэзия современников Рудаки» (2007):

Чуде чунон рафеъаркон,

Уммон чунон шигирфмоя... [8, 73].

Если прочитать этот стих корректно, он будет звучать так:

Чуде, ки чунон рафеъаркон,
Уммони чунон шигарфмоя.

Другой пример:

Роии адл - мулкпарвар ӯ,

Гургро дод мансаби нахроз [7, 79] / *О справедливом правлении
твердит - как хранитель державы, А волка поставил возжакон стада.*

Первая строка этого стиха должна читаться следующим образом, чтобы сохранялся смысл: Роии адли мулкпарвари ӯ...

Еще один пример из стихов Абулмасая:

Нукли мо хӯшаи ангур буду соғар сафч,

Булбулу сулсул ромишгар бар даст асир [7, 119] / *Наша закуска
была гроздь винограда, а кубок неспелая дыня, Соловей и журчащий ручей
пленники в руках удовольствия.*

В издании «Поэты эпохи Рудаки» (1370) вторая строка этого стиха представлена так: Булбулу сулсули ромишгару бар даст асир [44, 71].

А в книге «Поэзия современников Рудаки» (2007) этот стих приводится следующим образом:

Нукли мо хӯшаи ангур бувад, соғар сафч,

Булбулу сулсул ромишгару бар даст асир [8, 105].

В данном случае вариант издания «Поэты эпохи Рудаки» представляется более корректным с точки зрения структуры и содержания.

Подобные отрывки с недостатками встречаются в текстах исследуемых книг достаточно часто, и они даже нарушают метр стихотворений. Для иллюстрации достаточно обратить внимание на первый приведенный пример. Кроме того, в текстах встречаются случаи двойной транскрипции на кириллице, например: «Гавишт» в словаре представлен как «Гавашт», «ғӯшт» как «ғушт», «чалепо» как «чалипо», «чархишт» как «чархушт», «якуна» как «ягина» [7, 19-193] и т.д.

Следует также обратить внимание на предложение на стр. 114 рассматриваемой книги: «Абуабдулло Джунаиди является поэтом второй половины X века». Это предложение неполное, и из него невозможно сделать вывод, имеется ли в виду «первая половина X века» или «вторая половина X века». Еще одной недостаточностью данной книги является то, что в ней не указаны использованные источники и справочные материалы, за исключением случаев, когда в некоторых справочниках дано указание на того или иного поэта.

В целом можно отметить, что «Поэзия современников Рудаки», изданные в 1958 году к 1100-летию со дня рождения великого поэта Абуабдулло Рудаки за сравнительно короткий срок, сумели в известной мере познакомить исследователей и читателей с доступными стихами поэтов эпохи Саманидов и послужили ориентиром для последующих научных исследований в области текстологии. Это можно проследить на примере последующих работ, посвящённых сбору, подготовке и изданию стихов современников Рудаки.

2.3. Публикация поэзии современников Рудаки в Иране и её особенности

Ранее исследователи в основном ссылались на произведения современников Рудаки в антологиях, словарях и общих трудах по истории персидско-таджикской литературы лишь в той или иной степени. Однако после выхода в свет и широкого распространения книги «Поэзия современников Рудаки» начались попытки более систематически собирать, редактировать и публиковать собрания этих поэтов. Эта работа также открывала возможность, прежде всего, более полно и детально изучать литературную и культурную жизнь эпохи Саманидов, а оставшиеся стихи поэтов современников Рудаки делать доступными для широкой аудитории.

Эта ценная, хотя и непростая задача была взята на себя после публикации книги «Поэзия современников Рудаки» (1958) иранским

литературоведом Ахмадом Идорачи-Гелони, который в 1370 году издал её под названием «Поэты современников Рудаки» в серии «Сборник литературно-исторических публикаций доктора Махмуда Афшори Язди», выпуск №36 [44].

В предисловии к книге Ахмад Идорачи-Гелони, прежде всего, рассуждает о роли художественного слова, поэзии, в жизни иранского народа, подчёркивая, что с древнейших времён жизнь иранцев была неразрывно связана с поэзией. Источником этой поэзии он считает «Авесту», что является правильным с точки зрения историко-литературной традиции. Исследователь также отмечает, что ещё до Рудаки и его современников в эпоху Аршакидов и Сасанидов создавались отдельные поэтические произведения, дошедшие до нас. Он пишет: «То, что дошло до нас из эпохи Аршакидов и Сасанидов, также свидетельствует о развитии поэзии среди иранцев. Среди них есть стихи Маниша, найденные в Турфане, «Йодгори Зарир», которую исследователь Биневист... рассматривает как посредника между “Авестой” и Дакики и Фирдоуси...» [44, 16].

В предисловии Ахмад Идорачи-Гелони также рассматривает литературные отношения в период правления Буйидов и Саманидов. Составитель сборника приходит к выводу, что Буйиды, несмотря на своё иранское происхождение, не стремились к расширению персидского языка и литературы, «...но совершали услуги для литературы и языка тузиев, которые сами арабы не делали. Даже их шахи и визири создавали труды на арабском языке и являлись основателями литературных кругов на этом языке. Все эти действия автор рассматривает как стремление распространить шиитскую веру через своих родственников халифа и обратить внимание исламского мира на своё государство» [155, 375].

Из источников и ссылок многочисленных литературоведов и ориенталистов известно, что Якуби Лайси, правитель, просил у Мухаммада Васифа и других поэтов не сообщать о том, что чуждо и не имеет отношения к нам. Таким образом, поэзия начинает передаваться на родном языке, и в

этом процессе важная роль принадлежит государственности Саманидов. Ахмад Идорачи-Гелони отмечает: «Дари или персидский язык был языком восточных иранцев. Благодаря политике и инициативе Саманидов он стал официальным языком, хотя их власть распространялась лишь на часть Хорасана и части Ирана» [44, 17].

Составитель сборника «Поэты современников Рудаки» предпринял поиск и систематизацию стихов 50 поэтов эпохи Саманидов. При этом он с сожалением отмечает, что при обсуждении их творчества сталкивается с определёнными трудностями: от некоторых из них сохранился только один стих, а от других лишь имя. В предисловии к сборнику подчёркивается, что оживление памяти о 50 поэтах современников Рудаки стало результатом круглосуточного труда составителя.

Следует отметить, что Гелони был знаком с книгой «Поэзия современников Рудаки», изданной в 1958 году, и имел о ней собственное мнение. Он пишет: «В этой книге два-три раза упоминается книга под названием “Современники Рудаки”. Эта книга была издана в Исталинабаде, напечатана кириллицей и её было трудно читать. Я смог запомнить и извлечь только эти два-три упоминания» [44, 19]. Это свидетельствует о том, что составитель при подготовке своего сборника опирался на собственный независимый метод исследования.

Поэты, включённые Ахмадом Идорачи-Гелони в сборник, следующие: Абулянбаги Аббос ибн Тархон, Абухафс Хаким ибн Ахвас Сугдии Самарканди, Масъуди Марвази, Ходжа Абуллаббос ибн Хануди Марвази, Хаббози Койни (в книге «Поэзия современников Рудаки» (1958) Хаббози Койни [7, 311]), Тахори, Рафеуддини Нишапури, Абулмузаффар Наср ибн Мухаммад Истигнои Нишапури (в «Стихах современников Рудаки» (1958) Истигнои Нишапури), Ахмад Иншои Джуйбари, Саффори Марвази, Маънави Бухорои, Абулмуайяд Такии Бухорои, Абуисхок Ибрахим ибн Мухаммад Бухори Джуйбари, Абузиръа Муаммари Гургони, Абунусри Маргази, Абузар Хусайн Турки Айлоки Киши (в «Стихах современников Рудаки» (1958)

Турки Кишти (Кети)), Абуабдулло Мухаммад ибн Солехи Валволиджи Марвази (в «Стихах современников Рудаки» (1958) Солехи Валводжи), Хужаста Сарахси, Абутаййиби Сарахси, Абуъалаи Шуштари, Башшари Маргази, Тайёни Маргази, Сипехри Бухори, Абулмасали Бухори, Шокири Бухори, Сонеи Балхи, Рабиаи Каздори, Абулаббос Фазл ибн Аббоси Рабинджани Бухори, Хаббози Нишапури, Абутахир Таййиб ибн Мухаммад Хусравони, Абуабдулло Мухаммад ибн Абдулло Чунаиди, Камарий Джурджани, Абулхасан ибн Мухаммад Газвони Лукари, Абулмуайяди Балхи, Абулхасан Али ибн Ильёс Огожи Бухори, Абумухаммад Мансур ибн Али Мантикии Рози, Бадеи Балхи, Амир Абуяхё Тахир ибн Фазл ибн Мухаммад Чагони, Абуалхасан Али ибн Мухаммад Мункии Термизи, Ходжа Буркаъи, Сабури Парси, Хаким Абубакр Мухаммад ибн Али Хусравии Сарахси, Абузари Бузджани, Амир Абуибрахим Мунтасири Самани, Имораи Марвази, Камолиддин Абуфатх, Пиндор ибн Абумансур Хотири Рози, Абулфатх Али ибн Мухаммад Бусти, Хаким Абулхасан Али ибн Мухаммад Кисои Марвази и Имам Абубакр Мухаммад ибн Ахмад Воизи Сарахси. Всего 50 поэтов.

Книга «Поэзия современников Рудаки» (1958) состоит из двух частей: «Сохранившиеся произведения предшественников Рудаки» [7, 11-25], включающей стихи 10 поэтов, и «Сохранившиеся произведения современников Рудаки» [7, 29-388], в которой собрано творчество 56 поэтов.

В книге «Поэты современников Рудаки» разделение между предшественниками Рудаки и его современниками не проведено. Так, поэты, как Абулянбаги, Масъуди Марвази и Абухафс Сугди, которые в «Стихах современников Рудаки» занимают место в первой части и ранее рассматривались как поэты прошлого времени, здесь отнесены к современникам Рудаки.

В работе Ахмада Идорачи-Гелони мы не встретили таких известных поэтов его современников, как Абулхусайн Мухаммад ибн Мухаммад Муроди Балхи, Абуабдулло Мухаммад ибн Мусо Фаролови, Абулхасан Шахид ибн Хусайн Варроки Джухудонаки Балхи, Абушакур Балхи,

Абутаййиб Сарахси, Абулмуайяд Равнакии Бухори, Марвази (не Кисоии Марвази - прим. авт.), от которого сохранился только один стих [7, 162], и Абуабдулло Мухаммад ибн Хасан Мааруфи Балхи, всего 8 поэтов, представленных в книге «Поэзия современников Рудаки» (1958). При этом некоторые из них, такие как Шахиди Балхи, Абуабдулло Мухаммад ибн Мусо Фаролови, Муроди Балхи, в работе Саида Нафиси упоминаются как поэты высокого ранга эпохи Саманидов [171, 350-351].

Вместе с тем Ахмад Идорачи-Гелони вспоминает и приводит образцы стихов поэтов, которых нет в книге «Поэзия современников Рудаки» (1958). К ним относятся Ходжа Буркаъи и Сабури Парси. Согласно сведениям составителя «Поэтов современников Рудаки» (1370), Ахмад Идорачи-Гелони отмечает, что хотя от Ходжа Буркаъи и Сабури Парси не сохранилось стихов, ранее их считали поэтами эпохи Саманидов. Так, о Ходжа Буркаъи Гелони пишет: «Если бы Мунджики Термизи не упоминал о нём в своих стихах, сегодня от него не осталось бы ни одного упоминания. Он был современником Мунджик. В одном из квитаев Мунджик он назван “Буркаъи”, в другом “Ходжа Буркаъи”» [44, 225].

Ахмад Гелони относит Сабури Парси к числу современников Рудаки следующим образом: «Если бы Манучехри Домгони не упоминал о нём наряду с Рудаки, Бушуайбом, Абузаръа Хусейном и Турки Айлоки Киши и не читал его в кругу великой поэзии своего наставника Унсури, мы бы не знали о поэте, жившем в четвертом веке» [44, 225].

Как уже упоминалось, после предисловия книги «Поэты современников Рудаки» с Абулянбаги Аббос ибн Тархон начинается сама подборка. Ахмад Гелони подчёркивает, что он родом из Самарканда и сочиняет стихи на персидском и современном языке (тази). Более того, исследователь, опираясь на найденные источники, рассуждает о стиле и языке выражения Абулянбаги и приводит от него один арабский и два персидских стиха:

Самарқанди кандманд,

Ба-зинат кӣ афканд.

Аз Чоч та беҳӣ,

Ҳамеша та хухӣ! [44, 21] / *Самарқанд разрушенный, Кто бросил украшение? От Чача лучше нет, Всегда будешь на высоте!*

Таким образом, Ахмад Идорачи-Гелони, помимо предоставления краткой справочной информации и знакомства читателя с поэтом, приводит стихи следующих авторов: Абухафс Сугди Самарқанди - 2 стиха, Масъуди Марвази - 3 стиха, Ходжа Абулаббос Марвази - 4 стиха, Хаббози Койни - 2 стиха (согласно «Лугати фарс» Асади), Тахори или Тахови - 2 стиха (согласно «Лугати фарс» и «Чахор макола»). Рафеуддини Нишапури - 2 стиха, Истигнои Нишапури - 2 стиха, Ушнонии Джуйбари - 3 стиха, Саффори Маргази - 3 стиха, Маънавии Бухори - 4 стиха, Абулмуайяд Равнакии Бухори - 4 стиха (не Абулмуайяд Балхи), Абуисхок Бухори Джуйбари - 7 стихов, Абузиръа Муаммари Гургони - 11 стихов, Абунастри Маргази - 2 стиха, Абузар Хусейн Турки Айлоки Киши - 4 стиха, Абуабдулло Мухаммад ибн Солеҳи Валволиджи Марвази - 4 стиха, Хужаста Сарахси - 12 стихов, Абутаййиб Сарахси - 3 стиха, Абульалаи Шуштари - 9 стихов, Башшари Маргази - 31 стих (касида), Тайёни Маргази - 47 стихов, Сипехри Бухорои - 2 стиха, Абулмасали Бухори - 21 стих, при этом 9 стихов упомянуты также в «Лугати фарс», «Сахих», «Мухити зиндаги ва ахволу ашъори Рудаки» и «Лугатноме» Деххудо [44, 72], Джуллоби Бухорои - 4 стиха, Шокири Бухори - 32 стиха, Сонеи Балхи - 2 стиха, Рабиаи Каздори - 51 стих и 1 отдельная строчка, Рабинджани Бухорои - 72 стиха, из которых 22 приписаны ему, Хаббози Нишапури - 4 стиха, Абутохир Таййиб ибн Мухаммад Хуросани - 70 стихов, 2 отдельные строки и 26 приписанных ему, Камарий Джурджани - 3 стиха, Абуабдуллохи Джунайди - 35 стихов, 2 приписанных ему, Абулҳасан Оғожи Бухорои - 47 стихов, 7 приписанных ему, Мантикии Рози - 85 стихов, 12 приписанных ему, Бадеъи Балхи - 16 стихов, 1 приписанный ему, Тохири Чағони - 33 стиха, 10 приписанных ему, Абулҳасан Мунджики Тирмизи - 313

стихов и 1 строка, 45 приписанных ему, Ходжа Буркаѝи и Сабури Парси - остались только имена, стихов не сохранилось, Хусравии Сарахси - 100 стихов, 25 приписанных ему, Абузари Буждани - 2 стиха, Мунтасири Самани - 27 стихов. Имораи Марвази - 75 стихов, 15 процитированных из различных источников, Абулфатхи Бусти - 7 стихов, Хаким Кисоии Марвази - 229 стихов, более 8 приписаны ему, Воизи Сарахси - 2 стиха.

Сравнивая поэтов-современников Рудаки, использованных Ахмадом Идорачи-Гелони в его работе, с изданием «Поэзия современников Рудаки» (1958), можно отметить, что в этих двух публикациях некоторые имена присутствуют, а некоторые отсутствуют. Как уже упоминалось, в «Стихах современников Рудаки» (1958) приведены 56 авторов-современников Устада Рудаки. Однако, несмотря на то, что в сборнике «Поэты современников Рудаки», изданном в Иране, представлены доступные образцы 50 поэтов, такие авторы, как Тохир ибн Фазл Чагони, Ахмад ибн Ишноии Джуйбари, Ходжа Буркаѝи, Хаббози Койни, Сабури Парси и Хотири Рози, всего шесть человек, отсутствуют в издании 1958 года.

В иранском издании «Поэты современников Рудаки» присутствуют имена этих поэтов-современников Рудаки, часть из которых известна широкой аудитории: Абулхусайн Мухаммад ибн Мухаммад Муроди Балхи, Абуабдулло Мухаммад ибн Муса Фаролови, Абулхасан Шахид ибн Хусайн Варроки Джахудонаки Балхи, Абушакури Балхи, Абушуайби Хирави, Равнакии Бухорои, поэт Марвази (не Кисоии Марвази, от которого сохранился один стих - С.Р.), Абумансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики, Абуабдулло Мухаммад ибн Хасан Маарофи Балхи и Абулкасими Фирдавси, всего 11 человек.

Следует отметить, что выдающийся исследователь Саид Нафиси упоминает поэта эпохи Саманидов Мокани Кони, отмечая: «Субҳи гулшан» сочинение Саид Али Хасанкхон ибн Амирулмулук Саид Мухаммад Сиддик Хасанхони Бахадур, написанное в 1294 г. х./1877 г. н.э., где сказано: «Мокан

ибн Кокий Табаристани был поэтом эпохи Наср ибн Ахмад Самани...» [175, 589].

При этом Саид Нафиси, хотя и относит Мокани Коки к современникам Рудаки, не скрывает сомнений в его поэзии, что подтверждается приведённым четырёхстишием, приписанным ему:

Дар кӯи қазо на раҳгузар медонам,

На сирри қазову на қадар медонам.

Донам, ки кас аз қазо наёрад частан,

Аз сирри қазо ҳамин қадар медонам! [175, 590] / *На улице судьбы*

не знаю ни одного прохожего, Не знаю тайны судеб и не ведаю меры. Знаю лишь, что никто от судьбы не уходит живым, И вот в тайне судьбы это всё, что мне известно!

При более внимательном изучении стихов поэтов-современников Рудаки и особенностей их художественного стиля становится очевидным, что приведённое четырёхстишие (рубайи) ближе по своей манере к поэтам более позднего периода нашей литературы. Поэтому можно заключить, что хотя Мокан ибн Кокий и относится к поэтам эпохи Саманидов, данное рубайи ему не принадлежит.

Одной из заметных особенностей сборника «Поэты современников Рудаки» является то, что Ахмад Идорачи-Гелони после указания имени и прозвища поэта стремился дать также годы его рождения и смерти. Однако из-за отсутствия информации в доступных источниках он в скобках ставил знак вопроса как вместо года рождения, так и вместо года смерти. Подобная ситуация наблюдается у четырёх поэтов, включённых в сборник. Другие авторы, такие как Хаббози Койни, Абутохир Хусрави, Мантикии Рози, Тохир Чагони, Мунджик Термизи, Хусрави Сарахси, Мунтасири Самани, Хотири Рози, Абулфатхи Бусты, представлены только с указанием года смерти. Исключением является Кисоии Марвази, для которого указаны оба года - рождения (341 г. х./953 г. н. э.) и смерти (410 г. х./1020 г. н. э.).

Кроме того, в зависимости от наличия источников автор и составитель сборника пытался предоставить более подробные сведения и больший объём стихотворного материала для таких поэтов, как Тайёни Марвази, Робиан Каздори, Рабинджани Бухорои, Абутохир Хусрави, Абулмуайяд Балхи, Абулхасан Али ибн Ильяс Огози Бухорои, Мунджик Термизи, Хусрави Сарахси, Мунтасири Самани и Кисоии Марвази [44, 58–285–332], используя все доступные ему источники.

Одной из других особенностей сборника «Поэты современников Рудаки», заслуживающей внимания, является включение комментариев к труднопонимаемым словам, многие из которых, по-видимому, после X века в таджикской литературе больше не употреблялись. Приведем несколько примеров. Саффори Маргази пишет:

Ё Раб, чӣ чаҳон аст ин! Ё Раб, чӣ чаҳон,

Шодӣ ба ситир бахшанду ғам ба қапон [44, 38] / *О Господи, что это за мир! О Господи, что за мир! Радость дают в малом, а горе как на весах!*

В данном случае слова «ситир» (единица веса, «шесть дирхамов, четыре унции») и «қапон» («весы») давно вышли из употребления. Во втором стихе того же двустишия в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» встречается вариант: «Шодӣ ба ситир бахшаду ғам ба қапон» [7, 199], где «ситир» объясняется как «очень маленькая единица веса», а «қапон» как «рынковое хранилище зерна». В «Лугатнома» Деххудо слово «қапон» также трактуется как «одноплечные весы» [46, 158].

При анализе второго стиха особенно важно учитывать размер. Слово «ситир» состоит из трёх слогов, поэтому слово «бахшанд» у Ахмада Идорачи-Гелони следовало бы записать как «бахшад», чтобы сохранить ритмическое соответствие обоих стихов. Таким образом, вариант составителей «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) является более корректным и сохраняет точность текста. Источником данного стиха является «Лугати фурс» Асади Туси, где второй стих приведен в том же виде

[32, 49]. Единственное уточнение слово «ситир» должно читаться как «ситер». Следовательно, текст Ахмада Гелони требует редакторской корректуры.

Другой пример стих Абутохира Хусравони:

Ангушт бари рӯяш монанди тагарг аст,

Пӯлод бари гардани ӯ ҳамчу лод аст [44, 115]. *Палец на лице его словно капля дождя, А железо на шее его как глиняная стена.*

Здесь слово «лод» в комментарии Ахмада Гелони объясняется как «узкий и мягкий дебай», тогда как в «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» даётся пояснение: «Лод тонкий и мягкий дебай, куртка» [7, 395]. Слово действительно редко встречается в персидской поэзии таджикского периода. В обоих упомянутых источниках источник этого стиха Абутохира Хусравони не указан. Мы нашли этот стих в «Фарҳанги Каввос» Фахри Каввос с комментариями и следующей формой: «Лод - называют тонкий и мягкий дебай. Абутохир говорит:

Ангушт бари рӯяш монанди тагарк аст,

Пӯлод фаро гардани ӯ ҳамчун лод аст [12, 159]. / *Палец на его лице как ледяная капля, А железо на шее его словно глиняная стена.*

В данном случае в свидетельстве, приведённом Фахри Каввосом, во втором стихе употребляется выражение «фаро гардани ӯ», что делает текст более поэтичным. В «Лугати фурс» Асади Туси и в «Тухфат-ул-аҳбоб» Ҳофизии Ҷаъфарӣ этот стих не приводится.

Ещё один пример стих поэта Абулмуайяда Балхи:

Савдои маро суд надорад нилко,

Дарди сари ман кучо нишнонад илко.

Савганд хурам ба ҳар чӣ дорам милко,

К-аз ишқи ту бигдохтаам чун килко [44, 149] / *Моя страсть не приносит плода, словно дикая алыча, Куда положить боль моей головы словно на кору дерева? Клянусь всем, что имею, Что от любви к тебе я расплавился, как тростник.*

Здесь слова «нилко», «илко» и «килко» сразу привлекают внимание, так как маловероятно, что поэты последующих XI-XII веков использовали их в таком виде в стихах. Ахмад Идорачи-Гелони даёт следующие пояснения:

1. **Нилко** от «нилк» - дикая алыча. В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» слово объясняется как «сухая алыча» [47, 854].
2. **Илко** от «илк» или «илки румӣ». В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» слово «илк» имеет значение: «Илк (а) - древесная кора, кора деревьев; смола» [47, 473], и для примера приводится именно это рубаи Абулмуайяда Балхи.
3. **Килко** от «килк» - тростник.

Следует отметить, что эти слова отсутствуют в словарях, использованных в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958). Кроме того, текст требует корректуры. В издании 1958 года стих выглядит следующим образом:

Сафрои маро суд надорад налко,
Дарди сари ман кучо шиносад алко.
Савганд хурам ба ҳар чӣ ҳастам мулко,
К-аз ишқи ту бигдохтаам чун калко» [7, 201].

Таким образом, вариант Ахмада Идорачи-Гелони ближе к оригинальной поэтической форме и более точен с точки зрения лексики и исторической аутентичности.

В данном случае слово «налко» следует читать как «килко». Кроме того, в третьей строке вместо выражения «ҳастам мулко» логичнее читать «дорам милко», как это приведено в сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ».

В этом рубаи Мантикии Розии слова «топок» и «санахч» в комментариях Ахмада Гелони объясняются как «трепет, волнение» и «затруднённое дыхание»:

Аз ғаму ғусса дили душман-ш бод,
Гоҳ дар топоку гоҳе дар санахч [44, 163]. / Пусть сердце врага исполнено печали и гнева, Иногда в тревоге, иногда в одышке.

Подобные примеры из поэзии эпохи Саманидов можно привести в большом количестве, где встречаются давно вышедшие из употребления слова, такие как: **пак** - лягушка, **боз кардан** - очищать, отряхивать, **пархошхар** - желающие войны и ссор, **сафча или сафча** - незрелый арбуз; **фагок** - глупый, незаконнорожденный, и др.

Ещё одна характерная особенность сборника «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» заключается в том, что Ахмад Гелони в разделе «**Таълиқот ва хавошӣ**» (примечания и комментарии) на страницах 335-511 выполняет исключительно научную работу, разъясняя многие трудные и непонятные моменты, выходящие за пределы текста. Например, о Абухафси Суғдии он пишет: «...Должно быть три Абухафса... Доктор Мухаммад Дабирсиёки также несколько лет назад писал: «Однако очевидно, что автор данного произведения, а также мудрец Шахруд и поэт Абухафси нельзя признать одним лицом, а достаточно лишь сходства имен для объединения этих двух или трёх персон» [44, 337].

Таким образом, Гелони не только приводит тексты и биографические сведения, но и систематически анализирует сложные вопросы авторства, идентификации и лексики, делая сборник ценным источником для текстологов и историков литературы.

Ахмад Идорачии Гелони на страницах 513-529 поместил «Список имён», на страницах 530-535 - «Список городов, деревень, рек и гор», на страницах 336-543 - «Список книг и журналов», на страницах 544-552 - «Список источников», на странице 553 - «Истидрок», а на страницах 554-564 - «Заметки и воспоминания». Всё это он разместил в чёткой системе и порядке, благодаря чему сборник был доведён до полноты и завершённости, чего не наблюдается в таджикских печатных изданиях.

Однако остаётся неясным, почему в конце главы о том или ином поэте Гелони, словно приводя примечания и комментарии, обозначал источники буквами «алиф», «мим», «нун», «чим», «че», «зол», «лом» и др., но ни в

введении, ни в предисловиях книги не объяснял их смысл. Для читателя и исследователя эта система букв остаётся загадочной.

В целом можно заключить, что Ахмад Идорачии Гелони своим трудом, последовательностью и трёхлетней круглосуточной работой создал сборник «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ», который является беспрецедентным по своему значению и до сих пор сохраняет своё место в изучении литературного наследия поэтов, современников Рудаки. Однако это не означает, что Гелони полностью завершил текстологическую работу по всем поэтам его сборника. Отсутствие имён, биографий и сохранившихся литературных трудов некоторых поэтов, таких как Абулхасан Мухаммад ибни Мухаммад Муродии Бухорои, Абуабдуллох Мухаммад ибни Мусои Фаролови, Абулхасан Шахиди Балхи и Абушакури Балхи, всего 11 человек, которые ранее признавались современными исследователями литературы эпохи Саманидов современниками «Отца поэзии» (Одамушшуаро), показывает, что сборник не охватывает весь круг известных авторов. То есть, несмотря на огромные достижения Гелони, некоторая разрозненность и неопределённость относительно жизни и творчества поэтов времён Рудаки сохраняется и в этом сборнике, что отражает общую сложность изучения наследия того периода.

2.4. Издания сборников «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007) в Таджикистане и сравнительный взгляд на них

Помимо наследия Саида Нафиси, сыгравшего важную роль в сборе и публикации поэзии поэтов эпохи Саманидов и создавшего надёжную основу для изучения жизни и творчества ряда современников «Отца поэзии» (Одамушшуаро), в Таджикистане были изданы два новых сборника: «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) [45] и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8]. Оба сборника были подготовлены и изданы Худои Шарифовым и Абдушукуром Абдусатторовым. Первый посвящён 1100-летию государства

Саманидов и увидел свет в 1999 году, второй в 2007 году в серии книг «Ахтарони адаб», и оба были доступны как читателям, так и исследователям.

В предыдущих главах уже указывалось, что усилия Саида Нафиси и публикация сборников «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (1958) и «Шоирони хамасри Рӯдакӣ» (публикация в Иране) способствовали тому, что исследования по литературе эпохи Саманидов получили развитие, а достижения поэтов того времени стали известны широкой аудитории [140, с. 103-487; 143; 103; 106, с. 152-163 и др.]. Таким образом, благодаря этим работам в таджикской, иранской, афганской и мировой ориентации востоковедов поэзия X века на персидском языке получила значительное внимание.

Возвращаясь к исходной цели, мы видим, что составители сборника «Поэты эпохи Саманидов» преследовали определённые намерения при его организации. В послесловии книги, приведённом на странице 2, они сжато формулируют это следующим образом: «В этой книге изложены биографии поэтов, живших в эпоху Саманидов, от Рудаки до Фирдоуси, а также приведены избранные образцы их стихотворений с комментариями и пояснениями трудных смыслов» [45, 2]. Как уже было отмечено, сборник был издан по случаю 1100-летия государства Саманидов. То есть цель составителей состояла не только в сборе текстов, но и в предоставлении пояснительной информации и контекста, чтобы читатель мог понять особенности языка и стиля поэтов X века.

Сборник «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) начинается с предисловия под названием «Адабиёти аҳди Сомониён» [45, 3-16], в котором приводятся краткие сведения о 39 поэтах эпохи Саманидов и выборочные образцы их поэзии, дошедшие до нашего времени.

Составители сборника отмечают в начале предисловия: «Четвёртый век хиджры, соответствующий X веку н. э., является временем формирования и утверждения персидской литературной традиции. Этот период представляет собой новую ступень в истории персидского языка. В то же время он

отражает важную роль самосознания и культурной идентичности народов иранского происхождения, а также становление национального и местного государственности, политической, социальной, научной и культурной самостоятельности. Литература того времени достигла высокой степени уважения и признания среди слушателей и ценителей, а также среди придворных и правителей» [45, 3].

В сборнике Х. Шарифов и А. Абдусатторов включили следующих поэтов эпохи Саманидов с указанием количества дошедших до нас стихотворных единиц: Абуабдуллох Рудаки - 239 бейтов, Масъуди Марвази - 3 бейта, Сипехри Бухорои - 2 бейта, Равнакии Бухорои - 4 бейта, Ахмади Бармаки (Бармак) - 1 бейт, Шахиди Балхи - 92 бейта, Фаролови - 34 бейта, Муроди - 2 бейта, Шокири Бухорои - 28 бейтов, Джуллоби Бухорои - 4 бейта, Абутаййиби Мусъаби - 16 бейтов, Абулмуайяди Балхи - 21 бейт, Абуисхоки Джуйбори - 5 бейтов, Абулмасали Бухорои - 25 бейтов, Абулалои Шуштари - 7 бейтов и 1 мисраъ, Турки Кишии Айлоки - 12 бейтов, Робиа бинти Каъб - 55 бейтов, Абушакури Балхи - 132 бейта, Дакики - 266 бейтов, Хусравони - 49 бейтов, Абулаббоси Рабанджани - 26 бейтов, Маъруфии Балхи - 34 бейта, Башшори Маргази - 31 бейт, Абузари Бузджони - 12 бейтов, Худжастаи Сарахси - 6 бейтов, Абушуайби Хирави - 12 бейтов, Тохир ибни Фазли Чагони - 27 бейтов, Хусравии Сарахси - 39 бейтов, Абузироа Муаммари Гургони - 11 бейтов, Абулхасани Огоджи - 27 бейтов, Мантикии Рози - 42 бейта, Газвонии Лукари - 19 бейтов, Валволиджи - 4 бейта, Камарии Джурджони - 25 бейтов, Маънави Бухорои - 2 бейта, Мунтасири Сомони - 8 бейтов, Мунджики Тирмизи - 75 бейтов, Абулкосими Бушри Ёсин - 10 бейтов, Абулкосими Фирдавси - 162 бейта.

В заключении предисловия составители подчёркивают: «В этом сборнике собраны сведения о жизни и поэзии 39 поэтов эпохи Саманидов. Имена некоторых авторов остались за пределами сборника, что объясняется ограничением объёма книги, неточностями в написании имён и фамилий,

соотношением с сохранившимися стихами и малым количеством дошедших до нас произведений» [45, 15].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что сборник «Шоирони аҳди Сомониён» не является полностью завершённым и ещё требует доработки. Другие поэты эпохи Саманидов также существовали и творили, однако ограничения объёма книги не позволили включить их в этот сборник. Очевидно, что это не может служить оправданием неполноты сборника. Следовательно, обнаружение нового стиха от поэтов-современников Рудаки или поэтов эпохи Саманидов и его включение в подобные комплексные издания стало бы значимым вкладом в изучение литературного наследия. Вопрос оценки достоинств и недостатков этих текстов мы рассмотрим ниже в этой главе.

Другой сборник, подготовленный Х. Шарифовым и А. Абдусаттором, это «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007). Он включает: предисловие [8, 5-10], разделы «Первые стихи на персидских диалектах» [8, 13-16], «Первые персоязычные поэты» [8, 19-30], «Поэты современники Рудаки» [8, 33-454], «Лексика и выражения» [8, 455-471] и «Источники» [8, 472-476].

В предисловии составители излагают цели своего издания и отмечают, что речь идёт о талантливых поэтах X века, на которых ссылался Манучехрии Домгони, 40 человек. Они подчёркивают, что число известных современных Рудаки поэтов, исключая предшественников персоязычной литературы, составляет 57: «Сегодня известны имена 57 поэтов X века, образцы стихов которых дошли до нашего времени. Важно отметить, что эти поэты не принадлежат к одному или нескольким центральным городам, а охватывают все регионы Великого Хорасана и центрального Ирана» [8, 6]. Составители указывают также, что если Манучехрии Домгони в своей известной газели упомянул 40 современных Рудаки поэтов, другой источник «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Афви Бухараи, в разделе «Зикри шуарои Оли Сомон» даёт краткую информацию о 31 поэте, сведения о которых были представлены в первой главе диссертации [2, 241-265].

Х. Шарифов и А. Абдусатторов при подготовке сборника использовали не только опубликованные источники, но и «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшаха Самарканди. Из содержания предисловия видно, что при подготовке текста они активно опирались на труды известного рудакиеведа Саида Нафиси, ценный сборник А. Идорачи Гелони «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» и издание «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) как на достоверные помощники. В заключении предисловия авторы отмечают: «В литературоведении широко используются сведения о предках Рудаки, первых персоязычных поэтах, поэтах эпох Тахиридов и Саффаринов и древнейшие образцы таджикской поэзии. Учёные прошлого в этих вопросах проводили исследования и приводили доказательства своих взглядов. Здесь нет возможности обсуждать источники и сведения подробно, так как это заняло бы слишком много места. Отмечаем лишь, что первые персидские стихи, краткие сведения о личности первых персоязычных поэтов и их творчестве включены в данный сборник» [8, 9-10].

В первом разделе сборника «Суруди Оташкадаи Каркуй» представлены три строки Язида ибни Муфаррига, «Шеъри Балхиён» два бейта Абулянбаги, «Суруди мардуми Бухоро» [8, 13-16]. В разделе «Нахустин шоирони форсигӯй» приведены образцы стихов: Бахроми Гур (3 бейта), Ханзалаи Бодгиси (4 бейта), Махмуди Варроки Хирави (2 бейта), Абусулайки Гургони (11 бейт), Фирузи Машрики (9 бейт), Мухаммад ибни Васифи Сагзи (20 бейт), Бассоми Курд (5 бейт), Мухаммад ибни Мухаллади Сагзи (3 бейта) [8, 19-30].

Основной раздел сборника - «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ». Здесь составители дают краткие сведения о жизни и доступном литературном наследии поэтов, а затем приводят их произведения: Абухафси Сугди - 1 бейт, Масъуди Марвази - 3 бейта, Сипехри - 2 бейта, Равнаки - 4 бейта, Ахмади Бармаки - 1 бейт, Шахиди Балхи - 100 бейт, Фаролови - 36 бейт, Шокири Бухорои - 38 бейт, Джуллоб - 4 бейта, Муроди - 2 бейта, Мусъаби - 16 бейт, Абулмуайяди Балхи - 22 бейта, Тахори - 2 бейта, Абуисхоки

Джуйбори - 5 бейт, Абулмасал - 25 бейт, Турки Киши - 12 бейт, Робиа - 55 бейт, Абухасани Хориджи - 1 бейт, Сонеи - 2 бейта, Балъами - 2 бейта, Абушакури Балхи - 429 бейт, Хусравони - 87 бейт, Рабанджани - 95 бейт, Маъруфии Балхи - 55 бейт, Башшор - 31 бейт, Майсарии Хахим - 311 бейт, Дакики - 1000 бейт «Шахнаме» + 225 бейт разрозненных стихов, Абузари Бузджони - 13 бейт, Ахмади Мансур - 2 бейта, Истигнои - 2 бейта, Ушнонии Джуйбори - 3 бейта, Джунайди - 4 бейта, Худжистаи Сарахси - 12 бейт, Абутаййиб - 3 бейта, Абушуайб - 16 бейт, Фазли Чагони - 31 бейт, Хусравии Сарахси - 112 бейт, Абузироаи Гургони - 11 бейт, Абулхасани Огоджи - 56 бейт, Дайламии Казвини - 7 бейт, Мантикии Рози - 84 бейта, Газвонии Лукари - 19 бейт, Валволичй - 4 бейта, Камарии Джурджони - 33 бейта, Маънавии Бухорои - 4 бейта, Мунджики Тирмизи - 326 бейт, Абдулкосими Бушри Ёсин - 10 бейт, Абуалии Сарахси - 5 бейт, Абулфазли Сарахси - 1 бейт, Абулаббоси Кассоб - 3 бейта, Мунтасири Сомони - 8 бейт

Следует подчеркнуть, что при размещении имён поэтов и их произведений составители сознательно использовали издание 1958 года «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» и работы иранского исследователя А. Идорачи Гелони. Например, в издании 1958 года от Робиаи Каздори было выбрано 33 бейта [7, 109-112], а в подготовленном Х. Шарифовым и А. Абдусаттором издании это количество увеличилось до 55 бейт [8, 114-123]. Мы также видим аналогичные произведения в сборнике А. Идорачи Гелони [44, 83-94], однако с различиями в количестве отдельных стихотворных отрывков и замене некоторых слов и выражений в отдельных строках.

Для подтверждения высказанного положения обратимся к газели «Ало, эй боди шабгире, паёми ман ба дилбар бар...», которая в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) в оригинале отсутствует. Рассматриваемая газель в издании «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» [44, 94] состоит из 8 бейтов и одной строки. Это позволяет предположить, что в источнике, использованном Ахмади Идорачии Гелони, по всей вероятности вследствие выпадения либо повреждения строки один из стихов не был прочитан, и на его месте были

поставлены многоточия. Составитель указывает источником данной газели журнал «Шарк», первый период издания, № 8, с. 462 [44, 94].

В трудах исследователей Х. Шарифова и А. Абдусатторова эта же газель представлена в объёме 8 бейтов, точнее, третий бейт был сокращён из-за отсутствия его первой строки. Матлубаи Мирзоюнус в своей книге «Сиришке дар лола...» приводит газель в объёме 8 бейтов и одной строки и не заменяет отсутствующий текст пятой строки многоточиями [142, 79-80].

Кроме того, в рассматриваемом сборнике составители следующим образом читают пятую строку текста: ... Ту чун мохию ман мохй хамесӯзам ба тоба-бар... [8, 118].

Поскольку перед нами газель, данную строку следует читать следующим образом: ... Ту чун мохею ман мохй, хамесӯзам ба тоба-бар...

Именно в таком виде данный текст зафиксирован в обоих сборниках, подготовленных Х. Шарифовым и А. Абдусаттором.

Обратимся также к следующей кыт'а Робиин Каздари:

Хабар диҳанд, ки борид бар сари Айюб

Зи осмон малахону сар ҳама заррин.

Агар биборад заррин малах бар ӯ аз сабр,

Сазад, ки борад бар ман базе магас рӯин [8, 121] / *Пусть возвестят: на голову Айюба С небес пролился дождь из саранчи золотой. И если он, терпением одарённый, вынес Тот дождь, мне впору вынести рой мух золотой.*

Здесь во второй строке употреблено слово «сар», а в четвёртой «басе». Однако в тексте «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) во второй строке слово «сар» должно читаться как «сари», а в четвёртой «басе» следует заменить на «яке», чтобы стихотворение приобрело смысловую и логическую цельность [7, 111-112], поскольку головы всех саранчовых - золотые, и они низошли на голову Айюба. Лирический герой стремится сказать, что пусть бы на него самого пролился хотя бы «один золотой комар».

Составители сборников «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007) в большинстве случаев использовали материалы из сборника «Поэзия современников Рудаки» (1958). Это обстоятельство привело к тому, что ряд текстов, содержащих ошибки и неточности в издании 1958 года, был механически перенесён в сборники 1999 и 2007 годов без повторной сверки, сопоставительного анализа и лексикографического комментария трудных мест [45, 53; 8, 201]. Наглядным примером сказанного является рубаи Абулмуайяда Балхи «Сафрои маро суд надорад налко», подробный разбор которого был представлен в предыдущем разделе данной главы.

Хотя в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» поэт под именем Абуали Сарахси не зафиксирован, в составленном теми же редакторами сборнике «Поэзия современников Рудаки» он упоминается, и от его имени приводятся и цитируются четыре бейта. Биографическая справка о данном поэте, представленная в сборнике, отличается крайней лаконичностью и сводится к следующему: «Абуали Захир ибн Ахмад ал-Факихи Сарахси - учёный и богослов конца X века. Абуали Сарахси был первым наставником шейха Абусаида Абулхайра. От него шейх изучал хадисы, тафсир и основы (усул). Абуали скончался в Сарахсе. В источниках за его именем закреплены эти пять газелеподобных бейтов...» [8, 450]. Однако, как было отмечено выше, в сборнике приводятся не пять, а лишь четыре бейта.

Принципиально важно то, что имя данного Абуали Сарахси не зафиксировано ни в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958), ни в издании «Поэты - современники Рудаки» (под редакцией Ахмада Гелони). К сожалению, составители ограничились общей формулой указания источника «в источниках...» [8, 450], не приведя конкретных ссылок. Нам также не удалось выявить первоисточник этих четырёх бейтов. Вместе с тем в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) упоминается поэт Воиз Сарахси [7, 150], имя которого зафиксировано и в книге «Рудаки и его современники» [148, 240]. В этих источниках обнаруживается сходство в

сведениях о времени жизни и связи данного поэта с шейхом Абусаидом Абулхайром - поэтом и суфием.

Так, в издании 1958 года отмечается: «Период его жизни в основном охватывает вторую половину X и начало XI века. Воиз Сарахси принадлежал к ближайшему окружению шейха Абусаида Абулхайра...» [7, 150]. Аналогичное сообщение приводится и в сборнике «Поэты - современники Рудаки» [44, 333]. Исходя из этого, можно предположить, что Абуали Сарахси и Воиз Сарахси представляют собой одно и то же лицо.

Обратимся вновь к данным Ахмада Идорачи Гелони, который, в частности, пишет о Воизе Сарахси следующее: «Воиза Сарахси считают учёным поэтом и красноречивым проповедником из круга сподвижников Абусаида Абулхайра. Ни в одном из доступных источников не содержится подробных сведений о его жизни...» [44, 333]. Однако в указанных источниках поэтические образцы, приписываемые Абуали Сарахси, отличаются от тех, которые приводятся под именем Воиза Сарахси. Возникает закономерный вопрос: действительно ли во второй половине X века существовало несколько сарахских поэтов, тесно связанных с шейхом Абусаидом Абулхайром, или же перед нами результат источниковедческой и текстологической путаницы?

Как видно, в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» представлены сведения о 39 поэтах, тогда как в сборнике «Поэзия современников Рудаки» в разделе «Поэты - современники Рудаки» упомянуты 53 поэта. Составители в предисловиях к данным изданиям не дали каких-либо пояснений относительно причин такого расхождения в количестве авторов. В результате в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» отсутствуют имена и поэтические образцы ряда поэтов, представленных в «Поэзии современников Рудаки». К ним относятся: Абухафс Сугди, Тахори (или Тахови), Абулхусейн Хариджи, Сонеи Балхи, Балъами, Хаббози Нишапури, Майсари Хаким, Ахмади Мансур, Истигнои Нишапури, Ушнони Джуйбори, Абуабдуллох Мухаммади

Джунайди, Абутайиб Сарахси, Дайлами Казвини, Абуали Сарахси, Абулфазл Сарахси, Абулаббас Кассоб - всего 16 поэтов.

В то же время в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» представлены имя и образцы поэзии Адамушшуаро [45, 17-29] и Хакима Абулкасима Фирдоуси [45, 131-139], которые отсутствуют в сборнике «Поэзия современников Рудаки».

Вместе с тем в сборнике «Поэзия современников Рудаки» наряду с поэтами - современниками Рудаки помещены имя и поэтические образцы Абухафса Сугди и Масуда Марвази. Между тем до появления данного сборника как отечественные исследователи, так и востоковеды, занимавшиеся персидско-таджикской литературой, рассматривали Абухафса Сугди как одного из первых поэтов, писавших на персидско-таджикском языке. Подобную точку зрения подтверждает ряд исследований [21, 164-165; 38, 68; 140, 169]. Литературовед Забихулла Сафа, ссылаясь на Ризакулихана Хидаята, также относит Абухафса Сугди к числу первых персоязычных поэтов и пишет: «... первым, кто открыл путь метрической речи, был Хушанг, второй древний царь Ирана. Широко известна и поэзия Бахрама Гура, равно как и стихи Абухафса Сугди Самарканди, который сказал:

Охуи кӯҳӣ дар дашт чӣ гуна бувадо!

Ў надорад ёр, бе ёр чӣ гуна давадо?! [195, 175] / *О горная лань, в степи как ты живёшь? Без друга ты, как можешь ты бежать?*

Вероятно, включение имени Абухафса Сугди в число современников Рудаки в сборнике «Поэзия современников Рудаки» обусловлено тем, что в тазкире Ризакулихана Хидаята утверждается, будто данный поэт находился в живых в 300 г. хиджры (913 г. н. э.) [39, 38]. Однако это сообщение не зафиксировано ни в одном источнике, предшествующем Хидаяту, в связи с чем оно не может считаться достаточно надёжным. В этой связи составитель «Маджма' ал-фусаха» в предисловии к своему труду отмечает: «... это последняя и наиболее полная тазкира персоязычных поэтов, которая до настоящего времени служит авторитетным источником для исследователей

истории поэзии и литературы, литературных критиков и составителей антологий, сборников и хрестоматий, несмотря на то, что Ризакулихан Хидаят допустил в своей работе отдельные неточности и ошибки...» [39, 30]. Следовательно, сообщение Хидаята о пребывании Абухафса Сугди в живых в 913 г., по-видимому, относится к числу его источниковедческих погрешностей и было некритически заимствовано рядом последующих исследователей.

Что касается Масуда Марвази, следует отметить, во-первых, что его имя в таджикской кириллической орфографии целесообразнее передавать как Масудии Марвази, исходя из написания в древней графике. Во-вторых, дискуссионным является вопрос о трёх приписываемых ему бейтах, которые, по всей вероятности, происходят из его «Шахнаме»: два из них написаны в размере хазадж, тогда как третий в размере мутакариб. Однако в обоих упомянутых сборниках эти бейты зафиксированы как единый текст, тогда как с метрической точки зрения они должны быть представлены отдельно. Приведённые в данных изданиях три бейта выглядят следующим образом:

Нахустин Каюмарс омад ба шоҳӣ,
Гирифташ ба гетӣ-дарун подшоҳӣ.
Чу сӣ соли ба гетӣ подшо буд,
Ки фармонаш ба ҳар чое раво буд.
Сипаррӣ шуд замони хусравоно,

Ки номи хеш монанд дар чаҳоно [45, 30; 8, 34] / *Каюмарс первым
взошёл на престол, Приняв владычество в мире земном. Тридцать лет он
царём пребывал, И повсюду закон его силу имел. Минуло время великих царей,
Чьи имена прогремели по целой земле.*

В книге Ахмада Идорачи Гелони отмечается, что исследователь Мухаммадали Гарбияят относил данные бейты маснави к размеру хазадж [44, 21]. Другой исследователь, Забихулла Сафа, писал, что они написаны в двух разновидностях хазаджа: мусаддас махзуф и мусаддас максур [195, 370-371]. По свидетельству Ахмада Идорачи Гелони, устод Минави высказывал иную

точку зрения относительно метрической принадлежности этих трёх бейтов. В частности, он отмечал: «...с точки зрения классической арабской арузы данные бейты представляются принадлежащими к двум различным размерам (один бейт к мутакарибу, два к хазаджу), однако я не считаю необходимым искусственно изменять эти формы и приводить их к единому метру. Для иранцев на раннем этапе, по-видимому, арузные размеры арабской поэзии не были естественно усвоены и нередко становились источником смешения и неясностей... Возможно, в ту эпоху иранцы членили и произносили эти бейты таким образом, что на слух они казались им правильными» [44, 21].

Сами три бейта Масуди Марвази, а также первая часть приведённого высказывания устода Минави побуждают нас рассматривать первые два бейта как относящиеся к одному размеру, а третий к другому. Таким образом, первые два бейта приведённого примера принадлежат к мутакарибу мусамману солиму, с следующей структурой стоп:

Фаъулун / фаъулун / фаъулун / фаъулун

Фаъулун / фаъулун / фаъулун / фаъулун

V-- / V-- / V-- / V--

V-- / V-- / V-- / V--

А арузные формулы третьего бейта, написанного в размере хазаджи мусаддаси максур, выглядят следующим образом:

Мафoъилун / мафoъилун / мафoъил

Мафoъилун / мафoъилун / мафoъил

V--- / V--- / V~

V--- / V--- / V~

Вторая часть размышлений устода Минави позволяет предположить, что дошедшие до нас стихи Масуди Марвази по языку и выразительности относятся к более раннему этапу поэтической традиции, чем творчество придворных поэтов эпохи Насра ибн Ахмада Самани. Более того, первый и второй бейты, хотя и написаны в одном размере, очевидно, происходят из разных фрагментов маснави поэта. В силу этого данные три бейта в

сборниках следовало бы приводить не в совокупности, а отдельно, поскольку каждый из них обладает самостоятельной смысловой завершённостью.

Так, в первом бейте упоминается первый иранский царь Каюмарс, во втором, по-видимому, говорится о его могуществе и власти, что выражено словами поэта: «его повеление было исполнимо повсюду», а в третьем же бейте речь идёт о быстротечности жизни и о стремлении царей оставить после себя имя в истории. В сборниках, подготовленных Х. Шарифовым и А. Абдусатторовым, иногда встречаются слова, прочитанные неверно. В качестве примера приведём следующий бейт Шахиди Балхи:

Атот бод чу борон, дил мувофиқи хед,

Наҳибат оташу чони мухолифон пуда бод [45, 36] / *Да будет щедрость твоя, как дождь, по сердцу нежной зелени, А грозная мощь огнём, и души противников да будут древом бесплодным.*

Здесь слово «наҳибат» предпочтительнее читать и передавать в таджикском произношении как «нибеҳат». В том же бейте во второй строке в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) вместо формы «пуда» зафиксировано чтение «пада» [8, 44].

Литературовед А. Маликзод во второй строке данного бейта Шахиди Балхи в своей работе «Шахиди Балхи - великий поэт эпохи Саманидов» использует следующее чтение:

... Наҳибат оташу чони мухолифон пада бод [129, 96].

Однако и он, следуя современной иранской традиции произношения, читает слово «нихеб» как «наҳиб».

Кроме того, в следующем бейте Шахиди Балхи в обоих сборниках присутствует метрическая ошибка:

Аз ту пеши киву кучо нолам,

Ки оваҳам аз ту чуз ғами дил нест [45, 35; 8, 43] / *Кому и где мне жалобу вознести, кроме тебя? Ибо мой вздох не о чём ином, как о сердечной боли от тебя.*

Если читать словосочетание «ки овахам» в форме «к-овахам», метр стиха приходит в соответствие с требуемым размером. Следует отметить, что данный бейт в книге А. Маликзода «Шахиди Балхи - великий поэт эпохи Саманидов» приводится в том же виде, что и в сборниках «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007) [129, 95].

Два нижеследующих бейта Шахиди Балхи в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» приведены корректно и раздельно:

Аз чї тавба накунад хоча, ки ҳар чо, ки бувад,
Қадахе май бихурад, рост кунад зуд харош / *С чего бы хозяину
Каяться, ведь где бы он ни был, Выпьет чашу вина и тотчас залечит любую
рану.*

И:

Бар дили ҳар шикаста зад ғами ту,
Чун табақбанд аз зайати фаш [45, 38] / *Печаль твоя легла на
каждое разбитое сердце, Как тюрбан, обмотанный лентами тончайшей
ткани.*

В сборнике «Поэзия современников Рудаки» эти два бейта, во-первых, объединены в один текстовый фрагмент, а во-вторых, во второй строке второго бейта чтение «Чун табақбанд аз зайат фаш» передано правильно.

Следующая кит'а Фаролови:

То ба кай бўса бар чаки чалбї,
Бишмарї ҳамчу тангаро сарроф.
Ё ба ғарбела ҳамчу барзгаре,
Дона аз қаҳ ба чак бисозї соф [45, 43] *До каких пор будешь ты
лобзать звук обманной капли, Считая её, как ростовщик считает деньги?
Или, подобно пахарю с веялкой, Станешь по капле отделять зерно от
соломы?* - в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007, 67) ошибочно представлена в виде двух отдельных бейтов, тогда как их объединённое прочтение образует целостное смысловое единство. В сборнике «Поэты эпохи Саманидов» данная кит'а приведена полностью и корректно.

Кроме того, из сохранившихся стихов Фаролови в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» опубликовано 34 бейта, тогда как в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) их число достигает 36. Из этого расхождения можно заключить, что составители второго издания при подготовке своей работы воспользовались более новыми источниками, хотя они и не были специально указаны, и включили в повторное издание ещё два бейта поэта.

Или же обратимся к сопоставительному рассмотрению сохранившихся стихов другого современника Рудаки Абульало Шуштари, в указанных двух сборниках. В сборнике «Поэты эпохи Саманидов» от поэзии данного автора приведены 7 бейтов и 1 мисра, тогда как в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) отобраны 9 бейтов и 1 мисра. Между тем составители отмечают, что «от его (Абульало - С. Р.) поэзии сохранилось 12 бейтов» [45, 60]. В «Поэзии современников Рудаки» дополнительно указано: «из этих стихов два бейта, содержащие непристойную лексику, были исключены» [8, 110]. В том же контексте Саид Нафиси, характеризуя сатирико-шуточную манеру Абульало Шуштари, писал: «...он проявлял мастерство и в области хазла и внёс в этот стиль определённые новаторские элементы...» [166, 267].

Стихи поэтессы Рабии Балхи в обоих сборниках представлены в объёме 55 бейтов. Данное количество сохранено и в недавнем исследовании литературоведов А. Маликзода и Ш. Мухаммадиева «... Дарёи каронанопазир». Преимущество работы названных авторов заключается в том, что в книге указаны источники сохранившихся произведений Рабии Балхи, а также зафиксированы разночтения рукописей [9, 11-44]. Однако вследствие дизайнерской ошибки в издании «Поэзия современников Рудаки» на страницах 117, 120 и 121 отдельные поэтические фрагменты были механически объединены, несмотря на различие как в арузном размере, так и в содержании, что вызывает у читателя обоснованные сомнения. Своевременное устранение подобных недочётов существенно повысило бы научный уровень издания.

Аналогичные случаи встречаются в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) и в отношении сохранившихся стихов Шахиди Балхи, Абулаббаса Рабанджани, Тахира ибн Фазла Чагани, Абулхасана Огоджи, Мантики Розы [8, 50-401].

Так, например, на странице 67 книги бейты 2 и 3 приведены отдельно, тогда как по метру, рифмовке и смысловой завершенности они образуют единую кит'у. Ср.:

То ба кай бӯса бар чаки чалабӣ
Бишмарӣ, ҳамчу тангаро сарроф.
Ё ба ғарбела ҳамчу барзгаре
Дона аз қаҳ ба чак бисозӣ соф! [8, 67]

Кроме того, наряду с необоснованным отдельным оформлением отдельных бейтов и кит'а, в ряде случаев наблюдается и их неправомерное объединение, что следует признать методологически нежелательным. Особенно часто подобное явление встречается в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007). Достаточно обратиться к страницам 50, 58, 117, 120, 121 и 366 данного издания. Например:

Ошику ранчур буду бедирам,
Он шахуда рух шахонида зи зам.
Кош танам боз ёфтӣ хабари дил,
Кош дилам боз ёфтӣ хабари тан.
Кош ман аз ту бирастаме ба саломат,

Ой, афсӯсо, кучо тавонам растан?! [8, 120] / *Влюблённым, изнурённым, без отдыха был я, Тот, чьё лицо исхудало от времени и мук. О если б тело снова весть о сердце обрело, О если б сердце вновь узнало весть о теле! О если б я от тебя спасся невредимым... Увы, увy, куда же мне бежать от тебя?*

В данном случае первый бейт должен был быть приведён отдельно от двух последующих. Кроме того, в третьем бейте слово «афсӯсо» следует

передать в форме «*фусӯсо*» (или «*фусусо*»), что необходимо для восстановления правильного арузного размера и мелодики стиха.

Другой существенный недостаток заключается в том, что параллельно с подготовкой текста следовало бы снабдить труд разъяснениями труднопонимаемой и архаической лексики. Следует признать, что в подстрочных примечаниях сборника «Поэты эпохи Саманидов», а также в приложении «*Алфозу таъбирот*» в конце книги «Поэзия современников Рудаки» (2007) [8, 455-471] дано толкование ряда сложных слов, что в определённой мере способствует пониманию текста. Однако и в этом издании по-прежнему встречается значительное количество слов и выражений, не получивших семантического разъяснения, что создаёт трудности для читателя.

В частности, без пояснений остаются такие лексемы, как: *фалода* - «небрежный, невежественный»; *кобук* - «птичье гнездо»; *корбашул* (исх. *корбашуй*) - «делец, предприимчивый человек»; *қиннина* (исх. *қинина*) - «винная бутылка, чаша»; *осугда* - «полусгоревшие дрова»; *каложжа* - «акка»; *кож* - «кривой, косой»; *бадогол* - «дурного нрава»; *кунчоё* - «кунжара»; *Даргон* - название местности в окрестностях Самарканда (сохранившееся и поныне); *Марс* - имя мага; *када* - «дом; брус, используемый для запора двери»; *пулаш* - значение не установлено; *чалаб* - значение не выяснено; *кабдо* - «клей, смола»; *муқаддар* - «предопределённый, фатально установленный»; *фагол* - «глупец, невежда»; *марку* - название птицы; *истабр* (вариант *ситабр*) - «толстый, грубый»; *кусуф* - «солнечное затмение»; *шанбад* - «день субботы»; *рӯсанӣ* (исх. *русбӣ, руспӣ*) - «женщина лёгкого поведения»; *гармчоб* - «блюдо из проса»; *кад* - «усилие, старание»; *мад* - «тянуть»; *қалақ* - «тревога, беспокойство»; *қавси қузах* - «радуга»; *тунбал* - «колдовство, хитрость»; *авҳом* - мн. ч. от «вахм» (страх); *замӣ* - сокращённая форма слова «замин»; *кобин* - «брачный выкуп (махр)»; *тос* - «таз, чаша»; *виса* - «украшенный»; *бон* - «крик»; *вайл* - «стон, вопль от несчастья»; *куруз* (в тексте - *куруз*) - «радость, веселье»; *нобисуд* - «неотшлифованный» (о

драгоценных камнях); *ҳашив* - «избыточное слово, вставка»; *акъас* - значение не установлено; *акфас* - «угол, закоулок»; *гализа* - «кувшин»; *табук* - «деревянное блюдо»; *ашнон* - «мыльное растение»; *рабуха* - «плотская утеха»; *раммол* - «гадатель»; *маранда* - «кувшин»; *гомӣ* - «слабый»; *ҳомӣ* - «блуждающий»; *вомӣ* - «бессильный»; *манзаб* - «лихорадка»; *махраб* - «снег»; *бафҳам* - «очень много» [8, 126-436] и многие другие.

Отсутствие их толкования в разделе «*Алфозу таъбирот*» значительно осложняет восприятие текста и снижает научно-справочную ценность издания.

Иногда в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) наблюдаются выпадения отдельных бейтов или слов внутри мисра, что не может не привлечь внимания исследователя. Подобный случай нами отмечен в маснави «Офариннома» Абушакура Балхи. В тексте на соответствующей странице после обозначения пропуска тремя звёздочками приводится следующий мисра: *Ба чуз пир солори лашкар мабод / Да не будет иногo военачальника, кроме старца* [8, 163].

По логике повествования и структуре текста можно предположить, что перед данным мисра'ом отсутствует ещё один мисра, без которого смысловой и композиционный ход нарушается. Вместе с тем в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» [45] данный фрагмент обнаружить не удалось.

В текстах сборников «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007) вследствие ошибочных чтений и выпадения отдельных букв в стихотворных строках возникают арузные сбои. Так, в «Поэзии современников Рудаки» (2007) читаем следующий бейт:

Чун панди фирӯмая суи чужа гирояд,

Шоҳини ситанба ба тазарвон кунад оҳанг [8, 87].

В данном примере слова «*суи*», «*чужа*» и «*ситанба*» прочитаны неверно, что приводит к нарушению стихотворного размера. Примечательно, что тот же бейт в сборнике «Поэты эпохи Саманидов» представлен в корректном виде:

Чун панди фурӯмоя сӯи чӯжа гирояд,

Шоҳини ситанбах ба тазарвон кунад оханг [45, 50] *Когда смиренный наставник обращается к цыплёнку, Могучий и крупный сокол проявляет своё намерение к кедру.*

Обратим внимание и на следующий бейт поэта Шахиди Балхи, приведённый в обоих изданиях:

Рост гӯй ситорагон малаканд,

Чашмаи офтоби шоҳаншоҳ [45, 40; 8, 58].

В данном случае после выражения «*рост гӯй*» необходимо поставить запятую, а словосочетание «*офтоби шоҳаншоҳ*» следует читать как сложное слово - «*офтоб-шоҳаншоҳ*». В корректном виде бейт должен звучать следующим образом:

Рост гӯй, ситорагон малаканд,

Чашмаи офтоб-шоҳаншоҳ / *Говори правду, звёзды - ангелы,
Источник солнца - царь царей.*

Аналогичные ошибки фиксируются и на страницах 67, 207, 356, 362, 370 и 393 сборника «Поэзия современников Рудаки» (2007). Их устранение и корректное прочтение имеют важное значение для восстановления смысловой цельности стихов и для подготовки более точного и научно выверенного текста поэтического наследия современников великого Рудаки.

Следует положительно отметить, что составители обоих сборников в конце книги «Поэзия современников Рудаки» (2007) привели перечень из 55 использованных источников [8, 472-476]. Однако такой подход сам по себе не может считаться достаточным решением проблемы, поскольку в самом тексте сборника не указано, из каких именно источников заимствованы конкретные поэтические тексты.

Кроме того, из содержания данных изданий очевидно, что составители в значительной мере и выборочно пользовались как сборником «Поэзия современников Рудаки» (1958), так и книгой «Поэты - современники Рудаки», изданной в Иране Ахмадом Идарачии Гелани. Тем не менее в

разделе «Источники» труд Ахмада Идарачии Гелани по неизвестным причинам не был включён в библиографический список. При более последовательном и всестороннем использовании сборника «Поэзия современников Рудаки» (1958) составители могли бы, с одной стороны, устранить ряд ошибок, допущенных в этом издании, а с другой, существенно дополнить и уточнить раздел «Алфозу таъбирот» (слова и выражения), представленный в книге «Поэзия современников Рудаки» (2007).

Из анализа данного раздела диссертации, прежде всего, следует сделать вывод о том, что включение в сборники «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007) значительного числа поэтов, живших в одно время с Рудаки, создаёт предпосылки для дальнейшей, более полной и критически выверенной подготовки их текстов. Во-вторых, учёт выявленных недостатков и упущений в ходе последующих работ будет способствовать поэтапному уточнению и совершенствованию текстов, поскольку, несмотря на уже проделанный объём исследований, до настоящего времени не подготовлено и не введено в научный оборот удовлетворительное критическое издание поэтического наследия поэтов эпохи Саманидов. Остаётся надеяться, что в дальнейшем, благодаря целенаправленным усилиям исследователей-текстологов, эта задача будет успешно решена.

ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЭТОВ- СОВРЕМЕННОКОВ РУДАКИ

3.1. Имена поэтов-современников Рудаки в опубликованных изданиях

Сохранившиеся поэтические произведения современников великого Рудаки, зафиксированные в различных источниках и первоисточниках на протяжении десяти столетий, благодаря самоотверженному труду и целенаправленным усилиям учёных-исследователей были собраны, подготовлены и систематизированы и, к счастью, опубликованы в виде отдельных сборников. Уже в прошлом веке в трудах, посвящённых истории литературы X века, а также в антологиях поэтических произведений, прослеживается традиция собирания поэзии поэтов эпохи Саманидов, то есть современников Рудаки. «Первую попытку собрать в одном обобщающем труде поэзию современников Рудаки предпринял Саид Нафиси... Саид Нафиси включил в свою книгу сведения о личности и поэзии таких поэтов, как Шахиди Балхи, Фаролови, Муроди, Абулаббас Рабанджани, Абулмасали Бухорои, Абуисхак Джуйбори, Абулхасан Огоджи, Тахори (Тахови), Хаббози Нишопури, Абулхасан Кисои, Дакики, Абузироаи Гургони, Истигноии Нишопури, Абуабдуллохи Джунайди, Амораи Марвази, всего 15 поэтов, являвшихся современниками Рудаки» [8, 9]. В данном перечне составители сборника «Поэзия современников Рудаки» Х. Шарифов и А. Абдусатторов не упомянули имена Рабии бинти Ка'б и Мокони Коки, вследствие чего общее число поэтов фактически составляет 17 человек. Здесь необходимо вновь подчеркнуть, что целью Саида Нафиси при написании книги «Среда жизни и личность и поэзия Рудаки» было показать, что Рудаки, являясь выдающимся поэтом эпохи Саманидов, не был одинок: его окружали поэты, равные ему по дарованию и художественному уровню.

Именно эта предварительная исследовательская работа Саида Нафиси о ряде поэтов-современников Рудаки, а также приближение празднования 1100-летия со дня чествования «Адам-уш-шуаро», послужили стимулом к тому, что таджикские учёные, наряду с собиранием и изучением сохранившегося наследия самого Рудаки, обратили внимание и на поэзию его современников, собрав и опубликовав её в сборнике «Поэзия современников Рудаки». Данный труд стал первым антологическим изданием доступных стихов поэтов эпохи Саманидов, значение и научная ценность которого общеизвестны.

После публикации сборника «Поэзия современников Рудаки» в 1958 году следующим значительным изданием, выполнившим аналогичную задачу, стал сборник «Поэты-современники Рудаки», подготовленный Ахмади Идарачи Гелони и вышедший в Тегеране в 1370 году по хиджре. Среди последующих изданий, включивших в себя оставшиеся стихотворения поэтов-современников Рудаки, можно выделить сборники «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007), в сборе и публикации которых активное участие приняли таджикские литературоведы Х. Шарифов и А. Абдусатторов.

В 1383 году по хиджре при поддержке иранского исследователя Махмуда Мудаббири была издана книга «Обзор жизни и стихов поэтов без дивана в III-V веках хиджры» [43], которая также имеет немаловажное значение для изучения поэтов-современников Рудаки наряду с вышеупомянутыми публикациями. Кроме того, как уже отмечалось, сохранившиеся стихотворения поэтов-современников Рудаки использовались в учебниках для средних и высших учебных заведений Таджикистана, Ирана и Афганистана, в научных трудах и статьях о литературной и культурной жизни эпохи Саманидов, в журналах различной направленности, а также в отдельных исследованиях востоковедов. Полноценный научный анализ всех этих материалов в рамках одной диссертации невозможен. Поэтому было решено, что в данной главе сравнительное исследование будет проведено на

основе материалов следующих сборников: «Поэзия современников Рудаки» (1958), «Поэты - современники Рудаки» (1370), «Поэты эпохи Саманидов» (1999), «Поэзия современников Рудаки» (2007).

Прежде всего необходимо составить таблицу, в которой будет показано, какие поэты включены в каждое из этих изданий, а какие опущены. Как было отмечено в главе II диссертации, в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) приведены 56 поэтов, в «Поэты-современники Рудаки» (1370) 50 поэтов, в «Поэты эпохи Саманидов» (1999) 39 поэтов и в «Поэзия современников Рудаки» (2007) 53 поэта. Это означает, что имена некоторых поэтов встречаются во всех сборниках, а других в одном или нескольких изданиях. Такие различия наглядно демонстрируются в таблице.

Таблица поимённого состава поэтов современников Рудаки, включённых в сборники «Поэзия современников Рудаки» (1958), «Поэты-современники Рудаки» (1370), «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007), представлена следующим образом:

№	Имена поэтов-современников Рудаки	«Поэзия современников Рудаки»	«Поэты-современники Рудаки»	«Поэты эпохи Саманидов»	«Поэзия современников Рудаки» (2007)
I	II	III	IV	V	VI
1.	Абухафси Сугди	–	+	–	+
2.	Абуабдуллохи Рудаки	–	–	+	–
3.	Масъуди Марвази	–	+	+	+
4.	Сипехрии Бухорои	+	+	+	+
5.	Равнакии Бухорои	+	–	+	+
6.	Ахмади Бармаки	–	–	+	+
7.	Абулхусайн Муроди	+	–	+	+
8.	Фаролови	+	–	+	+
9.	Шахиди Балхи	+	–	+	+
10.	Абушакури Балхи	+	–	+	+
11.	Балъами	+	–	–	+
12.	Имораи Марвази	+	+	–	–
13.	Тахойи (Тахови)	+	+	–	+
14.	Абулаббоси Рабанджани	+	+	+	+
15.	Робиаи Каздори (бинти Каъб)	+	+	+	+

16.	Сонеи Балхи	+	+	-	+
17.	Абуабдуллохи Джунайди	+	+	-	+
18.	Башшори Маргази	+	+	+	+
19.	Абулмасали Бухорои	+	+	+	+
20.	Абулхасан Оғоджи	+	+	+	+
21.	Хаббозии Нишопури	+	+	-	+
22.	Абуисхоки Джуйбори	+	+	+	+
23.	Абушуъайби Хирави	+	-	+	+
24.	Истигноии Нишопури	+	+	-	+
25.	Турки Айлокии Киши	+	+	+	+
26.	Газвонии Лукари (Чағони)	+	+	+	+
27.	Абузироаи Джурджони (Гургони)	+	+	+	+
28.	Абуфатх Хотирии Рози	+	+	-	-
29.	Мантикии Рози	+	+	+	+
30.	Абузари Бузджони	+	+	+	+
31.	Валволиджии Марвази	+	+	+	+
32.	Абутаййиби Мусъаби	-	-	+	+
33.	Абутаййиби Сарахси	+	+	-	+
34.	Воизи Сарахси	+	+	-	-
35.	Худжистаи Сарахси	+	+	+	+
36.	Абулаббоси Марвази	+	+	-	-
37.	Джуллоби Бухорои	+	+	+	+
38.	Абулаббоси Кассоб	-	-	-	+
39.	Шокири Бухорои	+	+	+	+
40.	Маънавии Бухорои	+	+	+	+
41.	Марвази (номаш номаълум)	+	-	-	-
42.	Тайёни Маргази	+	+	-	-
43.	Кисоии Марвази	+	+	-	-
44.	Абунастри Маргази	+	+	-	-
45.	Саффори Маргази	+	+	-	-
46.	Абулмауайяди Балхи	+	+	+	+
47.	Дакики	+	-	+	+
48.	Маъруфии Балхи	+	-	+	+
49.	Бадеъи Балхи	+	+	-	-
50.	Хаббозии Коини (Нишопури)	+	+	-	-
51.	Рафеуддини Нишопури	+	+	-	-
52.	Мухаммад ал-Хусравони	+	-	+	+
53.	Абулъало Шуштари	+	+	+	+
54.	Тохири Чағони	+	+	+	+
55.	Хусравии Сарахси	+	+	+	+
56.	Мунджики Тирмизи	+	+	+	+
57.	Ушнонии Джуйбори	+	+	-	+
58.	Абулфатхи Бусти	+	+	-	-
59.	Мунтасири Сомони	+	+	+	+
60.	Камарии Джурджони	+	+	+	+
61.	Абулянбаги Аббоси Тархон	-	+	-	-
62.	Абулмауайяд Равнакии Бухорои	-	+	-	-
63.	Ходжа Буркаи	-	+	-	-
64.	Сабури Порси	-	+	-	-
65.	Хотирии Рози	-	+	-	-
66.	Абулкосими Фирдавси	+	-	+	-
67.	Абулхусайни Хориджи	-	-	-	+

68.	Майсарии Хахим	–	–	–	+
69.	Ахмади Мансур	–	–	–	+
70.	Дайлами Казвини	–	–	–	+
71.	Абулкосими Бушри Ёсин	–	–	+	+
72.	Абуалии Сарахси	–	–	–	+
73.	Абулфазли Сарахси	–	–	–	+
74.	Абулаббоси Аббоси	+	–	–	–
	Количество поэтов в сборниках	56	50	39	53

Примечания к таблице: Знак «+» указывает на то, что данный поэт представлен в соответствующем сборнике с примером стихотворения. Знак «-» означает отсутствие имени поэта и его произведений в данном издании.

В таблице приведены 74 поэта, относящиеся к кругу современников Рудаки, по выбору и усмотрению составителей, однако эта цифра не отражает окончательное количество поэтов эпохи Саманидов. Саид Нафиси, рассматривая 17 современников Рудаки, упоминает также неизвестного поэта Мокони Коки [175, 589-590]. Считается, что хотя Нафиси включил его в список современников Рудаки, существует сомнение в том, что один сохранившийся рубаи действительно принадлежит этому поэту, поскольку его стиль отличается от поэтической традиции X века и больше соответствует поэзии последующего времени. В данном случае мы принимаем вторую точку зрения Саида Нафиси: Мокони Коки не является сверстником Рудаки, возможно, он писал позднее.

Другой поэт, который не включён ни в один из четырёх вышеупомянутых сборников, но о котором сообщает литературовед Забихуллохи Сафо, это Юсуф Арузи. В таблице выше имя этого поэта X века также отсутствует. Сафо, основываясь на своих исследованиях доступных источников, пишет о Юсуфе Арузи следующее: «Он принадлежит к поэтам IV века хиджры (X в. н. э.), его стихи приводятся в «Лугати фурс» Асади и «Аль-Муъджам» Шамс Кайси Рази. В начале книги «Тарджумон-уль-балоба» упоминается некий учёный по имени «Абу Юсуф», который писал на персидском языке. Черновики этих материалов обсуждаются в статье во втором году журнала Института литературы (№3). Возможно, что

этот Абу Юсуф и автор книги «Аруз», это один и тот же Юсуф Арузи, и по ошибке в рукописи «Тарджумон-уль-балога» Родиюни его имя было изменено на Абу Юсуф...» [197, 437]. Этот литературовед приводит шесть оставшихся стихотворных строк Юсуфа Арузи, которые с точки зрения стиля и выразительности гармонируют с поэзией X века. Следовательно, это открытие Забихуллохи Сафо не было учтено последующими исследователями, работающими с произведениями современников Рудаки.

Другой поэт, которого литературовед Аълохон Афсахзод относит к современникам Рудаки, это Абусахли Саълуки. О нём А. Афсахзод сообщает: «Его имя Мухаммад ибн Сулейман (906-969), родился в Исфахане, где получил базовое образование, затем продолжил обучение в Басре. ... Он писал хорошие стихи, однако они не сохранились...» [61, 102]. К сожалению, точный источник этих сведений в книге не указан. Поскольку годы рождения и смерти Абусахли Саълуки соответствуют X веку, его можно считать сверстником Рудаки.

Также Солихи Навохи был включён в число современников Рудаки, хотя его имя не встречается в опубликованных сборниках [3, 259]. Если включить Мокони Коки, Юсуфа Арузи, Абусахли Саълуки и Солихи Навохи в группу современников Рудаки, их число достигнет 78 поэтов. Однако это не должно рассматриваться как окончательное количество, поскольку ещё много неизданных источников таджикской литературы остаются доступными, и есть надежда обнаружить других современников Рудаки. Что касается вопроса, действительно ли все поэты, приведённые в вышеуказанной таблице, являются современниками Рудаки, делать окончательные выводы пока преждевременно и сложно. Для этого необходимо сопоставить и изучить сотни источников, исторические материалы, статьи и диссертации. Например, в сборниках «Поэты современников Рудаки» (1370) и «Поэзия современников Рудаки» (2007) Абухафси Сугди включён в число современников Рудаки, хотя ни в существующих источниках, ни в историко-литературных исследованиях

таджикской и персидской литературы о нём ничего подобного не указано. Его неоднократно считали одним из первых поэтов, писавших на фарси дари, поэтому он, скорее всего, должен был бы быть включён в ряды первых персоязычных поэтов, а не в группу современников Рудаки. Об этом наше аналитическое замечание изложено во второй главе диссертации.

Что касается объёма стихотворных материалов, приведённых о каждом поэте в этих сборниках, а также краткой справки о них, это уже показано в соответствующих разделах второй главы диссертации, поэтому повторно здесь приводить их не требуется.

3.2. Сравнительный анализ опубликованных сборников стихов современников Рудаки

Основной вопрос, рассматриваемый в этом разделе, заключается в следующем: одинаково ли зафиксированы тексты стихотворений в этих сборниках или же существуют отдельные различия? Ответ на этот вопрос и всестороннее его рассмотрение соответствуют целям данного исследования.

В качестве первого примера возьмём поэта Масъуди Марвази, которого приведённые сборники представляют как поэта конца IX – начала X века. Он является одним из первых авторов, положивших начало «Шахнаме», и от него сохранилось шесть строк (бейтов). Эти шесть строк распределены в сборниках следующим образом: В «Поэзии современников Рудаки» (1958) три строки отдельно., в «Поэты современников Рудаки» (1370) первые две строки объединены, третья отдельно, в «Поэты эпохи Саманидов» (1999) первая и вторая строки объединены, третья отдельно, а в «Поэзии современников Рудаки» (2007) все три строки объединены в одну. Однако при анализе метра этих трёх строк видно, что метр первой строки отличается от метра двух последующих. Рассмотрим первую строку:

Нахустин Каюмарс омад ба шоҳӣ.

Гирифташ ба гетӣ-дарун подшоҳӣ.

Метр этой строки - мутакарриби мусаммани солим, афаил и арконы аруза следующие:

фаъулун фаъулун фаъулун фаъулун

V --- V --- V --- V ---

Эти афаил (метрическая единица) повторяются восемь раз в строке, что и определяет её как стих в метре мутакарриби мусаммани солим.

Строки же вторые и третьи, приписываемые Масъуди Марвази, не соответствуют метру мутакарриб, а написаны в метре хазаджи мусаддаси максур:

Чу сй соли ба гетй подшо буд,

Ки фармонаш ба хар чое раво буд.

Сипаррй шуд нишони Хусравоно,

Ки коми хеш ронданд дар чахоно.

Афаил (метрическая единица) и арконы аруза этих двух строк выглядят следующим образом:

Мафойлун мафойлун фаъулун

Мафойлун мафойлун фаъулун

V --- V --- V ---

V --- V --- V ---

Как видно, метр этих строк полностью отличается от метра первой строки. Таким образом, эти три строки, которые приписываются одному произведению Масъуди Марвази, не происходят из одного «Шахнаме». Первая строка принадлежит одному стихотворению поэта, а две последующие другому.

Кроме того, в «Поэзии современников Рудаки» (2007) последняя строка приведённого выше цитата выглядит так: Ки коми хеш монанд дар чахоно. В то время как в исходных текстах в «Поэзия современников Рудаки» (1958) [7, 23], «Поэты современников Рудаки» (1370) [44, 22] и «Поэты эпохи Саманидов» (1999) [45, 30] эта строка читается следующим образом: ... Ки коми хеш ронанд дар чахоно.

Что касается этих двух вариантов метра, то литературные исследователи Ирана пришли к следующему мнению. Ахмади Идорачи Гилони отмечает древность «Шахнаме» Масъуди и пишет: «Доказательство давности «Шахнаме» Масъуди проявляется в определённой жёсткости некоторых слогов и отсутствии плавности, которую мы видим в отдельных словах трёхстиший...». Следует понимать, что имена «Каюмарс» и «Сипари» в оставшихся трёх строках следует читать с усилением или растягиванием первых двух букв, чтобы они соответствовали афаилу Мафойлун. Мухаммадали Тарбият классифицировал это маснави как принадлежащее к метру хазадж. Доктор Сафо отмечает, что здесь используются два типа хазач: мусаддас махзӯф и мусаддас максур. Однако покойный профессор Минуи пишет: «С точки зрения арабского арӯза эти стихи кажутся составленными из двух разных метров (один мутакарриб, два следующих стиха хазадж), однако я не вижу необходимости изменять их для соответствия единым размерам» [44, 21]. Мы также поддерживаем это мнение Минуи, поскольку имеющиеся у нас материалы являются для нас, подобно зеркалу, показателем двух направлений аруз.

Что касается Сипехрии Бухорои, от него до нас дошли только два стиха, источником которых является «Лубоб-ул-албоб» Мухаммада Авфи Бухорои, где он упомянут как Сипехрии Мовароуннахри [1, 265]. Эти два стиха воспроизведены без изменений в трёх печатных изданиях. В издании 1958 г. «Поэзии современников Рудаки» вторая строка звучит так: “... Баршикаста ҳалқа андар ҳалқа чун зулфайни ёр” [7, 130].

В то же время в других трёх изданиях она приводится как: “Баршикаста чаъд андар чаъд”.

Такое же чтение встречается и в «Лубоб-ул-албоб» Авфи, хотя в двух других рукописных экземплярах тадкиры зафиксировано: ҳалқа андар ҳалқа [1, 265]. Таким образом, можно заключить, что вторая строка, приведённая в трёх сборниках, является достоверной, а вариант «ҳалқа андар ҳалқа» появился позднее как изменение текста.

Для подтверждения того, что изначально использовалось «чаъд андар чаъд», приводим пример строки Рудаки, где используется то же слово чаъд, что позволяет предположить, что Сипехри, как современник Рудаки, мог использовать такое словоупотребление:

... Ману он чаъдмӯйи голиябӯй,

Ману он мохрӯйи хурнажод ... [24, 82] / ... *Я и тот, чьи кудри ароматны и благоухают, Я та, чей лик светел, словно луна, рождённая от прекрасных дев.*

Кроме того, в издании 1958 г. «Поэзии современников Рудаки» между двумя стихами Сипехрии Бухорои была поставлена пауза, которая отсутствует в трёх других изданиях. Такой разрыв между двумя стихами не является необходимым, так как эти два стиха образуют одно цельное четверостишие. Термин «Бўстонафрӯз» является метафорой солнца, пробивающегося сквозь ветви деревьев, подобно «грудям шахрияра».

Таким образом, два стиха Сипехрии Бухорои следует читать так, как они представлены в изданиях «Поэты современников Рудаки», «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007).

До настоящего времени дошли два четверостишия поэта Равнакии Бухорои, каждое из которых состоит из двух стихов. Эти два четверостишия присутствуют в изданиях «Поэзия современников Рудаки» (1958), «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007), но отсутствуют в издании «Поэты современников Рудаки» (Тегеран, 1370). Вероятно, Ахмади Идорачи Гилони не имел информации о Равнакии Бухорои.

В издании 1958 г. первое четверостишие расположено не по общепринятой орфографии (алиф, бе ... нун), а в соответствии с рифмой: первое четверостишие рифмуется на «нун», а второе на «бе». В изданиях Х. Шарифова и А. Абусатторова соблюдена орфографическая последовательность по рифме: сначала четверостишие на «бе», затем четверостишие на «нун» [45, 32; 8, 36].

Однако в двух последующих изданиях второе четверостишие содержит различия в рифмующихся словах. В издании «Поэты эпохи Саманидов» читаем:

Набизе, ки нашносӣ аз офтоб,
Чу бо офтобаш кунӣ муқтарон.
Чунон тобад он чам, гӯӣ, ки ҳаст,

Ақиқин Яман дар Сухайли Ямон [45, 36] / *Вино, которое ты не знаешь от солнца, Если совместишь его с солнечным светом, Тогда оно сияет так, будто само солнце, Истинно красный Йемен в Сухайли Йемена.*

В издании «Поэзия современников Рудаки» (2007) рифмующиеся слова совпадают с текстом 1958 г.: «муқтаран» и «Яман». Первое слово рифмы «муқтаран» читается с краткой третьей гласной «рин», как указано в словарях. То есть, «муқтарин» означает «приближающийся, непрерывно соединённый с чем-либо» [47, 797]. При этом запись этих слов в древних письменностях не нарушает рифму.

Следовательно, составители изданий 1958 и 2007 гг. использовали современный кириллический алфавит, написав «муқтаран», чтобы сохранить рифму с «Яман». Однако в издании «Поэты эпохи Саманидов» слова «муқтарон» и «Ямон» переданы с гласной «о», источник и обоснование этого выбора остаются неизвестными [45, 36].

Что касается поэта современников Рудаки Ахмади Бармаки, в изданиях «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007) его стих представлен одним двустишием, тогда как в изданиях 1958 г. и «Поэты современников Рудаки» (1370) этого стиха нет. Составители этих двух изданий указали источником книги Аббоси Мехрин и Махмуди Мудаббирӣ [45, 33]. Вопрос остаётся открытым и требует дальнейших исследований для окончательного разрешения.

Одним из других поэтов современников Рудаки является Абуабдуллох Мухаммад ибни Мусо Фаролови, которого Одамушшуаро называл известным и заслуженным литератором своего времени. Хотя в трёх таджикских

изданиях содержатся сведения и образцы стихотворений Фаролови, Ахмад Идорачи Гилони об этом поэте ничего не писал, предпочтя хранить молчание. В «Поэтах современников Рудаки» (1958) сохранилось 27 стихов и одно двустишие, в «Поэты эпохи Саманидов» (1999) 34 стиха, а в «Поэзии современников Рудаки» (2007) 36 стихов.

Следует отметить, что в этих трёх изданиях расположение стихов Фаролови различается. Например, двустишие «Чй шуғл бошад вочибтар аз зиёрати он-к» состоит из двух стихов: в изданиях 1958 [7, 30] и 1999 [45, 43] оно приведено слитно, тогда как в 2007 [8, 69] стихи разделены. Кроме того, остальные стихотворения Фаролови в этих изданиях расставлены так, что их сопоставление затруднительно. Например, в 1958 два четверостишия и в 1999 три четверостишия объединены по смыслу и по строкам, тогда как в 2007 каждое двустишие дано отдельно. В последнем издании каждый стих Фаролови приведён отдельно с тремя звёздочками между ними, обозначающими два двустишия, выражающие одно целое значение, при этом нет нарушений рифмы и метра. Некоторые стихи, например, стихи 1, 2, 4, 9, 10, 14, 15, 16, 21, 24, 26, 27, 34 и 36 из издания 2007, отсутствуют в 1958, а стих 26 и одно двустишие из 1958 отсутствуют в издании 2007. Это свидетельствует о том, что с течением времени появляются новые строки Фаролови, и на сегодняшний день общее количество его стихов достигает 38 стихов и одного двустишия. Кроме того, в некоторых стихах этих изданий наблюдаются небольшие различия в словах. Например, в 1958 встречается:

Зи чашми масти ту олам хароб аст,

Ба банди зулфи ту дилхо гирифтор [7, 30] / *От взгляда твоих
пьяных очей весь мир разрушен, В узах твоих локонов сердца пленены.*

В изданиях 1999 и 2007 первая строка приведена так:

Зи туки масти ту олам хароб аст... [45, 43; 8, 66].

Здесь различие касается слов «чашм» и «тук». В «Поэты эпохи Саманидов» (1999) «тук» понимается как «локон, распущенные волосы», однако в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» слово «тук» означает: 1) клюв птицы; 2)

кончик ножа, кинжала, копья и т. д. [48, 376]. Следовательно, к этому стиху более подходит слово «чашм», а не «тук».

Другой пример: стих из 1958:

Фузун з-он ки бахшӣ ба зоир ту зар,

На сова нараста барояд зи кон [7, 32] / *Плод того, что даришь ты паломнику, золотом, Ни чистое золото, ни сладость не выйдет из рудника.*

В двух последующих таджикских изданиях он записан так:

Фузун з-он ки бахшӣ ба зоир ту зар,

На сова, на руста барояд зи кон [45, 44; 8, 70].

Различие видно во второй строке: слово «сова» означает чистое золото, «руста» сладость. Таким образом, во втором двустишии двух поздних изданий версия правильнее, чем в 1958.

Другой поэт современников Рудаки, чьи сохранившиеся стихи в опубликованных изданиях также демонстрируют различия в количестве строк и бейтов, это Шахиди Балхи. Шахиди Балхи относился к числу наиболее авторитетных поэтов эпохи Саманидов, был современником и близким собеседником Рудаки и поддерживал связи с саманидскими эмирами. Он скончался раньше Рудаки, о чём последний оставил скорбное стихотворение:

Корвони Шаҳид рафт аз пеш

В-они мо рафта гиру меандеш.

Аз шумори ду чашм як тан кам,

В-аз ҳисоби хирад ҳазорон беш [24, 126] / *Караван Шахида ушёл вперёд, А ты остановись и поразмысли. Из счёта двух глаз одного стало меньше, Но из сокровищницы разума на тысячи больше.*

Кроме того, литературовед Забехуллоҳ Сафо писал о Шахиде следующее: «Как бы то ни было, Шахид как при жизни, так и после смерти был известен обилием знаний, красотой почерка, силой поэтического дарования и изяществом вкуса и в мастерстве считался равным и подобным

Рудаки...» [195, 491]. В связи с жизнью и творчеством Шахида Балхи и его местом в литературе саманидской эпохи следует особо подчеркнуть, что текстологическое изучение сохранившихся его произведений имеет исключительное значение для их научной оценки. В данном случае возникает вопрос: являются ли тексты поэта, представленные в различных антологиях, идентичными?

В сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) опубликованы 84 бейта Шахида [7, 35-45]. Ахмад Идорачии Гелони о нём не сообщает каких-либо сведений. В антологии «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) [45, 34-41] содержатся 92 бейта, а в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8, 38-62] 100 бейтов поэта. Как видно, количество стихов варьируется: 84, 92 и 100 бейтов. Однако эти расхождения не означают, что издания 1999 и 2007 гг. являются простым дополнением издания 1958 г. Так, бейты 9-10, 16, 26, 28, 30, 31, 46, 48, 50-51, 53, 54, 55, 81-82, присутствующие в издании 1958 г., отсутствуют в двух последующих таджикских публикациях.

В свою очередь, из сборника «Шоирони аҳди Сомониён» не вошли бейты 1, 2, 6, 10-11, 12, 13, 14, 15, 16, 42, 43, 45, 46, 55, 57, 60, 61-62, 63, 64, а из сборника «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) бейты 1-6, 7, 8, 12, 16-17, 18, 19, 20, 21, 25, 32, 37, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 64, 66, 69, 70-71, 72, 73 и 100, представленные в издании 1958 г. Иными словами, источники этих бейтов в момент подготовки более поздних изданий, по-видимому, были недоступны их составителям.

Таким образом, несмотря на то что издание 2007 г. стихов Шахида Балхи может показаться более полным по сравнению с предыдущими, оно всё же не включает 16 бейтов, зафиксированных в публикации 1958 г., либо же по каким-то причинам составители сознательно отказались от их включения. Более того, в издании 2007 г. представлен шестибейтный муламма', который отсутствует в публикациях 1958 и 1999 гг.

Помимо количественных расхождений, между указанными изданиями наблюдаются и отдельные текстуальные различия. Так, в издании 1958 г. читаем:

Донишо! Чун дарегам ой аз он-к

Бебахоиву лекин аз ту баҳост [7, 43] / *Эй, знание! Как же мне жаль того, Что бесценно, но для меня ценно лишь тобой.*

В публикации 1999 г. этот бейт зафиксирован в следующем виде:

Донишо, чун дарегам ой аз он-к,

Бебахоию лекин аз ту баҳост [45, 35].

Наиболее корректная форма бейта представлена в издании 2007 г.:

Донишо, чун дарегам ой аз он-к

Бебахой, валекин аз ту баҳост [8, 41].

А. Маликзод в книге «Шаҳиди Балхӣ – шоири бузурги замони Сомониён» приводит этот бейт в ещё более плавной редакции, не содержащей недостатков ни в метре, ни в смысле, ни в словесном выражении:

Донишо, чун дарегам ой аз он-к

Бебахой, валекин аз ту баҳост! [129, 94].

В сборнике 1958 г. встречается следующий бейт Шахида Балхи:

Бар кӯҳи воло чӯча, ҳамчун уқоб андар ҳаво,

Бар гарива роҳ чун чаҳ, ҳамчу бар саҳро тарива [7, 40].

В издании 2007 г. он записан иначе:

Биркаву боло чӯча? Ҳамчун уқоб андар ҳаво

Бар тарева роҳ чун чӣ? Ҳамчу бар саҳро шамол [8, 53].

В антологии «Шоирони аҳди Сомониён» данный бейт отсутствует.

Прежде всего, в этом бейте необходимо разъяснить труднопонимаемые слова: *гарива* - возвышенная, приподнятая местность, подобная холму или бугру; *тарива* - дорога с подъёмами и спусками; *бирка* - водоём, пруд.

К сожалению, источники данного бейта недоступны, и обе приведённые редакции не лишены недостатков. Поэтому, если прочитать его

в следующем виде, он, возможно, приобретает более связный и логически оправданный смысл:

Биркаву боло чӯча, хамчун уқоб андар ҳаво,

Бар гарива роҳ чун чах, хамчу бар сахро тарива / *Цыплёнок над прудом и холмом, как орёл в небесах, Путь по холму извивается, словно дорога с подъёмами и спусками по полю.*

В «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) помещена одна, по-видимому, панегирическая кыт'а поэта, состоящая из восьми бейтов и начинающаяся следующим образом:

Маро ба чони ту савганду саъб савганде,

Ки ҳаргиз аз ту нагардам, набишнавам панде [7, 35] / *Клянусь тобой, клянусь ещё раз, Что никогда от тебя не отвернусь и не оставлю твоего совета.*

В издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» 2007 г. этот бейт имеет следующую редакцию:

Маро ба чони ту савганду саъб савганде,

Ки ҳаргиз аз ту нагардам, нашнавам панде [8, 61].

Здесь наблюдается расхождение в употреблении слов «набишнавам» и «нашнавам». С точки зрения семантики в обоих текстах смыслового ущерба не обнаруживается. Недостаток касается исключительно метрической стороны стиха. В данном случае оба полустишия должны быть четырнадцатисложными, однако в издании 2007 г. во втором мисрае недостаёт одного слога. Более того, во втором издании по неясным причинам после пятого бейта опущен один бейт, присутствующий в тексте 1958 г. В указанных публикациях имеются и другие расхождения, касающиеся поэтического наследия Шахида Балхи, которые подробно рассмотрены в нашей статье «Матни ашъори Шахида Балхӣ дар ду нашри тоҷикистонӣ» [181, 192-197].

Аналогичные соображения можно высказать и в отношении Абушакура Балхи, поскольку объём сохранившихся его стихов в трёх

таджикских изданиях представлен по-разному, а в сборнике «Шоирони хамасри Рӯдакӣ» (1370) этот поэт вовсе не упоминается.

Как отмечалось выше, в издании 1958 г. стихотворное наследие Абушакура Балхи включает 383 бейта, в сборнике «Шоирони аҳди Сомониён» 132 бейта, а в издании 2007 г. 426 бейтов. При этом порядок расположения текстов во всех трёх публикациях различен. Так, если маснави поэта «Офариннома» в «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (1958) представлено 102 бейтами и помещено в начале книги, то в «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) оно включает 75 бейтов и размещено в конце, а в «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007) 326 бейтов, также помещённых в конце сборника. Следовательно, разрозненные стихи, кыт'ы, рубаи и небольшие маснави Абушакура Балхи составляют: в издании 1958 г. 281 бейт, в издании 1999 г. 57 бейтов, а в публикации 2007 г. 38 бейтов. Что касается достоверности текстов, можно отметить, что во всех трёх изданиях в ряде бейтов имеются частные расхождения. Выявление корректных вариантов и их учёт в дальнейших текстологических исследованиях сохранившегося поэтического наследия Абушакура Балхи представляется необходимым.

Так, в издании 1958 г. читаем следующий бейт:

Ало, то моҳи навхида камон аст,

Ало, то чун сипар бошад маҳи бадр [7, 78] / *О, пока новолуние оно как серп луны, О, а когда луна полная как щит сияет.*

В сборнике «Шоирони аҳди Сомониён» этот бейт отсутствует, а в издании 2007 г. он зафиксирован в следующей редакции:

Ало то моҳи нав хидакамон аст,

Сипар гардад маҳи доху чаҳоро [8, 126].

В данном случае основное внимание привлекают выражения «маҳи бадр» и «маҳи доху чаҳоро», оба из которых обозначают полную луну. Возникает вопрос: какой из вариантов следует признать аутентичным поэтическим текстом? При сопоставлении этих двух редакций более предпочтительным представляется второй вариант. Слово *навхида* не

зафиксировано в словарях, тогда как *хидакамон* в значении «хамидакамон» (изогнутый, подобный луку) может быть признано корректным. Соответственно, выражение *моҳи хидакамон* означает «луна, подобная изогнутому луку», что не вызывает сомнений. Во втором мисрае новолуние сопоставляется с выражениями «маҳи бадр» и «доху чаҳор», то есть «четырнадцатый день», когда луна бывает полной. В этом контексте версия, представленная в издании 2007 г., оказывается ближе к предполагаемому авторскому тексту.

Приведём ещё один пример из разрозненных стихов Абушакура Балхи, зафиксированных во всех трёх таджикских изданиях. В публикации 1958 г. читаем:

Рафиқони ӯ бо маю нозу неъмат,

Пас, ӯ орзуманди якто зағора [7, 78] / *Его друзья пируют вином
сладостями, А он томится в мечте о простом куске хлеба.*

В сборнике «Шоирони аҳди Сомониён» этот бейт приводится в следующем виде:

Рафиқони ман бо маю нозу неъмат,

Манам орзуманди якто зағора [45, 70].

Та же редакция повторяется и в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8, 146].

При чтении текста в обеих редакциях различия становятся очевидны сами собой. В издании 1958 года в начале строк встречаются формы «рафиқони ӯ» и «пас ӯ», тогда как в более поздних собраниях на их месте употреблены конструкции «рафиқони ман» и «манам». Во второй строке первой редакции стоит «пас ӯ», что несколько диссонирует с первой строкой. Если бы здесь использовалось «вале ӯ», стихотворение обрело бы логический смысл. Таким образом, вторая редакция с точки зрения смысла более последовательна, и это подтверждается источниками. Поскольку источники для этого стиха в указанных изданиях не приведены, достоверность положения оставляется открытой для будущих исследований. Подобные

различия часто встречаются в стихах Абушакура Балхи, которые не включены в корпус нашего исследования. В частности, маснави поэта в размере хазааджи мусаддаси максур, состоящая из 10 двустиший [7, 75], и другое маснави в размере хафиф, состоящее из 5 двустиший [7, 75-76], отсутствуют как в издании «Поэты эпохи Саманидов», так и в сборнике 2007 года, и т.д.

В период между 2013 и 2023 годами о Абушакуре Балхи были выполнены две монографии Шоирой Холикзодой [206] и Анзурат Маликзод [130]. Несмотря на то, что эти молодые исследователи проделали значительную работу по жизни и творчеству Абушакура Балхи и достигли определённых результатов в области анализа, они воздержались от рассмотрения текста стихов поэта и различий, имеющих в различных источниках.

Два стиха поэта Балъами встречаются только в собраниях 1958 [7, 87] и 2007 годов [8, 125], причём с определёнными различиями. В первом издании они представлены следующим образом:

Даранда чу шерон, даманда чу саъбон,
Дурахшон чу Хасбӣ, дурафшон чу озар [7, 87].

Второй стих:

Чун барафрӯзӣ рух аз бода, кала созӣ яла,
Дастҳояш тик гардад, пойҳояш шишала [7, 87].

В издании 2007 года наблюдаются изменения:

Даранда чу шерон, даманда чу саъбон,
Дурахшон чу Хаспӣ, дурафшон чу озар [8, 125].

Второй стих:

Чун барафрӯзӣ рух аз бода, кулах созӣ яла,
Дастҳояш шик гардад, пойҳояш шишала [8, 125].

Из сохранившихся стихов Имораи Марвази в издании 1958 года собрание насчитывает 80 двустиший [7, 88-98], а в издании «Поэты современники Рудаки» (1370 г.) 75 двустиший [44, 247-260]. Почему

составители изданий «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (2007) Х. Шарифов и А. Абдусатторов не сделали даже краткого упоминания об Имораи Марвази, в то время как составители издания «Поэзия современников Рудаки» (1958) в справочнике об Имора дают следующее замечание: «Хронология жизни Имора в источниках указана неточно. Автор «Мачмаъ-ул-фусахо» сообщает, что он скончался в 360 году хиджры (970 г. н. э.). Эта информация неверна, так как он жил значительно позже этой даты. Например, у Имора имеется кыт'а, посвящённый последнему саманидскому шаху Амиру Абу Ибрахиму Исмаилу бинни Нух бинни Мансур» [7, 88].

При сравнительном изучении сохранившихся стихов Имораи Марвази в этих двух собраниях прежде всего обращает на себя внимание различие в их расположении и последовательности. В собрании «Поэзия современников Рудаки» (1958) эти произведения не были размещены в алфавитном порядке по рифме и редифу - «алиф», «бе», «те» и т. д. В последующем собрании такая организация была соблюдена, что позволило сохранить классическую «диванную» структуру персидско-таджикской литературы, облегчая работу с текстом для исследователей и читателей.

Следующее различие между этими двумя собраниями заключается в том, что некоторые куплеты, присутствующие в первом издании, отсутствуют во втором, и наоборот, некоторые стихи, включённые во второе издание, не встречаются в первом. Например, следующие строки, присутствующие в «Стихах современников Рудаки» (1958), отсутствуют в собрании «Поэты современники Рудаки» (1370):

Ҳамвора пур аз пихаст он чашми фазоған,
Гӯй, ки ду бум он чо духона гирифтаст [7, 91].

***

Дидам чунин ба тан, ки сифат кардам,
Сармаст пеши мишта биншаста [7, 93].

***

Хез Макосй, биёр ёр қадахро,
Кон-т мако гуфт: - Аз ин сарой биколид? [7, 95]

***

То падида омадат имсол хати ғолиябӯй,
Ғолия хира шуду зоҳириву анбар хор [7, 96].

***

Гар хор шудам сӯи бути хеш, бадо бод,
Анде, ки бари меҳтари мо хор наям, хор [7, 96].

Вместе с тем следует отметить, что нижеприведённые бейты, вошедшие в сборник «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370), отсутствуют в издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958): Муғ аз нишоти сабади чин, ки маст хоҳад шуд, Кунад баробари чархушт хишти болино [44, 248] / Эй ту Макосо биёр боз қадахро, К-онат макокуфт аз ин сарой бичолид [44, 249] / Ба абри раҳат монад ҳамеша каффи амир, Чӣ гуна абр? Он чо бар хона гирифтааст [44, 250] / В-ар ба Балх замоне шикори чол кунанд, Биёчанд хама водешро ба батту ба чол [44, 252] / Биншон ба торам андар мар турки хешро, Бо чанги суғдиёнаву бо болағу каду [44, 253].

Таким образом, если к 80 бейтам, зафиксированным в сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370), прибавить пять бейтов, представленных в издании 1958 г., общее число стихов Имары Марвази составит 85 бейтов. Кроме того, в работе Ахмада Гелони на основании таких источников, как «Лугати фурс» Асадии Туси, «Саҳоҳ-ал-фурс», «Тарҷумон-ул-балоға» и «Маҷмаъ-ул-ансоб», Имара Марвази приписываются ещё 14 бейтов. Однако для окончательного выяснения их авторства требуется обращение к большому числу первоисточников, поскольку атрибуция этих стихов остаётся предметом дискуссий.

При сопоставительном анализе двух указанных сборников в стихах Имары Марвази выявляются и частные разночтения на уровне отдельных слов и выражений. Так, в издании 1958 г. читаем:

То падид омад имсол хати ғолиябар,
Голия тира шуда бўи хуши анбар хор [7, 89].

В сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370) этот бейт зафиксирован в следующем виде:

То падид омадат имсол хати ғолиябӯй,
Голия хира шуду зохирию анбар хор [44, 251].

Если обратиться к смысловому содержанию бейта, первый вариант представляется более прозрачным для понимания, однако вторая редакция ближе к стилистической манере поэтов X века. В связи с этим предпочтение может быть отдано именно второму варианту. В тексте выражения «ғолиябор» и «ғолиябӯй», хотя и семантически близки, имеют различные оттенки значения: «ғолиябор» в словарях толкуется как «рассыпающий аромат, источающий аромат», тогда как «ғолиябӯй» означает «обладающий ароматом, благоухающий» [48, 654]. Во втором мисрае вместо слова «тира» более уместным представляется «хира» в значении «ошеломлённый, приведённый в изумление». Слово «зохир» также употребляется в значении «сияющий, лучезарный, озарённый», что органично вписывается в контекст [47, 458].

Приведём ещё один пример. В издании 1958 г. читаем:

Дилбаро, ин рухи ту бас хуб аст,
Гарчи бо ёр кори каст кунӣ [7, 92].

В сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» этот бейт представлен в иной редакции:

Дилбаро, ду рухи ту бас хуб аст,
Аз чӣ бо ёр кори гаст кунӣ? [44, 254].

В данном бейте прежде всего следует обратить внимание на слова «каст» и «гаст». В словарях слово «гаст» зафиксировано в значении «безобразный, отвратительный, неприглядный». Форма «каст» в лексикографических источниках не обнаруживается, и, по-видимому, речь идёт о варианте или искажённой записи того же слова «гаст». Хотя источник

этого бейта нам недоступен, с точки зрения логики и семантики именно второй вариант представляется корректным и уместным. Его дальнейшее использование может способствовать уточнению и выверке текста стихов Имори Марвази.

Кроме того, применительно к поэзии Имори Марвази в двух рассматриваемых сборниках можно отметить следующее: если в издании 1958 г. многие слова остались без объяснений и комментариев, то в публикации Ахмада Гелони к этому вопросу подошли более внимательно, снабдив каждую страницу примечаниями с толкованием труднопонимаемых лексем. Исходя из этого, можно утверждать, что сборник «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» превосходит издание 1958 г. как по принципам отбора и расположения текстов, так и по количеству представленных бейтов Имори Марвази.

До нас дошли два бейта поэта Тахори (Тахави), которые, за исключением сборника «Шоирони аҳди Сомониён», присутствуют ещё в трёх антологиях. При этом во втором мисрае в издании 1958 г. зафиксировано словосочетание «маи нӯш» [7, 99], тогда как в двух других публикациях оно передаётся как «маю нӯш». По нашему мнению, слово «лаб», употреблённое в первом мисрае, однозначно предполагает форму «маи нӯш», союз «ва» в данном контексте представляется неуместным. В тех же трёх сборниках приводится одно рубаи Сонеи Балхи, которое во всех трёх текстах воспроизведено идентично и без искажений [7, 113; 44, 82; 8, 124].

Кроме того, в указанных антологиях представлены сохранившиеся стихи Абуабдуллоха Джунайди, Хаббози Нишапури, Истигнои Нишапури и Ушноии Джуйбори. Так, от Абуабдуллоха Джунайди в этих сборниках приводятся четыре бейта, причём разночтение наблюдается лишь в третьем бейте. В «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) он читается следующим образом:

Аз чом ба чома дар шабонгоҳ,

В-аз чома ба чом рӯз шаб гир [7, 114].

В сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370) находим иную редакцию:

Аз чом ба чома рав шабонгоҳ,

В-аз чома ба чом рав ба шабгир [44, 128].

Составители «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) предложили следующую интерпретацию:

Аз чом ба чома чаҳ шабонгоҳ,

В-аз чома ба чом чаҳ ту шабгир [8, 358].

В данном случае следует обратить внимание на глагольные формы «дар», «рав» и «чаҳ» и на основе их сопоставления попытаться определить, какой из вариантов следует признать предпочтительным. Однако для окончательного решения этого вопроса необходимо располагать источниками, использованными составителями сборников, поскольку с точки зрения смысла приведённые варианты в целом близки и не обнаруживают принципиальных расхождений.

От Хаббози Нишапури в двух таджикских изданиях из трёх рассматриваемых сборников приведены по два бейта [7, 128; 8, 193], тогда как в «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370) зафиксированы четыре бейта. Первые два бейта во всех публикациях с точки зрения смысла и логики переданы корректно, однако в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) наблюдается метрическая погрешность: вместо формы «кӣ имрӯз» следует читать «к-имрӯз». Два бейта Хаббози, отсутствующие в таджикских изданиях, таковы:

Ба рӯз ҳеч набинам туро ба шуғлу ба соз,

Ба шаб кунӣ ҳама коре ба сони харбевоз / *Днём тебя нигде не вижу ни в занятии, ни в игре, А ночью всё творишь, как светляк в темноте.*

***

Накунӣ ҳеч кор рӯзи дароз,
Кори ту шаб бувад чу харбевоз [44, 110].

Слово «харбевоз» в словарях толкуется как «летучая мышь». Учитывая это, при подготовке будущих текстологических изданий стихов современников Рудаки данные два бейта подлежат обязательному учёту.

Сопоставительный анализ сборников показывает также, что от поэта Истигноии Нишапури сохранилась одна кыт'а, состоящая из двух бейтов, однако в третьем мисрае тегеранского издания (1370) выпало слово «гуфтаме», в результате чего нарушен метр стиха [44, 36].

Кроме того, в указанных сборниках от Ушнонии Джуйбори сохранились три бейта: один отдельный бейт и одно рубаи. В двух таджикских изданиях второй мисра первого бейта приводится в следующем виде: ... Қисса фиканда зӣ мо, бода ба дасти мӯбад [7, 371; 8, 357].

Ахмад Идорачии Гелони, прибегая к сопоставительному анализу, предлагает следующую, более корректную редакцию этого мисра, которая представляется обоснованной: [Кустӣ] фиканду зуннор, бода ба дасти мӯбад [44, 37].

Слово «кустӣ» в словарях имеет значение «зуннар; пояс, который носили христиане и брахманы; особый пояс зороастрийцев» [47, 576].

Среди поэтов-современников Рудаки, имена и образцы стихов которых представлены во всех четырёх рассматриваемых сборниках, можно назвать следующих: Сипехри Бухорои, Абулаббос Рабанжани, Робиа Куздари, Башшарии Маргази, Абулмасал Бухорои, Абулхасан Огожи, Абуисхок Джуйбори, Турки Айлоки Киши, Газвонии Лукари (Чангзан), Абузироа Джурджони (Гургони), Мантикии Розии, Абузари Бузжони, Валволиджии Марвази, Хужистаи Сарахси, Джуллоб Бухорои, Шокири Бухорои, Маънавии Бухорои, Абулмуайяди Балхи, Абулғалои Шуштари, Тохири Чагони, Хусравии Сарахси, Мунджики Тирмизи, Мунтасири Сомони и Камари Джурджони.

От Сипехри Бухорои до нас дошли два бейта. При их сопоставлении выясняется, что основное расхождение приходится на второй мисра' (строка). В «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) он зафиксирован следующим образом:

Бар нишаста ҳалқа андар ҳалқа чун зулфайни ёр ... [7, 130].

В других сборниках данный мисрай приводится в иной редакции:

Бар нишаста чаъд андар чаъд чун зулфайни ёр ... [44, 69; 45, 31; 8, 35].

Разумеется, в данном случае более корректным и предпочтительным является принятие второго варианта. Кроме того, в третьем мисрае сборника «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) употреблено словосочетание «аз миёни бӯстон», тогда как в остальных рассматриваемых сборниках зафиксирована форма «дар миёни бӯстон», которая представляется более точной и логически оправданной.

При сопоставлении публикаций, содержащих стихи Абулаббоса Рабанжани, выявлено, что количество приводимых бейтов существенно варьируется. Так, если в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) опубликовано всего 6 бейтов [7, 84], то в сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370) с включением бейтов, приписываемых этому поэту, их число достигает 95 [44, 95-104]. В антологии «Шоирони аҳди Сомониён» представлено 26 бейтов [45, 93-95], а в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) 93 бейта [8, 194-207].

Прежде всего следует отметить, что составители издания «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) в полном объёме использовали тексты, выявленные Ахмадом Гелони, однако по неизвестным причинам отказались от включения лексических комментариев, приведённых иранским текстологом в подстрочных примечаниях. Между тем в сохранившихся стихах Рабанжани встречается значительное количество труднопонимаемых слов и выражений, таких как «туручид / турунч» (сжатый, спрессованный), «барҷосо» (след стрелы в воздухе), «калако» (косоглазый, кривоглядящий), «камос» (глиняные сосуды, носимые под мышкой), «ғилевоч» (ворон, грач) и

многие другие, разъяснение которых необходимо для адекватного понимания текста читателем.

Шесть бейтов Абулаббоса Рабанжани, опубликованных в «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (1958) [7, 84], без каких-либо разночтений воспроизведены и в трёх других сборниках, вследствие чего не требуют специального сопоставления. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в издании «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007) пятибейтная кыт'а поэта необоснованно разделена на две части с помощью трёх звёздочек (3 бейта и 2 бейта), тогда как в остальных сборниках она приводится последовательно, без разрыва и в корректном виде.

В «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007) читаем следующий бейт:

Кори ман хуб кард бетинате,
Он ки бетамъ моликона кунад [8, 199].

Тот же бейт в сборнике «Шоирони хамасри Рӯдакӣ» (1370) имеет следующую редакцию:

Кори ман хуб карда бе силате,
Ҳар кӣ ӯ тамъи моликона кунад [44, 98] / *Я хорошо выполнил свою работу, без награды, И каждый, кто попробует её, насладится сладким угощением.*

Слово «моликона» здесь употребляется в значении «халваи хуш» (сладкое угощение). С учётом различий между этими двумя вариантами второй представляется более обоснованным как с точки зрения смысла, так и с точки зрения стилистической и метрической корректности.

Подобные расхождения особенно многочисленны в сборниках «Шоирони хамасри Рӯдакӣ» (1370) и «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007). Однако анализ и детальное рассмотрение всех подобных случаев выходят за рамки объёма диссертационного исследования; вместе с тем при подготовке последующих текстологических изданий они непременно должны быть приняты во внимание.

Аналогичная ситуация наблюдается и в поэтическом наследии Робиа Куздари (или Балхи), имя и стихи которой представлены во всех четырёх рассматриваемых сборниках. Прежде всего обращает на себя внимание различие в передаче имени поэтессы: в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» [7, 109] и «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» [44, 83] она именуется Робиа Куздари, тогда как в сборниках, подготовленных Х. Шарифовым и А. Абдусатторовым [45, 62; 8, 114], фигурирует как Робиа бинти Ка'б. Количество сохранившихся бейтов Робиа Куздари, которую в современных научно-исследовательских работах также принято называть Робиа Балхи, в «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) составляет 33 бейта, тогда как в трёх других сборниках приведено уже 55 бейтов.

Как видно, по сравнению с первым изданием в более поздних публикациях объём поэтического наследия Робиа Куздари существенно увеличился, что свидетельствует о результативных поисках и новых находках исследователей и составителей. Вместе с тем и в зафиксированных в этих книгах поэтических фрагментах наблюдаются разночтения в количестве и составе бейтов. Так, газель «Зи бас гул, ки дар боғ маъво гирифт» в издании 1958 г. [7, 110-111] включает 5 бейтов, тогда как в трёх последующих сборниках она представлена в расширенном виде - из 7 бейтов.

Следующий бейт, присутствующий в изданиях Х. Шарифова и А. Абдусатторова, хотя и входит в корпус из 55 бейтов поэтессы, в публикации Ахмада Гелони не зафиксирован:

Ошику ранчур буду бедирам,

Он шахударух шахонида зи зам [45, 64; 8, 120].

В данном случае словосочетание «шахида рух» должно быть написано слитно. В дальнейшем этот бейт в книге А. Маликзода и Ш. Мухаммадиева приведён корректно, как единое сложное слово. Однако во втором строка после слова «шахударух» поставлена запятая, которая представляется излишней и не обусловленной ни синтаксически, ни ритмически [9, 28].

Этот бейт отсутствует и в издании «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» 1958 г.

В сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) на страницах 117, 120 и 121 по технической причине отдельные кыт'а-стихотворения оказались механически слитыми друг с другом, тогда как с точки зрения структуры и содержания, метра, рифмы и семантики, они не имеют между собой никакой связи.

В опубликованных сборниках также выявлены перестановки бейтов в стихах Робиа Куздари. Так, в издании 1958 г. и в книге Ахмада Гелони во газели «Ишқи ӯ боз андаровардам ба банд» второй бейт в сборниках «Шоирони аҳди Сомониён» [45, 63] и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8, 117] помещён в макта', что представляется логически оправданным. Впоследствии именно этот вариант был использован рядом исследователей на основе издания 1958 г., в частности в книге «...Дарёи каронанопазир» [9, 24]. Вместе с тем в газеле «Маро ба ишқ ҳаме муҳтамак кунӣ ба ҳиял» в публикации 1958 г. также обнаруживается расхождение, а именно выпадение второго мисрая пятого бейта, написанного на арабском языке, то есть строки: “Фаман такаббара явман фа баъда иззи залл” [45, 64; 44, 93; 8, 119].

Более того, у Робиа Куздари имеется кыт'а, состоящая из пяти бейтов и начинающаяся строкой “Шоқанӣ ноихун минал атёрӣ ...”, однако в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958) приведены лишь три её персоязычных бейта, тогда как два арабских, первый и третий опущены [7, 112]. В целом данное стихотворение создано в жанре муламма', однако составители сборника, заменив арабские бейты многоточием, существенно упростили себе задачу. Кроме того, в четырёх сопоставляемых сборниках, содержащих сохранившееся поэтическое наследие единственной поэтессы, современницы Рудаки, Робиа Куздари, наблюдаются и другие частные разночтения на уровне отдельных слов и выражений, рассмотрение которых требует отдельного, более масштабного исследования.

Среди других поэтов, чьи стихи представлены во всех четырёх сборниках, следует назвать Башшари Маргази. В этих изданиях помещена одна хамрийя поэта касида, состоящая из 31 бейта. Сопоставление всех 31

бейта показало, что порядок их следования во всех сборниках сохранён и не нарушен. В изданиях «Шоирони аҳди Сомониён» [45, 99] и «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007) [8, 216] в шестом бейте рифма «лазид» зафиксирована в форме «лазиз», что следует отнести к числу незначительных разночтений. Поэт сознательно использовал форму «лазид» ради сохранения благозвучия и рифменной структуры стиха, и в поэтическом контексте такой приём является допустимым.

В первом стихе двенадцатого бейта упомянутых изданий встречается строка: «Огаҳ набуд эч, ки деҳқон маро зи дур...» [8, 217]. В других двух изданиях этот стих читается так: «Огаҳ набудам эч, ки деҳқон маро зи дур...» [7, 116; 44, 56]. Здесь речь идет от первого лица, и форма глагола «набудам» признана правильной, она не нарушает метрический размер стихотворения.

В этом касыде Башшори Маргази наблюдаются некоторые незначительные ошибки при передаче текста кириллическим таджикским письмом, такие как: «амдан» - «амдо», «з-он» - «в-он», «васфи» - «васфе», «чун он» - «чунон», которые почти не влияют на ритм и смысл. Следует лишь отметить, что в дальнейшем их целесообразно писать в соответствии с современными нормами таджикской орфографии.

Стихи Абулмасали Бухорои приобретают иной оттенок при сопоставлении и сравнении. Так, если остальные его стихи в работах Х. Шарифова и А. Абдусатторова представлены в количестве 25 бейтов [8, 102-103; 45, 57-59], то в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) [7, 119-121] их всего 20, а в сборнике «Поэты эпохи Рудаки» (1370) [44, 70-72] 32 бейта.

Например, приведем кытъу по подготовленному тексту Ахмада Гилони:

Барафканд пирӣ зиё бар сарат,
Ба чашми бутон зулмат аст он зиё.
Набинӣ, ки бози сапедӣ, кунун
Агар кабк бигрезад аз ту, сазо.

Набинй суман барги насрин шуда

Зи кофур пӯшида барги гиё [44, 70] / Седина принесла тебе много сияний, Для глаз красавиц этот свет лишь тьма. Не видишь ли, как играет белый свет? Если дикий фазан ускользает от тебя, это наказание. Не видишь ли, как ландыш стал листьями жасмина, И листья травы покрыты кедровой смолой.

Эти три бейта, как показано, включены также в издания «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007). Однако в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) этот пример приведен раздельно в 18-м, 19-м и 20-м бейтах [7, 121]. При этом второй бейт катъу в этом сборнике приводится также в следующей форме:

Ба бози курезй бимонам хаме

Агар кабк бигрезад аз ман равост [7, 119] / Я остаюсь среди порхающих птиц, И если дикий фазан ускользнёт от меня, это справедливо.

Эта строка, приписываемая также Рудаки, встречается в книгах [24, 234]. В отличие от первого примера, здесь местоимение «ту» заменено на первое лицо «ман».

При сравнительном изучении стихов Абулмасали Бухараи в этих четырех изданиях выявляются различия в словах, составах и выражениях. Например, в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) встречается:

Бигмоз гил бикардию моро бидод нукл,

Амруд кишта додй з-ин ревдониё [7, 121].

Этот бейт отсутствует в «Поэтах эпохи Саманидов» (1999). В книгах Ахмада Гилони [44, 70] и «Поэзия современников Рудаки» (2007) [8, 103] вместо «гил» читается «гул», что правильно, так как «бигмоз» здесь означает «вино, хамр» и имеет цвет цветов. Также встречается слово «ревдониё», которое в таджикских изданиях записано слитно. Если прочитать это кириллическими буквами как «рев, дониё», смысл становится ясным. Слово «кишта» используется в значении «сухой», сохранившемся в районах

Зарафшанской долины, а «рев» означает «обман, хитрость». Следовательно, бейт следует читать так:

Бигмоз гул бикардию моро бидод нукл,

Амруд кишта додй, з-ин рев, дониё! / *Ты поднёс нам вместо розы горсть угощений, Сухую грушу дал, вот в чём твоя хитрость, о знающий!*

Аналогичные примеры встречаются и в стихах других поэтов, чьи тексты опубликованы в четырех изданиях, что требует внимательной работы текстологов при сопоставлении и приведении текста к единой форме.

Мы уже упоминали о нескольких поэтах, чьи имена встречаются в трёх опубликованных сборниках, ссылаясь на их стихи и различия между изданиями. В частности, это: Масъуди Марвази, Равнаки Бухараи, Абушакури Балхи, Тахори, Абуабдуллохи Джунаиди, Хаббози Нишапури, Истигнои Нишапури. К этой группе можно добавить Абушуайби Хирави, Дакики, Маъруфи Балхи, Абутаййиби Сарахси и Ушнони Джуйбори.

Рассмотрим, например, оставшиеся стихи Абушуайби Хирави, которые представлены в трёх таджикских изданиях. Прежде всего следует отметить, что из стихов этого современника Рудаки в сборнике 1958 года включено всего 12 бейтов, в «Поэтах эпохи Саманидов» (1999) 14 бейтов, а в сборнике 2007 года 16 бейтов, при этом их расположение в сборниках различается. Для нас важен не сам порядок, а то, имеются ли различия в этих бейтах. В частности, обратим внимание на кытбу, состоящую из 5 бейтов, которая с точки зрения рифмовки кажется неполной, в трёх сборниках она представлена шестью бейтами. В этом примере прежде всего рассматривается последовательность бейтов, которые сохраняют смысл и содержание. В сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) эта последовательность грамотно сохранена с точки зрения художественной выразительности [7, 85]. Поэтому в последующих изданиях следует поменять местами третий и второй бейт, чтобы текст стал правильным и согласованным [45, 103; 8, 363].

В первой строке третьего бейта в издании 1958 года встречается имя «Сиёвуш», а в двух последующих изданиях вместо него указано «Фаридун». В данном случае предпочтительнее сохранить «Сиёвуш», поскольку, помимо героя «Шахнаме» Фирдоуси, это имя также относится к разновидности цветка, а речь идёт о качестве возлюбленной. В пятом бейте также наблюдаются различия между изданиями. В издании 1958 года этот бейт читается так:

Бинии ū - тораки абрешимин,
Баски аз торй бар абрешим укад [7, 85].

В двух последующих таджикских изданиях этот бейт представлен так:

Бинии ū тораке абрешимин,
Баста бар торе зи абрешим укад [45, 103; 8, 363] / *Её нос тонкая шелковая нить, Узлом завязанная на шелковой основе.*

С точки зрения логики и смысла, вторая строка предпочтительно читается как «Баста бар торе зи».

Из-за технических ошибок бейт под именем поэта в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) записан следующим образом:

Шигифт нест, агар теги чашми ман сурн аст,
Баре чу сурх бувад ашк, сурх бошад кеғ [8, 363] / *Не диво, если лезвие моего взгляда красно, Ведь когда слёзы красны, красна и глазная слизь.*

Если в первой строке заменить слово «сурн» на «сурх», а во второй строке «Баре» на «Бале», можно извлечь правильный смысл бейта. В двух других изданиях бейт правильно расположен и грамотно передан.

Рассмотрим ещё один пример из Ушнони Джуйбори, упоминающийся в трёх сборниках. Это два таджикских издания «Поэзия современников Рудаки» и сборник «Поэты эпохи Рудаки» (1370). Стихи поэта в каждом из трёх изданий состоят из трёх бейтов. Различия между сборниками заметны в первом бейте.

В таджикских изданиях он приводится так:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафта рӯзи шанбад,
Қисса фиканда зй мо бода ба дасти мӯбад [7, 371; 8, 357].

В то же время Ахмад Идорачи Гилони фиксирует этот бейт следующим образом:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафта рӯзи шанбад,
Кустӣ фиканду зуннор, бода ба дасти мӯбад [44, 37].

В «Лугати фурс» Асадии Туси этот пример приводится в комментарии к слову «мӯбаз»: «Мӯбаз» - ученый. Ушнони Джуйбори говорит:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафт рӯзи шанбаз,
Кустӣ фиканду зуннор, бода ба дасти мӯбаз [34, 1].

В первом ряду слова «рафт» в таджикских изданиях записано как «рафта».

Что касается рифмы, слова «шанбаз» и «мӯбаз» сегодня читаются как «шанбад» и «мӯбад» (без точки над буквой «дол»). Следовательно, бейт правильнее читать так:

З-урдубихишт рӯзе даҳ рафт рӯзи шанбад,
Кустӣ фиканду зуннор, бода ба даст мӯбад / *В десятый день
Урдубехишта, в первый день недели, Жрец, сбросив пояс, с чашей вина в
руке.*

Среди поэтов, чьи имена встречаются в двух опубликованных сборниках, можно назвать: Балъами, Имораи Марвази, Тахори (Тахови), Воизи Сарахси, Тайёни Маргази, Кисоии Марвази, Абунастри Маргази, Саффори Маргази, Рафеуддини Нишапури, Мухаммад ал-Хусравони, Абулфатхи Бусти, Абулкосим Фирдавси и Абулкосим Бушри Ёсин.

Например, от Балъами поэт включён только в два таджикских издания «Поэзия современников Рудаки» (1958 и 2007). В справочных данных каждого сборника указано, что эти два бейта принадлежат сыну Абулфазли Балъами - Абуалии Балъами [7, 87; 8, 125]. В обоих сборниках приведено два бейта, при этом второй бейт отличается между изданиями.

В издании 1958 года читаем:

Чун барафрӯзӣ рух аз бода, кала созӣ яла,
Дастҳояш тик гардад, пойҳояш шишала [7, 87].

В издании 2007 года:

Чун барафрӯзӣ рух аз бода, кулах созӣ яла,
Дастҳояш шик гардад, пойҳояш шишала [8, 125].

При этих различиях следует обратить внимание на слова «кала» и «кулах», «тик» и «шик» и на варианты местоимений «яш» и «ям». Хотя «кала» и «кулах» в древнем написании совпадают по буквам («коф», «лам», «хе-ҳавваз»), слово «кала» в первом тексте имеет удвоение в букве «лам». Поэтому предпочтительно читать «кулах». Что касается «тик» и «шик», их значение в словарях не найдено. Кроме того, для более ясного смысла местоимения «яш» и «ям» можно заменить на «ят», поскольку в первом ряду слово «барафрӯзӣ» указывает на «ты барафрӯзӣ». Однако эти замечания требуют дополнительного изучения, а также следует найти первоисточник бейта, так как в этих изданиях он не указан.

Возьмём, например, Ахмад Воизи Сарахси, от которого приведено два бейта (одна катъу) в изданиях «Поэзия современников Рудаки» (1958) [7, 150] и «Поэты эпохи Рудаки» (1370) [44, 333]. В этой кытъу различий не обнаружено, и она не имеет структурных или смысловых недостатков.

Другим поэтом, современником Рудаки, который представлен только в двух сборниках [7, 171-197; 44, 285-332], является Кисоии Марвази. Возможно, из-за того, что, по мнению некоторых исследователей, «Кисоии родился спустя 12 лет после смерти Рудаки» [7, 171], составители сборников «Поэты эпохи Саманидов» и «Поэзия современников Рудаки» (1999 и 2007) не включили его имя и стихи в свои издания.

Из доступных стихов Кисоии Марвази в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) включено 254 бейта, а в сборнике «Поэты эпохи Рудаки» (1370) более 365 бейтов. Если подробно анализировать сходства и различия стихов Кисоии Марвази в этих двух сборниках, это почти может составить четверть диссертации.

Например, касида поэта бахария с начальным бейтом: «Боди сабо даромад, фирдавс гашт сахро» в издании 1958 года состоит из 20 бейтов [7, 171-173], а в версии Ахмада Гилони из 21 бейта [44, 296-297]. Последний бейт иранского издания в сборнике 1958 года отсутствует и звучит так:

Ҳам нагзарам сӯи ту, хам нангарам сӯи ту,

Дил н-оварам суи ту, инак чаки табарро [44, 297] / *Я не направлюсь к тебе и не посмотрю на тебя, не склоню к тебе сердце, вот свидетельство моего отречения.*

При сравнении этой касиды в двух изданиях обнаружено, что тексты совпадают, различий не выявлено.

В сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) отсутствует также касида с началом:

Фаҳм кун, гар муъминӣ зикри Амиралмуъминин,

Фазли Ҳайдар, шери Яздон, Муртазои покдин [44, 306-308] / *Уразумей: если ты верующий, вспоминай Амира верующих - достоинства Хайдара, льва Яздана, Муртазы чистой веры, состоящая из 23 бейтов.*

Ещё один пример из стихов Кисоии Марвази, встречающийся в обоих сборниках: в таджикском издании 4 бейта [7, 183], а в иранском 5 бейтов [44, 308]. При внимательном сравнении оказалось, что пятый бейт таджикского издания вынесен на отдельный лист. Этот бейт следовало бы соединить с четвёртым, так как он несёт в себе красоту комплимента:

Дасти золим зи сим кӯтах бех,

Эй ба рух сим, зулф кун кӯтоҳ [44, 308] / *Лучше бы рука тирана была коротка от серебра, О ты, сереброликая, укороти свои кудри.*

В целом, при сравнении расположения стихов Кисоии Марвази в двух сборниках различия составляют примерно 110 бейтов, что указывает на необходимость в будущих изданиях уделять этому особое внимание и подготовить более полный текст стихов поэта.

Кроме того, внутри текстов двух сборников наблюдаются значительные различия. Например, в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958):

Субх омаду аломати маскул баркашид,

В-аз осмон шамомай кофур бардамид [7, 178] / *Наступила заря, и взял он знак блеска, И с небес принёс аромат чистоты*, первое слово «субх» в сборнике «Поэты эпохи Рудаки» (1370) записано как «рӯз». Предпочтительно оставить «субх», поскольку оно связано с восходом солнца, а не с понятием «день». Слово «маскул» здесь означает «полированный, блестящий».

Подробный сравнительный анализ всех оставшихся стихов Кисоии Марвази будет иметь значительную ценность для науки о текстологии.

Другое стихотворение Саффори Марвази, современника Рудаки, представленное в двух сборниках, состоит из 3 бейтов. В обоих сборниках тексты полностью совпадают. Единственным различием является последовательность бейтов, которая иногда изменена [7, 199; 44, 38].

Помимо поэтов, чьи имена и образцы стихов встречаются в четырёх, трёх и двух изданиях, в этих сборниках встречаются также поэты, чьи стихи зафиксированы только в одном издании. В сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) это Абуллаббос Аббоси Марвази и Марвази [7, 153; 162], в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (2007) Абуллаббос Кассоб, Абулхусайн Хориджи, Майсари Хаким, Ахмади Мансур, Дайлами Казвини, Абуали Сарахси и Абулфазли Сарахси [8, 452; 123; 219; 355; 394; 450; 451], а в сборнике «Поэты эпохи Рудаки» (1370) Абулянбаги Аббоси Тархон, Абулмуайяд Равнақи Бухорои, Ходжа Буркаи, Сабури Парси, Хотиири Рози. В сборнике «Поэты эпохи Саманидов» (1999) поэтов, представленных только в нём, не обнаружено.

Что касается оставшихся стихов этих поэтов, представленных только в одном сборнике, их объём варьируется от 1 бейта до 113 бейтов. Например, у Марвази, Абулхусайна Хориджи и Абулфазли Сарахси по одному бейту, у

Ахмади Мансура и Абулянбаги Аббоси Тархон два бейта, у Абуали Сарахси и Абулмуайяда Равнаки Бухорои четыре бейта, у Дайлами Казвини семь бейтов, у Хотирии Рози 72 бейта, у Майсари Хакима 113 бейтов. Поскольку образцы стихов этих поэтов присутствуют только в одном сборнике, сравнительная оценка их не проводилась. Даже Ахмад Идорачи Гилони включил Ходжа Буркаи и Сабури Парси в число поэтов современников Рудаки на основании доступных ему источников, однако, к сожалению, из-за отсутствия фрагментов их литературного наследия он ничего не привёл [44, 225].

Кроме того, если кратко отметить, слова, трудные для современного читателя, такие как «айба» (кожаный мешочек), «алчахт» (надежда), «анкос» (чернота, краска), «бадоғол» (злой, раздражительный), «баш» (дверная цепочка), «вайла» (стон, жалоба), «ваштӣ» (добро, благо), «ираз» (тело, душа), «колум» (женщина, имевшая только одного мужа), «майну» / «мину» (небо), «маланг» (непутёвый, разодетый, безумный), «мож» (радость), «маноҳӣ» (запрещённое), «махнона» (обезьяна), «моз» (кость), «мӯидан» (плакать, кричать), «нӯш» (мёд и всё сладкое), «обак» (ртуть), «ожах» (озах), «омурғ» (польза), «пину» (сушёный творог), «рахч» (трутень), «рофа» (ароматное растение), «роғ» (луговая трава), «сафта» (долг, вещь в долг), «сақит» (тип бумаги или ткани), «сук» (колючки на стебле пшеницы или ячменя) и многие другие, в основном встречаются в сборнике «Поэзия современников Рудаки» (1958) и практически отсутствуют в сборниках «Поэты эпохи Саманидов» (1999) и «Поэзия современников Рудаки» (2007). В этом отношении преимущество по объяснению и толкованию трудных и устаревших слов принадлежит сборнику «Поэты эпохи Рудаки» (1370).

Прежде чем перейти к заключению данной главы, следует отметить, что сборники «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958), «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» (1370), «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007), несмотря на имеющиеся при сравнительном анализе текстов отдельные недостатки и расхождения, проделали значительную работу по

сбору, подготовке и редакции поэтического наследия современников Рудаки. Усилия исследователей и составителей этих изданий заслуживают высокой оценки. Эти публикации представляются весьма полезными для восстановления единого текста поэзии того времени в будущих академических изданиях. Таким образом, сравнительное исследование, представленное в данной главе диссертации, показывает, что в опубликованных сборниках поэзия современников Рудаки демонстрирует неоднородность как по содержанию и объёму представленных стихотворений, так и по внутренним текстovým особенностям. В одном и том же тексте, встречающемся в четырёх рассматриваемых изданиях, могут наблюдаться одно, два, три или даже больше различий, что указывает на необходимость подготовки более полного и выверенного собрания стихов современников великого поэта. Такая работа позволит максимально устранить имеющиеся недочёты и создать более достоверный текст. Кроме того, во всех изданиях, как таджикских, так и иранских, отмечаются технические ошибки и опечатки, устранение которых следует учитывать при подготовке будущих научных публикаций. Надеется, что данные рекомендации будут приняты во внимание исследователями текста, что позволит ярче представить образ таджикско-персидской литературы конца IX - начала X века.

Заключение

Изучение и рассмотрение выбранной темы, поиск, сопоставление и сравнительный анализ четырёх собраний стихотворений поэтов современников Рудаки - «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (1958), «Шоирони хамасри Рӯдакӣ» (1370), «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) и «Ашъори хамасрони Рӯдакӣ» (2007) показали, что данная работа, несмотря на трудности и значительные усилия, имеет беспрецедентное значение для исследования сохранившихся стихотворений поэтов его времени. В этом контексте анализ темы привел автора диссертации к следующим выводам:

1. Великий поэт Абуабдуллох Рудаки и его современники занимают выдающееся место в истории современной таджикской персидской литературы, написанной на таджикском варианте персидского языка, благодаря своему ценному литературному наследию. В их образах отчетливо прослеживается развитие дальнейшей литературы и культуры. К сожалению, от многочисленных художественных произведений современников Рудаки, как и от его собственных стихотворений, до нас дошли лишь отдельные фрагменты, и они сохранились не в отдельных сборниках и диванах, а крайне разрозненно в tazkirah, словарях и историко-научных трудах прошлых веков.

2. Отдельные фрагменты сохранившихся стихотворений поэтов современников Рудаки, прежде всего и в наибольшей степени, можно найти в «Лугати фурс» Асадии Туси. Вслед за Асადией Туси эти фрагменты использовались в «Лубоб-ул-альбаб» Мухаммада Авфи Бухараи, «Таржумон-ул-балоға» Родуюни, «Фарханг-и Каввос» Фахри Кавваса, «Чахор макола» Низами Арузи Самарканди, «Тарих-и Систон», «Хадоик-ус-сехр» Рашиди Ватвота, «Бахористон» Абдурахмана Джоми, «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшаха Самарканди, «Тухфат-ул-аҳбоб» Хафизии Убаха и «Маджмаъ-ул-фусаҳо» Ризокулихони Хидоят. Впоследствии эти тексты были собраны и впервые опубликованы в виде научно-исследовательских статей и трудов, а затем в отдельных книгах и сборниках. Первым исследователем, который, наряду с изучением жизни и творчества великого поэта Рудаки, обратил

внимание на сохранившиеся произведения его современников, был Саид Нафиси.

3. В дальнейшем, в связи с празднованием 1100-летия великого поэта Рудаки (1958) в Таджикистане, был собран и подготовлен к публикации первый сборник «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ», в котором были представлены образцы стихотворений 56 поэтов-современников Рудаки. В Иране Ахмад Идорачи Гилони (1370) опубликовал сборник «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ», включающий 50 поэтов. Душанбе выпустил издания «Шоирони аҳди Сомониён» (1999), включающее образцы стихотворений 39 поэтов, а позднее книгу «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007), содержащую образцы стихотворений 53 поэтов.

4. Сопоставительный анализ стихотворений, включённых в эти четыре сборника, показал, что между ними существуют существенные различия по многим аспектам: как с точки зрения краткой информации о поэтах, так и по количеству размещённых стихотворных строк, по порядку следования доступных строк, по точности передачи смысла и содержания, по метрике в отдельных стихотворных фрагментах, а также по объяснению трудных слов, выражений и оборотов речи. В этом контексте труд Ахмада Идорачи Гилони в сборнике «Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ» выглядит наиболее выдающимся среди сопоставленных изданий.

5. В текстах всех сборников, использованных в диссертации, единых разъяснений трудных слов нет. Более того, слова, трудные для современного читателя, такие как «айба» (кожаный мешочек), «алчахт» (надежда), «анқос» (чернота, цвет), «бадоғол» (гневный, злой), «баш» (дверная цепь), «вайла» (стон, жалоба), «ваштӣ» (добродетель, благо), «ираз» (тело, жизнь), «колум» (женщина, имевшая только одного мужа), «мож» (радость) и многие другие, приведённые в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958), отсутствуют в сборнике «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007). Кроме того, составители сборников «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (1958), «Шоирони аҳди Сомониён» (1999) и «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» (2007) уделяли недостаточное

внимание разъяснению слов и выражений, что существенно облегчает понимание текста. Это привело к тому, что при транскрипции в кириллический таджикский алфавит некоторые слова были прочитаны неправильно. В различных изданиях встречаются строки, которые либо не были включены в другие публикации, либо использованы наоборот. Ахмад Идорачи Гилони уделял особое внимание этой проблеме, прилагая значительные усилия для раскрытия значения труднопонимаемых слов в стихах современников Рудаки, и впоследствии целесообразно использовать его подход для подготовки и редактирования нового текста стихов поэтов-современников Рудаки. Кроме того, в указанных сборниках встречаются слова, которые в современном разговорном и литературном таджикском языке считаются «мертвыми» или «архаическими», некоторые из которых даже отсутствуют в крупнейшем «Лугатнаме» Деххудо. Все это требует дальнейшего анализа и изучения.

6. Количество поэтов, признанных современниками Рудаки в этих сборниках, достигает 74 человек. С учётом четырёх дополнительных поэтов - Салихи Навахи, Мокони Коки, Юсуфи Арузи и Абусахли Салук, о которых сообщали Мухаммад Авфи Бухараи, Саид Нафиси, Забихуллохи Сафо и Аълохон Афсахзод, это число достигает 78. Кроме того, в публикациях 1999 и 2007 годов Абухафси Сугди был включён в ряды поэтов-современников Рудаки, что с точки зрения исторической достоверности является ошибкой. По этому вопросу можно обратиться к соответствующим источникам. Таким образом, рассматриваемые сопоставительно сборники по отдельности остаются неполными и требуют дальнейшего изучения и исследования.

7. Стихотворения поэтов-современников Рудаки представляют собой мощный компонент персидско-таджикской литературы, оказавший значительное влияние на её формирование и развитие, и в значительной степени установивший свои стандарты уже в эпоху Саманидов. В этой связи сегодня возникает необходимость пересмотра стихов поэтов-современников Рудаки в целом, подготовки и публикации их единого научного текста для

исследовательского сообщества. Такой подход позволит устранить существующие недостатки изученных сборников и сделает литературу эпохи Саманидов более наглядной и представительной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники и материалы

1. Авфӣ, Муҳаммад. Лубоб-ул-албоб [Текст] / Муҳаммад Авфӣ. При участии Муҳаммада Аббосӣ. – Тегеран: Мумтоз, 1331. – 869 с.
2. Авфӣ, Муҳаммад. Лубоб-ул-албоб. Ҷилди 2 [Текст] / Муҳаммад Авфӣ. По изданию профессора Эдварда Брауна и аллома Казвини. С новыми редакциями, примечаниями и комментариями Саид Нафиси. – Тегеран: Иттиход, 1335. – 882 с.
3. Авфӣ, Муҳаммад. Лубоб-ул-албоб. Ҷилди аввал [Текст] / Муҳаммад Авфӣ. Подготовка текста, словарь, комментарии и введение Мирзо Солехов, Наджмуддин Ширинзода. – Душанбе: Бебок, 2018. – 320 с.
4. Арасту. Поэтика (Андар хунари шеърӯ шоирӣ) [Текст] / Арасту. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 170 с.
5. Ашъори парокандаи қадимтарин шуарои форсизабон [Текст] / При участии Жилбар Лозар. – Тегеран: Институт Ирана и Франции, 1342 / 1966. – 186 с.
6. Ашъори Ҳаким Кисоии Марвазӣ [Текст] / При участии д-ра Махдии Дурахшон. – Тегеран: Издательство университета, 1362. – 140 с.
7. Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ [Текст] / под ред. Абдулгани Мирзоев. – Сталинобод: Государственное издательство Таджикистана, 1958. – 408 с.
8. Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ [Текст] / Подготовка текста, словарь и комментарии Худои Шарифов, Абдушукур Абдусатторов. – Душанбе: Адиб, 2007. – 480 с.
9. Балхӣ, Робиа. Дарёи каронанопазир [Текст] / Подготовка, авторы предисловия и ответственные редакторы Анзурат Маликзод, Шамсиддин Муҳаммадиев. – Душанбе: ТҶБ Истикбол, 2010. – 80 с.
10. Ватвот, Рашидаддин. Девон бо китоби «Ҳадоиқ-ус-сеҳр фи дақоиқ-уш-шеър» [Текст] / Рашидаддин Ватвот. – Тегеран, 1339. – 249 с.
11. Дар партави Хуршед [Текст] / (выборка стихов поэтов первой половины IX века). Подготовка текста Мирзо Муллоаҳмадов, М. Шарофова. – Душанбе: Адиб, 2011. – 480 с.
12. Каввос, Фахр. Фарҳанги Каввос [Текст] / Фахри Каввос. Подготовка и составление текста с введением и комментариями Н.И. Ғиёсов. – Ходжанд: Нури маърифат, 2003. – 294 с.
13. Мунтахаби «Тарҷимон-ул-балоға» ва «Ҳадоиқ-ус-сеҳр» [Текст] / Подготовка текста, введение и комментарии Худои Шарифов. – Душанбе: Дониш, 1987. – 144 с.

14. Муставфӣ, Ҳамдуллоҳ. Таърихи гузида [Текст] / Ҳамдуллоҳи Муставфӣ. Под редакцией д-ра Абдулхусайни Навои. – Тегеран, 1339. – 730 с.
15. Нисорӣ, Хоча Ҳасан. Чаҳор гулзор [Текст] / Хоча Ҳасани Нисорӣ. Подготовка текста, авторы предисловия и составители словаря и комментариев Усмон Назир, Давлатбеки Ходжа. – Душанбе: Шарқи озод, 1998. – 116 с.
16. Нуъмонӣ, Шиблӣ. Шеър-ул-Аҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Чилди аввал [Текст] / Шиблии Нуъмонӣ. – Тегеран: Ибни Сино, 1334. – 196 с.
17. Родуёнӣ, Муҳаммад ибни Умар. Тарҷумон-ул-балоға [Текст] / Муҳаммад ибни Умари Родуёнӣ. Первое издание. – Тегеран: Асотир, 1362 х. – 263 с.
18. Родуёнӣ, Муҳаммад ибни Умар. Тарҷумон-ул-балоға [Текст] / Муҳаммад ибни Умари Родуёнӣ. Подготовка Аҳмад Аташ. – Стамбул, 1999. – 272 с.
19. Розӣ, Амин Аҳмад. Ҳафт иқлим [Текст] / Амин Аҳмади Розӣ. Подготовка Джаводи Фозил, в 3-х томах, том 1. – Тегеран, 1010 х. – 510 с.
20. Розӣ, Амин Аҳмад. Ҳафт иқлим [Текст] / Амин Аҳмад Розӣ. Подготовка Джаводи Фозил, в 3-х томах, том 3. – Тегеран, 1010 х. – 520 с.
21. Розӣ, Шамси Қайс. Ал-Муъҷам [Текст] / Шамси Қайси Розӣ. Автор предисловия, комментариев и Подготовка к изданию Урватулло Тоиров. – Душанбе: Адиб, 1991. – 464 с.
22. Рӯдакӣ. Шеърҳо / Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ [Текст] / Составители Усмон Каримов, Садрӣ Саъдиев. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 224 с.
23. Рӯдакӣ. Насими Мӯлиён [Текст] / Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ. Введение и комментарии Асрори Раҳмонфар. – Душанбе: Адиб, 1999. – 192 с.
24. Рӯдакӣ, Абуабдуллоҳ. Ашъор [Текст] / Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ. Подготовка текста с введением, словарем и комментариями Расул Ҳодизода и Алии Муҳаммадии Хуросони. – Душанбе: Адиб, 2007. – 416 с.
25. Рӯдакӣ, Абуабдуллоҳ Чаъфар бинни Муҳаммад. Девони ашъор [Текст] / Абуабдуллоҳ Чаъфар бинни Рӯдакӣ. Научный и критический текст с подготовкой Расул Ҳодизода и Алии Муҳаммадии Хуросони. – Душанбе: Пайванд, 2008. – 615 с.

26. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. Тазкират-уш-шуаро [Текст] / Давлатшоҳи Самарқандӣ. Исправление Мухаммад Аббоси. – Тегеран: Шоҳобод, 1338. – 431 с.
27. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. Тазкират-уш-шуаро [Текст] / Давлатшоҳи Самарқандӣ. Подготовка Мухаммад Рамазони. – Тегеран: Падидаи Ховар, 1366. – 432 с.
28. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. Тазкират-уш-шуаро [Текст] / Давлатшоҳи Самарқандӣ. Подготовка Мухлиса Нуруллоева. – Ходжанд: Ношир, 2015. – 544 с.
29. Самарқандӣ, Низомии Арӯзӣ. Чаҳор мақола [Текст] / Низомии Арӯзии Самарқандӣ. Исправление Мухаммад Қазвинӣ, комментарии Саид Қарабеглу и Ризо Анзобинажод. – Тегеран: Ҷомӣ, 1382. – 240 с.
30. Таърихи Систон [Текст]. Подготовка Маликушшуаро Баҳор. – Тегеран: Ховар, 1314. – 470 с.
31. Туси, Асадӣ. Луготи фурс [Текст] / Асадии Туси. Подготовка Паул Хорн и Мухаммад Дабирсиёқӣ. – Тегеран: Чопхонаи Маҷлис, 1319. – 571 с.
32. Туси, Асадӣ. Лугати фурс [Текст] / Асадии Туси. Исправление и подготовка Аббоси Иқбол. – Тегеран, 1319. – 571 с.
33. Туси, Асадӣ. Лугати фурс [Текст] / Асадии Туси. Подготовка Мухаммад Дабирсиёқӣ. – Тегеран: Китобхонаи Таҳурӣ, 1336. – 212 с.
34. Туси, Асадӣ. Лугати фурс [Текст] / Асадии Туси. Введение, подготовка, комментарии, примечания, словарь и указатели Нурулло Ғиёсов. – Ходжанд: Нури маърифат, 2015. – 492 с.
35. Ёбаҳӣ, Ҳофиз Султоналӣ. Тухфат-ул-аҳбоб [Текст] / Ҳофиз Султоналии Ёбаҳии Ҳиравӣ. Исправлено Фаридун Тақизодаи Туси и Нусратуззамон Риёзии Ҳиравӣ. – Машхад: Остони кудси разавӣ, 1365. – 385 с.
36. Ёбаҳӣ, Ҳофиз. Тухфат-ул-аҳбоб [Текст] / Ҳофизии Ёбаҳӣ. Подготовка издания, автор предисловия, комментариев, дополнений и указателей Ҳафиз Рауфзода. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.
37. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Ҷилди IX [Текст] / Абулқосими Фирдавсӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 480 с.
38. Ҳидоят, Ризоқулихон. Маҷмаъ-ул-фусаҳо. Ҷилди 1 [Текст] / Подготовка Мазохир Мусаффо. – Тегеран, 1339. – 596 с.
39. Ҳидоят, Ризоқулихон. Маҷмаъ-ул-фусаҳо [Текст] / Ризоқулихон Ҳидоят. – Тегеран, 1368. – 581 с.

40. Ҳикмати «Авесто» [Текст] / Подготовка и составление текста с введением, словарем и комментариями Алии Муҳаммадии Хуросонӣ. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2014. – 144 с.
41. Чунин гуфт деҳқон. Кӯтоҳшудаи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ. Чопи дувум [Текст] / Выборка и подготовка к изданию д-ра Муҳаммад Чаъфари Ёҳақӣ. – Машҳад: Интишороти Остони қудси разавӣ, 1398. – 608 с.
42. Ҷомӣ, Абдурахмон. Баҳористон [Текст] / Абдурахмони Ҷомӣ. Подготовка текста, автор предисловия, комментариев и словаря Аълохон Афсаҳзод. – Душанбе: Адиб, 2014. – 208 с.
43. Шарҳи аҳвол ва ашъори шоирони бедевон дар қарнҳои 3-4-5 ҳиҷрии қамарӣ [Текст] / Подготовка Маҳмуди Мудаббир. – Тегеран, 1383. – 704 с.
44. Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ [Текст] / Автор Аҳмад Идораҷии Гелонӣ. – Тегеран, 1370. – 566 с.
45. Шоирони аҳди Сомониён [Текст] / Составители и подготовка к изданию Худой Шарифов, Абдушуқури Абдусаттор. – Душанбе: 1999. – 144 с.

Словари

46. Деҳхудо, Алиакбар. Лугатнома. Ҷилди 38 [Текст] / Алиакбари Деҳхудо. – Тегеран: 1339. – 565 с.
47. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1 [Текст]. Под редакцией М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 952 с.
48. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2 [Текст]. Под редакцией М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 950 с.
49. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2 [Текст]. – Душанбе, 2010. – 1096 с.
50. Хонларӣ, Заҳро Киё. Фарҳанги адабиёти форсии дарӣ [Текст] / Киё Заҳро Хонларӣ. – Тегеран: Интишороти фарҳанги Эрон. Без года издания. – 460 с.
51. Ҳодизода, Р., Шукуров М., Абдучабборов Т. Лугати истилоҳоти адабиётшиносӣ [Текст] / Р. Ҳодизода, М. Шукуров, Т. Абдучабборов. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 188 с.

Научные труды и статьи

52. Абдуллоев, А. Дакики Абумансур Муҳаммад ибни Аҳмад [Текст] / А. Абдуллоев // Энциклопедияи советии тоҷик. Ҷилди 2. – Душанбе, 1980. – С. 243-244.
53. Абдусаттор, Абдушукур. Тасҳеҳи як бейти Шаҳиди Балхӣ дар бораи Рӯдакӣ [Текст] / Абдушукури Абдуссатор // Адиб, 1999. – №3. – С. 11-15.
54. Айнӣ, Садриддин. Устод Рӯдакӣ [Текст] / Садриддин Айнӣ // Куллиёт. Ҷилди 11. Китоби якум. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – С. 131-153.
55. Алиев, Г.Ю. Темы и сюжета Низоми в литературах народов Востока [Текст] / Г.Ю. Алиев. – Москва: Наука, 1985. – 334 с.
56. Амирзода, Субҳон. Тасҳифи шеърӣ Шаҳиди Балхӣ ва иштибоҳ дар шинохти устод Рӯдакӣ [Текст] / Субҳон Амирзода // Рӯдакӣ рафту монд ҳикмати ӯӣ... – Душанбе: Ирфон, 2020. – С. 84-94.
57. Амонов, Р. Лирикаи халқи тоҷик [Текст] / Раҷаб Амонов. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 453 с.
58. Афсаҳзод, Аълоҳон. Академик Абдулғанӣ Мирзоев [Текст] / Аълоҳон Афсаҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 80 с.
59. Афсаҳзод, А. Пайванди қарнҳо [Текст] / Аълоҳон Афсаҳзод. – Душанбе: Адиб, 1989. – 240 с.
60. Афсаҳзод, А. Бобочон Ғафуров ва пажӯҳиши Рӯдакӣ [Текст] / Аълоҳон Афсаҳзод // Академик Бобочон Ғафуров – муҳаққиқи таърих ва тамаддуни мардумони Осиёи Миёна. – Душанбе: Ирфон, 1999. – С. 156-170.
61. Афсаҳзод, А. Одамушшуаро Рӯдакӣ [Текст] / Аълоҳон Афсаҳзод. – Душанбе: Адиб, 2003. – 304 с.
62. Афсаҳзод, А. Одамушшуаро Рӯдакӣ [Текст] / Аълоҳон Афсаҳзод. – Душанбе: Адиб, 2008. – 312 с.
63. Аҳрорӣ, Зоҳир. Арзишҳои ахлоқӣ дар андешаҳои шуарои аҳди Рӯдакӣ [Текст] / Зоҳир Аҳрорӣ // Рӯдакӣ: дирӯз ва имрӯз. Составители: Аскаралӣ Раҷабов, Рустам Муқимов, Маҳмадраҳим Каримов. – Душанбе, 2008. – С. 506-544.
64. Балхӣ, Абушакур. Андарзи бузургон [Текст] / Абушакури Балхӣ // Ҷаҳони паём, 2008. – 8 декабр. – С. 5.
65. Басиров, Р. Рӯдакӣ дар осори шоирони гузаштаи тоҷик [Текст] / Р. Басиров // Тоҷикистони советӣ, 1956, 5 феврал. – С. 3.
66. Баҳор, Маликушшуаро. Сабкшиносӣ. Ҷилди 1 [Текст] / Маликушшуаро Баҳор. Второе издание. – Тегеран: Амири Кабир, 1337. – 467 с.

67. Баҳор, Маликушшуаро. Сабкшиносӣ. Ҷилди 2 [Текст] / Маликушшуаро Баҳор. Второе издание. – Тегеран: Амири Кабир, 1337. – 440 с.
68. Баҳор, Маликушшуаро. Сабкшиносӣ [Текст] / Маликушшуаро Баҳор. третье издание. – Тегеран: Амири Кабир, 1355. – 432 с.
69. Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы [Текст] / Е.Э. Бертельс. – Москва: Восточная литература, 1960. – 556 с.
70. Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы [Текст] / Е.Э. Бертельс. – Москва: Восточная литература, 1961. – 397 с.
71. Бертельс, Е.Э. Литература на персидском языке в Средней Азии [Текст] / Е.Э. Бертельс // Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. – Москва: Наука, 1988. – 556 с.
72. Бобоев, Ю. Муқаддимаи адабиётшиносӣ [Текст] / Ю. Бобоев. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 237 с.
73. Бобоев, Ю. Назарияи адабиёт. Қисми 1. Муқаддимаи адабиётшиносӣ [Текст] / Ю. Бобоев. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 320 с.
74. Бобокалонова, Ҷонон. Зан ва шеър [Текст] / Ҷонон Бобокалонова // Зан ва замон. – Душанбе: Адиб, 2002. – С. 65-141.
75. Борфурӯш, Муҳаммад Боқир Начафзода. Кисоии Марвазӣ ва шеъри ӯ [Текст] / Муҳаммад Боқир Начафзодаи Борфурӯш. – Тегеран: Рачо, 1377. – 227 с.
76. Брагинский, И.С. Очерки из истории таджикской народной поэзии [Текст] / И.С. Брагинский. – Москва: АН СССР, 1956. – 496 с.
77. Брагинский, И.С., Комиссаров, Д. Персидская литература [Текст] / И.С. Брагинский, Д. Комиссаров. – Москва: Наука, 1963. – 213 с.
78. Брагинский, И.С. Из истории таджикской и персидской литературы [Текст] / И.С. Брагинский. – Москва: Гл. ред. восточ. лит..., 1972. – 524 с.
79. Бухштаб, Б. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста [Текст] / Б.О. Бухштаб // Русская литература. – 1965. – №3. – С. 125-133.
80. Виноградов, В.В. Лингвистические основы научной критики текста [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1958. – №3. – С. 3-23.
81. Вопросы текстологии. Сборник статей [Текст] / Ответственный редактор В.С. Нечаева. – Москва: Наука, 1960. – 276 с.
82. Воҳидов, Султон. Авфӣ дар бораи Рӯдакӣ ва ҳамасрони ӯ [Текст] / Султон Воҳидов // Ёдбуди устод Рӯдакӣ. – Душанбе: Дониш, 1978. – С. 52-58.

83. Воҳидов, С. Лубоб-ул-албоб [Текст] / С. Воҳидов // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. – Душанбе, 1989. – С. 112-113.
84. Гаффоров М. Дж. Саид Нафиси - исследователь жизни и творчества Рудаки [Текст] / М. Дж. Гаффоров. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Душанбе, 2009. - 26 с.
85. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии [Текст] / А. Л. Гришунин. - Москва: Наследие, 1998. - 416 с.
86. Громова Л. Д. Проблемы текстологии русской литературы XIX в. [Текст] / Л. Д. Громова. - Москва, 1962. - 400 с.
87. Гудзий Н. К., Жданов В. А. Вопросы текстологии [Текст] / Н. К. Гудзий, В. А. Жданов // Новый мир. - 1953. - № 3. - С. 232–241.
88. Гафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим, асрҳои миёна ва давраи нав [Матн] / Б. Гафуров. - Душанбе: Дониш, 2008. - 870 с.
89. Ғиёсов Н. И. Падидаи нав дар матншиносии муосири тоҷикӣ [Матн] / Н. И. Ғиёсов // Ахбори ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. - 2018. - № 3 (76). - С. 95–101.
90. Давронов С. Соҳти шеърӣ тоҷикӣ [Матн] / С. Давронов. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 25 с.
91. Даргоҳӣ З. Пешоҳангони шеърӣ порсӣ [Матн] / З. Даргоҳӣ // Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд, ҷилди 2. - Душанбе, 2008. - С. 99–100.
92. Донишвар А. Қофия ва қолаби шеърӣ [Матн] / А. Донишвар. - Широз: Маърифат, 1372. - 151 с.
93. Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд, ҷилди 1 [Матн] / Сардабир М. Муллоаҳмад. - Душанбе, 2008. - 592 с.
94. Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд, ҷилди 2 [Матн] / Сардабир М. Муллоаҳмад. - Душанбе, 2008. - 545 с.
95. Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд, ҷилди 3 [Матн] / Сардабир М. Муллоаҳмад. - Душанбе, 2018. - 577 с.
96. Донишномаи Сомониён. Ҷилди 1 [Матн] / Под редакцией академика АМИ Таджикистана Н. Ю. Салимова. - Худжанд: Нури маърифат, 2008. - 544 с.
97. Дурахшон М. Ашъори ҳаким Марвазии Кисой ва таҳқиқ дар зиндагонӣ ва осори ӯ [Матн] / М. Дурахшон. - Четвертое издание. - Тегеран: Издательство университета, 1378. - 140 с.
98. Ёдбуди устод Рӯдакӣ (Маҷмуаи мақолаҳо) [Матн] / Составитель А. Афсаҳзод. - Душанбе: Дониш, 1978. - 118 с.

99. Ёҳақӣ М. Қ. Куллиёти таърихи адабиёти форсӣ [Матн] / М. Қ. Ёҳақӣ. - Тегеран: Орган печати и издательства Министерства культуры и исламского просвещения, 1389. - 86 с.
100. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика [Текст] / В. М. Жирмунский. - Ленинград: Наука, 1977. - 404 с.
101. Занд М. Мавзуи хираду дониш дар эҷодиёти Рӯдакӣ ва ҳамасрони ӯ [Матн] / М. Занд // Шарқи Сурх. - 1956. - № 2. - С. 50–58.
102. Занд М. Чихатҳои зиддихилофатӣ ва иҷтимоӣ дар назми Рӯдакӣ ва ҳамасрони ӯ [Матн] / М. Занд // Шарқи Сурх. - 1956. - № 12. - С. 80–86.
103. Зарринқӯб А. Сайре дар шеъри форсӣ [Матн] / А. Зарринқӯб. - Тегеран: Научное и культурное издательство, 1371. - 600 с.
104. Зарринқӯб А. Аз гузаштаи адабии Эрон [Матн] / А. Зарринқӯб. - Тегеран, 1375. - 588 с.
105. Зеҳнӣ Т. Дар бораи баъзе калимаҳои маъмули устод Рӯдакӣ ва муосиронаш [Матн] / Т. Зеҳнӣ // Шарқи Сурх. - 1958. - № 10. - С. 144–157.
106. Зеҳнӣ Т. Дар бораи баъзе калимаҳои маъмулии устод Рӯдакӣ ва муосиронаш [Матн] / Т. Зеҳнӣ // Шарқи Сурх. - 1958. - № 11. - С. 152–163.
107. Зеҳнӣ Т. Санъати сухан [Матн] / Т. Зеҳнӣ. - Душанбе: Адиб, 2007. - 400 с.
108. Зоҳидов Н. Адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои VIII–IX (давраи арабизабонӣ) [Матн] / Н. Зоҳидов. - Душанбе: Бухоро, 2014. - 444 с.
109. Ибни Қурбон. Дар дуруҳаи фано ва эҳёи миллати қадим [Матн] / Ибни Қурбон. - Душанбе: ЭР-граф, 2007. - 480 с.
110. Иқбол Аббос. Умораи Марвазӣ [Матн] / Аббос Иқбол // Маҷ. Шарқ. - Тегеран, декабрь 1309. - С. 8–15.
111. Исрофилниё Ш. Адабиёти бостон [Матн] / Шарифмурад Исрофилниё. - Душанбе: ЭР-граф, 2019. - 352 с.
112. Кадканӣ Шафеъӣ. Сувари хаёл дар шеъри форсӣ [Матн] / Шафеии Кадканӣ. - Тегеран, 1370. - 732 с.
113. Капранов В. Роҷеъ ба забони назми асри Рӯдакӣ [Матн] / В. Капранов // Коммунисти Тоҷикистон. - 1956, 8 июня. - С. 3.
114. Капранов В. А. «Лугати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии [Текст] / В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1964. - 214 с.
115. Комиссаров Д. К. Пути развития новой и новейшей персидской литературы [Текст] / Д. К. Комиссаров. - Москва: Наука, 1982. - 292 с.

116. Крачковский И. Ю. Арабская поэтика в IX в. [Текст] / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения. Том II. - Москва–Ленинград, 1956. - 702 с.
117. Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII–XI вв.) [Текст] / А. Б. Куделин. - Москва: Наука, 1983. - 260 с.
118. Кучаров А. Место критики текста в таджикском литературоведении и проблемы текстологии прозы С. Айни [Текст] / Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. Кучаров. - Душанбе: Хайём, 1997. - 55 с.
119. Кӯчаров А. Масъалаҳои матншиносии адабиёти тоҷик [Матн] / А. Кӯчаров. - Душанбе: Маориф, 1994. - 140 с.
120. Кӯчаров А. Нақди матн ва масъалаҳои матншиносии насри С. Айни [Матн] / А. Кӯчаров. - Душанбе: Матбуот, 2002. - 222 с.
121. Кӯчаров Аламхон. Таҳрири адабӣ ва ҷаҳлияти муҳарририи С. Айни [Матн] / Аламхон Кӯчаров. - Душанбе: Матбааи БМТ, 2013. - 139 с.
122. Кӯчаров А. Матншиносӣ. Китоби дарсӣ [Матн] / А. Кӯчаров. - Душанбе: ТоРус, 2017. - 224 с.
123. Қазвинӣ Муллоабдуннабии Фаҳруззамонӣ. Тазкираи майхона [Матн] / Муллоабдуннабии Фаҳруззамонии Қазвинӣ. - С подготовкой Ахмад Гулчини Маонӣ. - Тегеран: Марвӣ, 1367. - 1052 с.
124. Ладани Насер Джаннесари. Коранические сказания и хадисы в поэзии Рудаки и его современников [Текст] / Насер Джаннесари Ладани. - Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Душанбе, 2009. - 24 с.
125. Лазар Жильбер. Два медицинских трактата X века на фарсидари [Текст] / Жильбер Лазар // Рӯдакӣ ва замони ӯ (Маҷмуаи мақолаҳо). - Под ред. Абдулғанӣ Мирзоев. - Сталинабад: Государственное издательство Таджикистана, 1958. - С. 84–97.
126. Лихачёв Д. С. Текстология. Краткий очерк [Текст] / Д. С. Лихачёв. - Москва–Ленинград, 1964. - 106 с.
127. Лихачёв Д. С. Исследования по древнерусской литературе [Текст] / Д. С. Лихачёв. - Ленинград: Наука, 1986. - 408 с.
128. Маликзода А. Љилваи ҳаёл дар шеърӣ Дакики [Матн] / Анзурат Маликзода // Адиб. - 2001, № 3. - С. 4.
129. Маликзод Анзурат. Шаҳиди Балхӣ – шоири бузурги замони Сомониён [Матн] / Анзурати Маликзод. - Душанбе: Ирфон, 2016. - 116 с.

130. Маликзод А. Абушакури Балхӣ (Таҳқиқи нав дар рӯзгор ва осори шоир) [Матн] / Анзурат Маликзод. - Душанбе, 2023. - 90 с.
131. Маниёзов А. Дакики – шоири тағазулӣ ва ҳаммосасарои асри X [Матн] / Абдулқодир Маниёзов // Ахбори Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятӣ. - Душанбе, 1976, № 4. - С. 91–96.
132. Мардонов Т. Ҷунайди [Матн] / Тоҷиддин Мардонов // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 3. - Душанбе, 2004. - С. 497.
133. Мардонӣ Тоҷиддин. Рӯдакӣ ва адабиёти араб. Маҷмуаи мақолаҳо [Матн] / Тоҷиддин Мардонӣ. - Душанбе: Ирфон, 2010. - 128 с.
134. Меҳрин Аббос. Таърихи забон ва адабиёти Сомониён ва Ғазнавиён [Матн] / Аббоси Меҳрин. - Тегеран, 1381. - С. 57.
135. Мирзоев А. М. Рудаки и развитие газели в X–XV вв. [Текст] / А. М. Мирзоев. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. - 78 с.
136. Мирзоев А. Абу Абдулло Рӯдакӣ [Матн] / Абдулғанӣ Мирзоев. - Сталинобод: Государственное издательство Таджикистана, 1958. - 276 с.
137. Мирзоев А. Рӯдакӣ ва инкишофи ғазал дар асри X–XV [Матн] / Абдулғанӣ Мирзоев. - Сталинобод: Государственное издательство Таджикистана, 1958. - 77 с.
138. Мирзоев А. Сездаҳ мақола (Аз таърихи адабиёти асри X–XV форс-тоҷик) [Матн] / Абдулғанӣ Мирзоев. - Душанбе: Ирфон, 1977. - 288 с.
139. Мирзоев Абдулғанӣ. Таъриби илму дониш дар назми асри X [Матн] / Абдулғанӣ Мирзоев // Ёдбуди устод Рӯдакӣ. - Составитель Аълохон Афсаҳзод. - Душанбе: Дониш, 1978. - 118 с.
140. Мирзозода Х. Таърихи адабиёти тоҷик (Аз давраи қадим то асри XIII. Китоби 1(1) [Матн] / Х. Мирзозода. - Душанбе: Маориф, 1987. - 488 с.
141. Мирзозода Х. Лугати мухтасари истилоҳоти адабиётшиносӣ [Матн] / Холиқ Мирзозода. - Душанбе: Маориф, 1992. - 240 с.
142. Мирзоюнус М. Сиришке дар лола... (Нигоҳе ба зиндагӣ ва ашъори Робиаи Балхӣ) [Матн] / Матлубаи Мирзоюнус. - Худжанд: Государственное издательство им. Раҳим Ҷалил, 1998. - 160 с.
143. Мудаббирӣ Маҳмуд. Шарҳи аҳвол ва ашъори шоирони бедевор [Матн] / Маҳмуди Мудаббирӣ. - Тегеран: Понус, 1380. - 704 с.

144. Муллоаҳмад Мизро. Бозтоби вазъи замон дар осори Рӯдакӣ ва ҳамасронаш [Матн] / Мирзо Муллоаҳмад // Шоҳроҳи Ваҳдат. - Душанбе, 2000, № 9 (21). - С. 20–24.
145. Муллоаҳмад Мирзо. Суннатҳои бостонию ориёӣ дар осори Рӯдакӣ ва ҳамасронаш [Матн] / Мирзо Муллоаҳмад // Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд, ҷилди 2. - Душанбе, 2008. - С. 528–531.
146. Муллоаҳмад М. Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ [Матн] / Мирзо Муллоаҳмад // Донишномаи Рӯдакӣ. — Душанбе: ООО «КСЕРОК-СЛАНД», 2008. - С. 160.
147. Муллоаҳмад, Мирзо. Рӯдакӣ ва рӯдакишиносон [Текст] / Мирзо Муллоаҳмад. – Душанбе: Адиб, 2012. – 248 с.
148. Муллоаҳмад, Мирзо. Ҷоннисорӣ, Носир. Рӯдакӣ ва суҳанварони ҳамрӯзгори ӯ [Текст] / Мирзо Муллоаҳмад, Носири Ҷоннисорӣ. – Тегеран : Нашри Рӯзгор, 1387. – 264 с.
149. Мусулмонқулов, Раҳим. Асрори суҳан [Текст] / Раҳим Мусулмонқулов. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 152 с.
150. Мухторов, Абдусаттор. Раҳматуллоев, Асламшоҳ. Таърихи халқи тоҷик : в 2 т. Т. 1 [Текст] / Абдусаттор Мухторов, Асламшоҳ Раҳматуллоев. – Москва: Интрансдорнаука, 2002. – 384 с.
151. Муҳаммади, Али. Асади Туси и его поэма «Гершасп-наме» [Текст] / Али Муҳаммади. – Душанбе: Дониш, 1994. – 223 с.
152. Муҳаммадӣ, Шамсиддин. Абуҳафси Суғдӣ [Текст] / Шамсиддин Муҳаммадӣ // Донишномаи Рӯдакӣ: в 4 т. Т. 1 / гл. ред. Мирзо Муллоаҳмад. – Душанбе, 2008. – С. 65.
153. Муҳаммадӣ, Шамсиддин. Манучеҳрӣ ва шоирони аҳди Сомониён [Текст] / Шамсиддин Муҳаммадӣ // Донишномаи Рӯдакӣ: в 4 т. Т. 2. – Душанбе, 2008. – С. 78–79.
154. Муҳаммадӣ, Шамсиддин. Мафҳуми рангҳо дар афкор ва осори Рӯдакӣ ва ҳамасрони ӯ [Текст] / Шамсиддин Муҳаммадӣ // Донишномаи Рӯдакӣ: в 4 т. Т. 2. – Душанбе, 2008. – С. 99–100.
155. Муҳаммадиев, Шамсиддин. Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ [Текст] / Шамсиддин Муҳаммадиев // Донишномаи Рӯдакӣ. Т. 3. – Душанбе, 2018. – С. 375.
156. Муҳаммадиев, Шамсиддин. Ҳаким Абуҳафси Суғдӣ – шоири хамаҳди Рӯдакӣ [Текст] / Шамсиддин Муҳаммадиев // Ваҳдат. – 2020. – № 20 (октябрь). – С. 3.
157. Муътаман, Зайнулобиддин. Таҳаввули шеъри форсӣ [Текст] / Зайнулобиддин Муътаман. – Тегеран: Бунгоҳи матбуоти Афшор, 1346. – 390 с.

158. Нақавӣ, Шаҳриёр. Фарҳангнависии форсӣ дар Ҳинду Покистон [Текст] / Шаҳриёр Нақавӣ. – Тегеран, 1341. – 342 с.
159. Нарзикул, Мисбоҳиддин. Муқаддимаи шеършиносӣ (вазни шеър) [Текст] / Мисбоҳиддини Нарзикул. – Душанбе: Сино, 2004. – 79 с.
160. Нарзикул, Мисбоҳиддин. Авфӣ дар бораи Рӯдакӣ ва ҳамасрони ӯ [Текст] / Мисбоҳиддини Нарзикул // Донишномаи Рӯдакӣ: в 4 т. Т. 1. – Душанбе, 2008. – С. 73.
161. Нарзикул, Мисбоҳиддин. Авзони ашъори Рӯдакӣ [Текст] / Мисбоҳиддини Нарзикул. – Душанбе: Сино, 2011. – 132 с.
162. Насриддин, Абдулманнон. Бейти тозаи Фароловӣ [Текст] / Абдулманнони Насриддин // Куллиёти осор. – Худжанд: Ношир, 2013. – С. 149–151.
163. Насриддин, Абдулманнон. Нигоҳе ба тасҳеҳ ва нашри ашъори Рӯдакӣ [Текст] / Абдулманнони Насриддин // Чихил мақола. – Худжанд : Ганчи суҳан, 2007. – С. 16–42.
164. Насриддин, Абдулманнон. Бунёдгузори матншиносии равишманд [Текст] / Абдулманнони Насриддин // Чихил мақола. – Худжанд: Ганчинаи суҳан, 2007. – С. 474–482.
165. Насриддин, А.. Ғаффоров, М. Нафисӣ Саид [Текст] / А. Насриддин, М. Ғаффоров // Донишномаи Рӯдакӣ. Т. 2. – Душанбе, 2008. – 544 с.
166. Нафисӣ, Саид. Абулаълои Шуштарӣ [Текст] / Саид Нафисӣ // Маҷаллаи «Шарқ». – Тегеран, 1310. – С. 265–268.
167. Нафисӣ, Саид. Таърихи назму насри забони форсӣ. Т. 1 [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран, 1344. – 664 с.
168. Нафисӣ, Саид. Таърихи назму насри забони форсӣ. Т. 2 [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран, 1344. – 1172 с.
169. Нафисӣ, Саид. Фарҳанги форсӣ [Текст] / Саид Нафисӣ // Лугатномаи Деххудо. Т. 1. – Тегеран, 1337. – С. 178–186.
170. Нафисӣ, Саид. Насри форсӣ дар қарни чаҳорум [Текст] / Саид Нафисӣ // Маҷаллаи «Армон». – Тегеран. – С. 8–16.
171. Нафисӣ, Саид. Муҳити зиндангӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран : Изд-во библиотеки Ибн Сино, 1341. – С. 350–374.
172. Нафисӣ, Саид. Аҳвол ва ашъори Абуабдуллоҳ Чаъфар ибни Муҳаммад Рӯдакии Самарқандӣ. Т. 3 [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран, 1341. – 1166 с.

173. Нафисӣ, Саид. Муҳити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран : Изд-во библиотеки Ибн Сино, 1341. – 2-е изд. – 683 с.
174. Нафисӣ, Саид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар забони форсӣ то қарни X ҳиҷрӣ. Т. 1 [Текст] / Саид Нафисӣ. – Тегеран, 1344. – 657 с.
175. 175. Нафисӣ, Саид. Муҳити зиндагӣ ва аҳволу ашъори Рӯдакӣ [Текст] / Саид Нафисӣ. Подгот. текста Джафар Ранҷбар. – Душанбе: Нодир, 2008. – 934 с. + 7 с.
176. Нишот, Сайид Маҳмуд. Зеби суҳан ё каломи бадеи форсӣ [Текст] / Сайид Маҳмуди Нишот. – Тегеран, 1342. – 412 с.
177. Османов, М.-Н. Ближневосточная текстология в Советском Союзе и её основные принципы [Текст] / М.-Н. Османов // Вестник истории мировой культуры. – 1961. – № 4. – С. 113–119.
178. Османов, М.-Н. Стиль персидско-таджикской поэзии IX–X вв. [Текст] / М.-Н. Османов. – Москва: Наука, 1974. – 263 с.
179. Отахонова, Хуршеда. Тадқиқи матншиносии осори адибон [Текст] / Хуршеда Отахонова. – Душанбе: Дониш, 2010. – 160 с.
180. Прохоров, Е. И. Текстология (принципы издания классической литературы) [Текст] / Е. И. Прохоров. – Москва: Высшая школа, 1966. – 226 с.
181. Расулов, Савриддин. Матни ашъори Шаҳиди Балхӣ дар ду наشري тоҷикистонӣ [Текст] / Савриддин Расулов // Доклады Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2019. – № 2 (006). – С. 192–197.
182. Раҳмон, Шохзамон. Таҳаввули воҳидҳо ва созмони жанрҳои лирикӣ дар назми форсу тоҷик [Текст] / Шохзамони Раҳмон. – Душанбе: Пайванд, 2010. – 310 с.
183. Раҳмонфар, Асрор. Рӯдакиро суҳанаш тилви нубост [Текст] / Асрори Раҳмонфар. – Душанбе: Адиб, 2009. – 282 с.
184. Рейсер, С. А. Основы текстологии : учебное пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / С. А. Рейсер. – Ленинград, 1978. – 176 с.
185. Рейснер, М. Л. Эволюция классической газели на фарси (X–XIV вв.) [Текст] / М. Л. Рейснер. – Москва: Наука, 1989. – 221 с.
186. Рипка, Ян. История персидской и таджикской литературы [Текст] : перевод с чешского / Ян Рипка. – Москва: Наука, 1970. – 440 с.
187. Рӯдакӣ ва замони ӯ : сборник статей [Текст] / под ред. Абулғанӣ Мирзоев. – Сталинабад : Государственное издательство Таджикистана, 1958. – 240 с.

188. Рӯдакӣ: дирӯз ва имрӯз : сборник статей [Текст] / сост. Аскаралӣ Раҷабов, Рустам Муқимов. – Душанбе: Дониш, 2007. – 682 с.
189. Сайфуллоев, Атахон. Паямбари ишқ [Текст] / Атахон Сайфуллоев. – Душанбе: Адиб, 2008. – 544 с.
190. Саидзода, Чалолиддин. Рӯдакӣ ва Кисоӣ [Текст] / Чалолиддин Саидзода // Адабиёт ва санъат. – 2008. – 24 июля. – С. 6.
191. Саидов, Саидумрон. Чанд сухан дар матншиносии осори Рӯдакӣ [Текст] / Саидумрон Саидов // Садои Шарқ. – 2011. – № 9. – С. 132–138.
192. Сатторзода, А. Таърихчаи назариёти адабии форсии тоҷикӣ [Текст] / А. Сатторзода. – Душанбе: Адиб, 2001. – 142 с.
193. Сатторӣ, Қиёмиддин. Ишқи мамнуъ ё сарнавишти талхи Робиъаи Балхӣ ҳанӯз поён наёфтааст [Текст] / Қиёмиддин Сатторӣ // Миллат. – 2019. – № 1. – С. 26–28.
194. Сафо, Забехуллоҳ. Мухтасаре дар таърихи таҳаввули назму насри форсӣ [Текст] / Забехуллоҳи Сафо. – Тегеран, 1333. – 321 с.
195. Сафо, Забехуллоҳ. Таърихи адабиёт дар Эрон. Т. 1 [Текст] / Забехуллоҳи Сафо. – Тегеран : Фирдавсӣ, 1366. – 714 с.
196. Сафо, Забехуллоҳ. Ганҷинаи сухан. Аз Рӯдакӣ то Баҳор [Текст] / Забехуллоҳи Сафо. – Тегеран, 1374. – 853 с.
197. Сафо, Забехуллоҳ. Таърихи адабиёт дар Эрон ва дар қаламрави забони форсӣ [Текст] / Забехуллоҳи Сафо. – Тегеран : Фирдавсӣ, 1387. – 491 с.
198. Сирус, Баҳром. Қофия дар назми тоҷик [Текст] / Баҳром Сирус. – Сталинабад : Государственное издательство Таджикистана, 1955. – 163 с.
199. Сирус, Баҳром. Арӯзи тоҷик [Текст] / Баҳром Сирус. – Душанбе: Государственное издательство Таджикистана, 1963. – 288 с.
200. Солехов, Мирзо. Арӯз ва омӯзиши он [Текст] / Мирзо Солехов. – Душанбе: Сино, 2005. – 110 с.
201. Суханони ҳикматноки Рӯдакӣ ва муосирони ӯ [Текст] // Шарқи Сурх. – 1958. – № 10. – С. 110–116.
202. Табаров, С. Барои дуруст омӯхтани мероси адабӣ [Текст] / С. Табаров // Ҳаёт, адабиёт, реализм. – Душанбе: Ирфон, 1966. – С. 147–159.
203. Табаров, Соҳиб. Масъалаи мазмуну шакл дар намунаи лирикаи граждони [Текст] / С. Табаров // Ҳаёт, қаҳрамон, адабиёт. – Душанбе: Ирфон, 1977. – С. 221.
204. Усмон, Тоҷӣ. Бисту се адиба [Текст] / Тоҷӣ Усмон . сост. и автор предисл. Мачид Салим. – Душанбе: Эҷод, 2007. – 128 с.

205. Хонларӣ, Парвиз Нотил. Вазни шеъри форсӣ [Текст] / Парвиз Нотили Хонларӣ. – Тегеран : Бунёди фарҳанги Эрон, 1345. – 303 с.
206. Холиқзода, Шоира. Абушакури Бахлӣ ва осори ӯ [Текст] / Шоира Холиқзода. – Душанбе: Кондор, 2013. – 162 с.
207. Хуросонӣ, Алии Муҳаммадӣ. Матншиносии тоҷик ва таҳаввули он дар 50-соли охир [Текст] / Алии Муҳаммадии Хуросонӣ // Меҳру Муштарӣ: сборник статей. – Душанбе: Адиб, 2010. – 320 с.
208. Хуросонӣ, Алии Муҳаммадӣ. Рӯдакии суҳанвар ва шеъри хидоятгари ӯ [Текст] / Алии Муҳаммадии Хуросонӣ // Пайванди илму адаб. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – С. 180–192.
209. Ҳазратқуллов, Маҳмадқул. Ориёиҳо ва тамаддуни ориёӣ [Текст] / Маҳмадқул Ҳазратқуллов. – Душанбе: Дониш, 2006. – 578 с.
210. Ҳодизода, Расул. Суҳансарои барҷаста [Текст] / Расул Ҳодизода // Тоҷикистони советӣ. – 1978. – 17 декабр. – С. 4.
211. Ҳочизода, Аҳмад. Компютер ва матншиносии осори Рӯдакӣ [Текст] / Аҳмад Ҳочизода // Андешаҳо перомуни мероси ниёкон : сборник статей. – Душанбе: Дониш, 2019. – 268 с.
212. Ҳусейнзода, Ш.. Ҳошим, Р. «Донишнома»-и Қадархон ва аҳамияти он дар омӯхтани мероси адабии мо ва осори Рӯдакӣ [Текст] / Ш. Хусейнзода, Р. Ҳошим // Шарқи Сурх. – 1958. – № 6. – С. 10–21.
213. Чиллаев, Қ.. Бобоев, А. Носазо марди сазоворро [Текст] / А. Бобоев, Қ. Чиллаев // Садои Шарқ. – 1981. – № 12. – С. 112–119.
214. Шарифов, Худой. Тарҷумон-ул-балоға [Текст] / Худой Шарифов // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Т. 3. – Душанбе, 2004. – С. 177–178.
215. Шарифов, Худой. Суннатҳои адабӣ [Текст] / Худой Шарифов. – Душанбе: Адиб, 2007. – С. 9–45.
216. Шарифов, Худой. Сабки шеъри Рӯдакӣ [Текст] / Худой Шарифов // Сборник докладов Международной конференции «Ҷойгоҳи Рӯдакӣ ва забони тоҷикӣ дар муколамаи фарҳангҳо». – Худжанд, 2008. – С. 371–391.
217. Шариф, Худой. Адабиёти тоҷику форс дар аҳди Рӯдакӣ [Текст] / Худой Шариф // Донишномаи Рӯдакӣ : в 4 т. Т. 1. – Душанбе, 2008. – С. 67–83.
218. Шарифов, Худой. Ташаккули афкори адабӣ дар асрҳои X–XI [Текст] / Худой Шарифов. – Душанбе: ООО «Офсет Империя», 2017. – 240 с.

219. Шокириён, Мухаммадюнус. Малые лирические жанры в поэзии Рудаки и его современников : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Мухаммадюнус Шокириён. – Душанбе, 2018. – 25 с.
220. Шукуров, Мухаммадҷон. Пайванди замонҳо ва халқҳо [Текст] / Мухаммадҷон Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 224 с.
221. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Т. 1 [Текст] / науч. ред. Энциклопедии советской Таджикистана. – Душанбе, 1988. – 544 с.
222. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Т. 2 [Текст] / науч. ред. Энциклопедии советской Таджикистана. – Душанбе, 1989. – 560 с.
223. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Т. 3 [Текст] / науч. ред. Энциклопедии советской Таджикистана. – Душанбе, 2004. – 525 с.
224. Эте, Ҳ. Таърихи адабиёти форсӣ [Текст] / Ҳ. Эте. – Тегеран, 1337 г. хиджры. – 438 с.
225. Яздонӣ, Назр. Сайре дар шеъри аҳди Рӯдакӣ [Текст] / Назри Яздонӣ // Рӯдакӣ рафту монд ҳикмати ӯӣ... / сост. Муаззамхон Ансорӣ, Шодмон Воҳидов. – Душанбе, 2020. – С. 373–384.